

Ген. В. Замбрицкий

**ГЕРМАНО-СОВЕТСКАЯ ВОЙНА
1941 - 1945 г. г.**

**Всеславянское Издательство
Нью Йорк
1967**

Gen. V. Zambrijitsky

THE GERMAN-SOVIET WAR
1941-1945 years

Library of Congress Catalog Card No. 67-31489

Published by ALL-SLAVIC PUBLISHING HOUSE, Inc.
New York
1967

**ГЕРМАНО-СОВЕТСКАЯ
ВОЙНА
1941-1945 г. г.**

**Все книги издания Всеславянского Издательства
выходят при благосклонном участии и поддержке
князя Сергея Сергеевича Белосельского**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этот серьёзный труд опытного военно-научного исследователя Генерального штаба генерал-майора Виктора Александровича Замбжицкого дает объективную оценку операций, планов и замыслов советского и германского командований.

Автор книги глубоко вскрывает причины первых поражений и неудач советской армии и последующих ее успехов. Весь материал хорошо распланирован и подкреплён примерами.

Особенно ярко показаны автором — борьба за Сталинград, как переломный момент всей войны, затем поход на Берлин и, наконец, штурм германской столицы.

Разбор отдельных операций приводится с цифровыми данными, указано число действовавших дивизий, потери убитыми и пленными, потери или захваты танков.

Приложенные схемы помогают читателю разобраться в направлениях продвижения противников и в их маневрах.

Книга генерала Замбжицкого даёт ясное и яркое представление о поистине титанической борьбе.

Кроме того, она является прекрасным пособием для серьёзного изучения советско-германской войны и материалом для будущих историков.

I. ИСТОЧНИКИ.

В 1945 г. закончилась 2-я Мировая война. После войны появилась обширная литература, осветившая с достаточной полностью почти всю историю этой войны, за исключением лишь борьбы Сов. России с Германией. Эта борьба хранит еще много тайн, несмотря на то, что немцы добросовестно раскрыли все свои карты, а многочисленные труды, мемуары и показания живых свидетелей и участников восполнили общую картину, установленную на основании захваченных и обнародованных документов, и на Нюрнбергском суде.

Но другая советская сторона молчит и долго еще будет молчать и замалчивать такие болезненные и жгучие вопросы, как причины поражений и разгром советских сил в первые месяцы войны, дефекты мобилизации, транспорта, снабжений, подготовки страны и армии (боевой, хозяйственной, промышленной и иных), продукцию военной промышленности и пр., и пр., словом все то, что Сов. Союзу важно держать в секрете, при настоящей военно-политической мировой обстановке, когда идет холодная война и мир вооружается в предвидении неизбежного, повидимому, столкновения двух систем — коммунистической и капиталистическо-демократической.

Насколько охотно Советы распространяются о своих победах и издают книги о второй половине 2-й Отечественной войны (так теперь названа война 1941-1945 г.г.), настолько же они замалчивают первый, позорный период страшных и унижительных поражений. Французский генерал Гийом (Guillaume), состоявший 3 года военным атташе при французском посольстве в Москве с 1945 г. и имевший возможность лично собрать все печатные источники, издававшиеся

в СССР об этой войне (за исключением, разумеется, секретных) и использованные им затем при составлении своей книги "La guerre germano-sovietique", все начинает свой труд лишь с битвы под Москвой зимой 1941 г., так как описаний, более или менее правдивых и полных, о первом периоде он в советской литературе не нашел, не считая, разумеется, отдельных героических эпизодов и боев. Но это и понятно. Не может же советская власть расписаться в полной своей несостоятельности и ответственности за море пролитой крови и слез русского народа, за пережитые муки и гибель 20 миллионов человеческих жизней.

Отсутствие и сокрытие правдивых официальных данных затрудняет, конечно, исследование и приводит некоторых иностранных военных ученых, опирающихся исключительно на немецкие данные, к односторонним и ошибочным выводам. Так например, известный английский военный критик Лидль Харт в своем труде „Защита Запада“, где он, разбирая вопросы возможной будущей войны Запада с СССР и перспективы ее исхода и судя по опыту 2-й Мировой войны, приходит к опасному выводу, что СССР спасли не только стойкость характера русского народа и свирепая зима, но и недостаточная подготовка Гитлера и что „Гитлер в конце концов мог бы преуспеть вопреки невыгодным условиям, если бы он лучше подготовился. Он (Гитлер) терял шансы один за другим потому, что подвижность его армии зависела от колес, а не от гусеничной тяги. Машины на колесах (автотранспорт, артиллерия, снабжение, моторные части) постоянно застревали, тогда как танки шли. И если бы танки были снабжены транспортом с цепной тягой, то танки могли бы достигнуть жизненных центров СССР до осени. Это, мол, ясно каждому, имеющему хоть какое-нибудь соображение, кто изучал опыт 1-ой Мировой войны...". Так заключает Лидль Харт. Как будто все дело только в снабжении и как будто те же танки не застряли потом по пути к Москве, сначала в невылазной грязи, а потом в сугробах снега.

Такого же мнения придерживается и другой, не менее известный, английский военный писатель и критик, Дж. Ф. С.

Фуллер, издавший свой труд под названием „Вторая Мировая война 1939-1945 гг.". Стратегический и тактический обзор. (Советский перевод с английского).

Второй тезис, выдвинутый Л. Хартом, указывает на недостаточное количество германских танков, двинутых в СССР. Он исчисляет их всего в 2.434 штук, ссылаясь на показания танкового специалиста, германского генерала Тома.

Другой специалист по танкам, б. генерал-инспектор германских танковых войск, генерал Гудериан в своей книге „Мемуары солдата", дает цифры несколько щедрее и указывает, что против СССР выступило 3.200 танков.

Насколько эти цифры отвечают действительности, можно судить хотя бы по таким (не полным) данным: под Москвой в декабре 1941 года немцы потеряли 1.500 танков, в Сталинграде 1.500, во время Курско-Харьковско-Орловской операции 1943 года — 6.000; Сталин 1-го Января 1945 г. заявил, что только за последние 4 месяца 1944 года Советы в боях захватили или уничтожили 12.000 танков; наконец, сдавшаяся в мае 1945 г. советам армия Шернера имела 1.200 танков. Итого 22.000 танков, не считая других потерь.

А между тем Лидль Харт строит свои выводы на показаниях германских генералов. Я уже не говорю о том, что во всех этих суждениях отсутствует учет психологического элемента, имевшего первостепенное значение в исходе борьбы немцев с российским народом и сыгравшего огромную роль в повороте народных настроений, что в конце концов и предопределило исход войны, на самый факт, что на таких ошибочных данных западные военные ученые строят свои выводы — очень показателен. Во всяком случае он очень на руку Советам, которые не торопятся их опровергать, а про себя посмеиваются.

Тем не менее, несмотря на отсутствие официальных советских сведений, общую картину советско-германской войны можно обрисовать с достаточной точностью, что и составляет предмет предлагаемого труда.

II. ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ. ЗАМЫСЛЫ И ПЛАНЫ

Причины войны коренятся слишком глубоко, чтобы сказать о них в двух словах. Это необъятная тема, где затронуты и причудливо переплелись сложнейшие вопросы, интересы, противоречия и конфликты исторического, национального и расового, идеологического и социального, политического и экономического, культурного и биологического порядка; вопросы, которые требуют особого исследования и выходят далеко за рамки настоящего труда.

Моя задача гораздо скромнее. Я хочу дать лишь общий, очень сжатый, чисто военный очерк, описать вкратце подготовку обеих стран, силы и средства сторон, замыслы и планы, ход военных действий, подвести итоги и сделать некоторые выводы. Книга эта поможет русским людям разобраться в прошлом, которое знать необходимо.

Что война между Германией и СССР была неминуема, это было общеизвестно. Ни Гитлер, ни Сталин этого никогда не скрывали. Как в "Mein Kampf"¹⁾ Гитлер открыто высказывал свои завоевательные цели по отношению к России, в которой он видел необходимый для германского народа "Lebensraum", т. е. жизненное пространство, так и Сталин всенародно проповедывал теорию Ленина о неизбежности мировой революции и столкновении коммунистического мира с капиталистическим, и в первую очередь с Германией, как страной идей нацизма и фашизма, т. е. самым завзятым и опасным, самым непримиримым врагом коммунизма. Весь вопрос заключался лишь в сроках. Когда?..

---

1) "Mein Kampf" — „моя Борьба“, книга Гитлера, в которой он излагает свои цели.

Между тем, вместо войны, ко всеобщему удивлению, в августе 1939 года Гитлер заключил с СССР дружественный договор, приведший к разделу Польши! В действительности однако Московский договор был лишь политической игрой, в которой обе стороны рассчитывали обмануть друг друга и выиграть время. С точки зрения военной подготовки выиграл больше СССР, чем Германия, так как договор этот дал СССР почти двухлетнюю отсрочку, что для Советов было до разреза необходимо, имея в виду, что как раз перед тем Кремль стал переводить советскую тяжелую промышленность за Урал и ему нужно было время для того, чтобы пустить в ход дубликаты военных заводов в Сибири, Алтае, Туркестане и Дальнем Востоке. Без этих двух лет советская промышленность, потерявшая в первые же месяцы войны Криворожский и Донецкий бассейны, не справилась бы с задачей снабжения Красной армии, несмотря на всю помощь, оказанную Советам союзниками и в первую очередь Америкой. С этой точки зрения надо признать, что Московский договор был заключен своевременно и что Сталин обманул Гитлера.

Конечно, благодаря Сталину, Гитлер получил сырье и свободу рук в Европе, что принесло ему ряд умопомрачительных побед и выдвинуло Райх¹⁾ на вершину военной славы, так что в этом смысле, Гитлер, заключив договор, тоже не прогадал, но в конечном счете в выигрыше остался Сталин, а не Гитлер.

Заключив дружественный акт с Москвой, Гитлер однако и не думал отказываться от своих замыслов. Он лишь хотел расправиться со своими западными противниками, чтобы потом, покончив с ними, повернуть на восток и тогда, имея свободные руки, напасть, на СССР. Он не раз высказывал свое опасение и нежелание воевать на 2 фронта, хорошо памятуя, чем это кончилось для Германии в 1-ю Мировую войну.

Однако его расчеты не оправдались. С Францией, правда, было быстро покончено, но Англию раздавить так и не уда-

---

1) Райх — Государство, т. е. Германия

лось. Правда, на Западе фронта не существовало, но враждебные действия там не прекращались, и Гитлеру пришлось держать во Франции крупные оккупационные силы, как для того, чтобы держать в повиновении покоренную страну, так и на случай отражения высадки союзников, имея в виду, что к Англии в декабре 1941 года присоединились США, чем позиция Англии значительно усиливалась.

Когда в конце 1940 года выяснилось, что все попытки добить Англию воздушным и подводным путями не удались, что высадка там невыполнима и что нет никаких средств принудить Англию к миру, Гитлер был поставлен перед трудной задачей, — что делать дальше и как выйти из создавшегося тупика?

Не он ли сам утверждал, что прошлая война проиграна по вине имперского германского правительства, не сумевшего предотвратить войны на 2 фронта и покончить с одним из противников, прежде чем броситься на другого? И вот теперь создается подобная же обстановка, если не принять немедленно нужных решений и мер.

Дело в том, что несмотря на дружественные отношения с Советами, последние все более и более усиливали свои силы на границе с Германией, что не могло не встревожить Гитлера. Попытка его договориться с Кремлем в конце 1940 года о разграничении сфер влияний, не увенчалась успехом. Приглашенный в ноябре в Берлин Молотов предъявил такие требования в Финляндии, на Балканах и в проливах, что Гитлер пришел в ярость. Он не мог допустить захвата Советами Румынии, чьей нефтью снабжалась его армия, а это привело бы к неизбежному конфликту с СССР. Надо было пресечь теперь же, пока не поздно, эти поползновения Советов. Имея первоклассную победоносную армию, поразившую весь мир неслыханными молниеносными победами в Польше, Норвегии и Франции, он мог надеяться, что быстро справится с СССР.

Да, но война с СССР, пока не покончено с Англией, означала 2-й фронт. Как же быть? И Гитлер решает из двух зол выбрать меньшее. Если нельзя покончить с Англией

прежде чем обрушиться на СССР, то лучше уж покончить раньше с СССР, а потом уж расправиться с Англией. Правда, война с СССР означает войну на 2 фронта, но в настоящий момент СССР опаснее Англии, ибо за 1 только год, начиная с октября 1939 года, Советы, имевшие к тому месяцу 65 дивизий на восточных границах Райха, к декабрю 1940 года увеличили их вдвое, а танковые силы вдесятеро, и продолжают их усиливать, а Англия после Дюнкирхена бессильна и армии в сущности не имеет. Решение было принято.

И вот уже в декабре 1940 года Гитлер отдает историческую директиву № 21 (Барбаросса)²⁾, предписывающую подготовку к войне с СССР весной 1941 г. и указывавшую задачи и цели. Главные сотрудники Гитлера, такие, как Геринг, возглавлявший авиацию, фон-Браухич, главнокомандующий всеми армиями, морской министр Редер, Командующий танками Гудериан и другие военачальники, все они в отдельных докладах и беседах с фюрером высказывались в общем против этой войны, точно также как и Генеральный Штаб, но военное совещание, созванное по этому поводу 3 февраля 1941 г., где обсуждался доклад о планах и подготовке нападения Германии на СССР, приняло это решение молча, без возражений, а некоторые генералы даже с восхищением, в том числе и Начальник Штаба Главнокомандующего — ген. Гальдер, который ныне в своей книге критикует Гитлера и в частности его решение начать войну с СССР, в победе над которым он в ту пору ничуть не сомневался.

Ген. Гийом так определяет замыслы Гитлера: „Эта победа обещала все. Вторжение на Балканы весной 1941 г. прикрывало правый фланг его армий и обеспечивало ему (Гитлеру) помощь румынских и венгерских дивизий. Перед ним открывалась обширная база для наступления от Черного до Белого морей. Русские равнины и степи представляют самую благоприятную местность для развертывания и действия танков и авиации. Наступая на Ленинград, Москву и Украину, германская армия до начала зимних холодов достигает линии Архангельск — Астрахань, т. е. той линии, которая

---

²⁾ См. Приложение № 3

является стратегической целью. С захватом Москвы, этого сердца страны и столицы мирового коммунизма, а также центрального узла железнодорожных, речных, шоссейных и грунтовых путей, к востоку от нее не останется ни одной железной дороги и сети путей, связывающих север и юг СССР. Ленинград, этот ключ Балтийского моря с Кронштадтом, т. е. портом северного советского флота, сразу отрезается от жел. дороги на Мурманск. Украина с Донецким бассейном, богатая хлебом и сырьем, а равно промышленными центрами, отобранная у СССР, позволит Германии в лучших условиях продолжать борьбу с западными державами, если последние не склонятся перед победоносным завоевателем...”

Вот какие выгоды сулила Гитлеру война с Россией.

Срок начала военных действий, памятуя позднее вторжение Наполеона, перешедшего русские границы 22 июня 1812 года, был назначен на 1 мая 1941 года. Но случилось иначе, и этот срок, по независящим от Гитлера обстоятельствам, как сейчас увидим, пришлось отложить на тот же самый зловещий день 22 июня, но только 1941 года.

Что же произошло? А вот что: друг и союзник Гитлера, Муссолини его подвел. Пожираемый честолюбием и завистью к военной славе Гитлера и надеясь на скорую победу, Дуче¹⁾ решил тоже украсить себя лаврами полководца и, без ведома Фюрера, напал на Грецию, вторгнувшись в Эпир из Албании. Но вместо победы итальянцы были разбиты и позорно отброшены в Албанию. На фронте создалось столь катастрофическое положение, что для спасения итальянцев понадобилось вмешательство Гитлера. Это обстоятельство, в связи с враждебным к немцам переворотом в Югославии в марте 1941 года, привело к Балканскому походу, закончившемуся лишь к июню того же года, после чего германские войска с Балкан были переброшены к южным границам СССР и в Румынию для похода на СССР.

Непредвиденная Балканская кампания, а затем переброска войск оттуда к границам СССР, заставила отложить

---

1) Дуче — вождь (Муссолини)

поход на СССР на целых 6 недель и вместо 1-го мая начать его 22 июня, а это повело к тому, что операции под Москвой, когда решалась судьба войны, пришлось вести лютою зимой, при 40 градусном морозе, что катастрофически отразилось на ходе военных действий немцев, мечтавших закончить войну до наступления холодов и оказавшихся неподготовленными к зимней кампании и стуже, сковавшей все их танки. „Так Муссолини невольно спас Россию”, — говорил Картье, один из первых исследователей этой войны.

Спас, не спас, но несомненно способствовал поражению немцев под Москвой. Как бы то ни было, но поход Гитлера начался поздно. Даже имея ввиду несравнимую со средствами Наполеона быстроту передвижения германских армий, Гитлер должен был считаться с тем, что поход на СССР закончиться быстро не может. Поход на Польшу длился 3 недели, на Францию 6 недель. Как же можно было рассчитывать покончить с СССР в 8 недель? Этот расчет в корне неправилен.

Пространство, которое он хотел захватить, а именно всю полосу СССР к западу от линии Архангельск — Астрахань, по меньшей мере втрое больше Франции и, если на покорение Франции понадобилось 6 недель, то какие же основания были рассчитывать, что с СССР можно справиться в 8 или 10 недель. Судя по опыту Франции, надо было считать по меньшей мере 18 недель, тем более, что силы и средства СССР по своим размерам значительно превосходили силы Франции и Англии, взятых вместе. Если французы выставили 120 дивизий, то Советы могли выставить (и Гитлер это знал) по крайней мере втрое больше, и уж во всяком случае не менее 300 дивизий, судя по опыту 1-ой мировой войны.

Стало быть, немцам нужно было не меньше 4-5 месяцев для завоевания России и завершения победы, исходя из цифр опыта войны в Польше и Франции. Этим видам отвечал срок 1 мая, но никак не 22 июня. Начать войну в конце июня было поздно. Если уж решено воевать, то выгоднее было отложить поход до весны 1942 года, а тем временем закончить задачи в Африке, взять Суец и стать твердой ногой в Средиземном море. Решив же воевать в июне, Гитлер совершил непоправимую ошибку, за которую и поплатился.

III. СИЛЫ И СРЕДСТВА СТОРОН.

I. Количество дивизий.

С какими же силами Гитлер собирался покорить Россию? По данным генерала Гудериана Германия к 22 июня 1941 г. имела под ружьем 205 германских дивизий, из коих 38 находились на Западе (Франция, Бельгия, Голландия), 12 в Норвегии, 1 в Дании, 7 на Балканах и 2 в Сев. Африке у Роммеля. Для похода на Россию оставалось 145 дивизий, в том числе 24 танковых дивизий (Советы считают 30) и 10 пехотных мотодивизий.

Гудериан по праву считает такое распределение несоответственным целям: слишком щедро отсыпано Западу и Норвегии. В самом деле, на них ушло 50 дивизий, т. е. 25 % всех вооруженных сил страны. А в Польском походе против Запада было оставлено только 5 дивизий из 65, т. е. 8 %, а 60 направлены на Польшу. Конечно, обстановка в 1941 г. была сложнее и все же, рассуждая теоретически, казалось бы можно было повторить ту же пропорцию, т. е. оставить во Франции и Норвегии, если не 8 % то 10 % всех сил или, иначе, 20 дивизий, а 30 направить на Восточный фронт в дополнение к 145.

Этих 30 дивизий как раз и не доставало Гитлеру, чтобы превратить поражение Красной армии в более решительный разгром. Ведь в 1941 году Гитлеру во Франции и в Норвегии ничто не угрожало: английская армия только формировалась, а ее готовые дивизии немедленно направлялись на Северо-Африканский театр, в Мадагаскар, Либан, Сингапур... Америка в войну еще не вступила, и опасаться высадки во Фран-

ции никак не приходилось. Французы пока что держались смиренно; подпольная борьба маки появилась лишь двумя годами позднее. Одно время даже велись переговоры с правительством Виши о военном сотрудничестве Франции с Райхом.

Вопрос, чем вызвано такое распределение германских сил летом 1941 года, пока еще в литературе не освещен. Возможно, что Гитлер держал столь большие силы во Франции в виде стратегического резерва, из коего он надеялся черпать силы, когда это будет нужно. Право, Гитлеру надо было изучать не только Фридриха Великого, Кляузвица, Мольтке, Шлиффена и других немцев, но также и Суворова. А Суворов учил: „Идешь в бой, умножай войска, опорожняй посты, снимай комуникации... „Гитлер их не снял, а что вышло — известно.

Итак, для похода на Россию предназначено 145 германских дивизий; но сюда надо прибавить 60-70 дивизий союзных, а именно: 22 румынских (Черчилль считает 26), 13 венгерских, 10 итальянских, 1 словацкая и 14 (по другим сведениям 20) финских дивизий. А всего 145 германских и 60 (70) союзных, итого 205-210 дивизий.

Вот все, что Гитлер хотел бросить на Россию. Если вспомнить, что в 1-ой мировой войне даже в 1917 году, когда русская армия полуразложилась, немцы вынуждены были держать на оборонительном русском фронте от 140 до 150-австро-германских дивизий, то станет понятным, что 200 дивизий, брошенных для удара и уничтожения всей советской армии (как это ставил целью Гитлер), было недостаточно, не говоря уж о том, что Советы могли при мобилизации развернуть армию, не менее, как в 300 дивизий.

Правда, Гитлер опирался на то, что по руководству, подготовке, маневренному искусству, технике и боевому опыту германская армия во много раз превосходит советскую, что его авиация господствует в воздухе, а артиллерия и танки — на полях сражения и что имея такие козыри в руках, он без особых усилий раскатает вдребезги советскую армию, даже превосходящую его числом. Но ведь точно так же ду-

мал и Наполеон. Впрочем, Гитлер надеялся захватить Советы врасплох, а Красную армию не мобилизованной, и в таком случае все шансы, казалось, были в его руках. Насколько верны были его расчеты, мы дальше увидим.

Перейдем теперь к **Красной Армии**. По германским данным, к 1 мая 1941 года в советской западной пограничной полосе имелось примерно 158 дивизий, из них 116 пехотных, 20 кавалерийских и до 40 мото и танковых бригад (20 дивизий). *Abwehr* (Тайная охранно-разведочная служба) считал, что к июню 41-го года СССР имел всего 225 дивизий, из них 170 пехотных, 32 конных и 23 мото и танковых дивизий (46 бригад). Стало быть, 70 % всех советских сил были сосредоточены на германской границе, в том числе почти 90 % всех танковых соединений. Остальные 30 % советских сил, т. е. 60-70 дивизий, главным образом пехотных, были распределены по другим границам, а именно:

1) На Кавказе, против Турции, с которой счеты не закончены из-за Карса, Ардагана и Ахалкалак и которая могла выступить против СССР и на стороне Германии, — до 10 дивизий.

2) На **Персидской границе** или, точнее говоря, в Персии (Иране), куда с началом войны пришлось двинуть силы, как для защиты персидских нефтяных источников от посягательств Германии, так и для охраны путей к Персидскому заливу, через который шло снабжение из Англии, США и Канады в СССР, — 6 дивизий, в том числе 2 танковых, причем часть с женскими кадрами.

3) На **Финском фронте**, на основе недавнего опыта, не менее 10, а возможно и 15 дивизий, так как только на Онежском участке у ген. Мерецкова было 6 дивизий, а этот фронт был второстепенный (главный — Ленинградский), как и Мурманский.

4) На **Дальнем Востоке**, против японской армии в Манчжурии, — 30 дивизий (цифра указана самим Сталиным на Ялтинской конференции).

5) **Прочие театры** (Туркестан, побережье Черного моря, кадры внутри страны) — 10 дивизий.

Является вопрос, неужто Советы выставили против немцев только 160 дивизий? Нет, конечно. Это были только кадры, лишь отчасти мобилизованные. Когда вспыхнула война, Советы начали спешные формирования, и уже в сентябре 1941 года, по показаниям ген. Гальдера, имели на фронте 360 дивизий, т. е. иначе говоря, усилили фронт на 200 дивизий (больше, чем вдвое), в то время, как немцы к тому же сентябрю послали на восток всего лишь 30 новых германских дивизий.

Казалось бы, что при таком соотношении сил у Красных должен бы быть огромный перевес, но в действительности в сентябре силы обеих сторон почти что сравнялись, ибо Советы за 3 месяца войны потеряли до 100 дивизий, и фактически силы Красной армии в сентябре не превышали 250 дивизий, а немцы сами к тому времени имели 250 дивизий; их потери были вчетверо меньше, и при том не в виде целых соединений, как это имело место у Советов, где при окружении попадали в плен не только дивизии, но и целые армии. Но если в смысле численности Советы в дальнейшем не уступали немцам, то в смысле технических средств положение Красной армии после 4-х месяцев борьбы стало удручающе тяжелым, ибо вот что показывают германские официальные цифры: к 20 октября 1941 г. было захвачено 3.000 000 советских пленных (не считая потерь убитыми и ранеными, эвакуированными в СССР), 13.000 танков, 23.000 орудий и сбито или уничтожено свыше 10.000 самолетов.

К началу войны соотношение технических средств и сил было таково:

II) **Авиация:** По данным советского маршала авиации Вершинина, немцы вторглись в СССР, имея 20.000 самолетов. Советская авиация, по его словам, значительно уступала этим силам. Однако же цифру своих воздушных сил не назвал, но надо принять во внимание, что ежегодная продукция советской авиационной промышленности уже в ту пору была очень высока. Советы выпускали в год 20.000 самолетов. Как же могло случиться, что немцы имели „огромный перевес”? Как сообщает Фуллер (стр. 297), немцы произвели в 1939 г. в год 8.295 самолетов, а в 1942 году — 15.596.

Ларчик просто открывался. Не мог же Вершинин публично признаться, что Советы проворонили немецкое наступление и что в первый же день войны немцы воздушными атаками разгромили свыше 100 аэродромов в пограничной зоне, и в буквальном смысле пригвоздили к земле и превратили в щепы массу советских самолетов, при чем в первые же 2 дня было уничтожено не менее 2.500 аппаратов, что сразу нарушило всю организацию воздушной службы, вследствие чего советские войска часто не могли быть своевременно осведомлены об обходах и окружениях, совершаемых германскими танками, и попадали, как кур во щи, в тактические и стратегические мешки (по немецки — котлы “Kessels”), как, впрочем, и немцы попадали в свою очередь в такие же „мешки” во вторую половину войны, когда советская авиация, с помощью Америки, стала господствовать в воздухе.

К этому надо добавить, что советские аппараты сначала уступали немецким, ибо не имели радара и иных усовершенствованных приборов, как у германских авиаторов, вследствие чего действия массовыми группами и управление ими не могли сравниться с немецкими. Хотя русские летчики сами по себе ничуть не уступали немецким, а часто и превосходили их, но в массе они теряли, почему и потери были несоразмерны: за 1 сбитый немецкий аппарат Советы платили двумя и даже тремя, что вначале еще резче ухудшало соотношение советских воздушных сил по сравнению с германскими. И только когда союзники снабдили Советы новейшими приборами, положение выравнялось и впоследствии перевес перешел на сторону Советов, и они стали хозяевами воздуха.

III) Танки. По германским данным Советы имели к началу войны 21.000 танков, сведенных в 46 танковых бригад, а затем в 30 танковых дивизий; часть же танков была придана пехотным, конным и мотодивизиями. Советы считают, что немцы имели больше танков, чем у них, а немцы в свою очередь прибедняются и приводят смехотворно малые цифры, которые, впрочем, ими же самими опровергаются, не говоря уже о вышеприведенных цифрах.

Так, Гудериан подтверждает, что к началу похода на

Россию число танков в германских танковых дивизиях, ввиду потерь, новых формирований и недостаточности германской танковой продукции, было снижено с 400 до 300-250 и даже до 200. Если взять среднее, т. е. 250 танков на дивизию, то при 24-30 танковых дивизиях это составит 6.000-7.500. Но кроме германских, были еще румынские, венгерские, итальянские, финские танковые дивизии, так что без особой погрешности можно принять, что в первые месяцы войны немцы выставили до 10.000 танков в составе танковых дивизий.

Сверх того, каждая пехотная и мотодивизия, а равно артиллерийские части имели по дивизиону в составе 50-60 танков, что при 180 дивизиях (германских и союзных) дает в общем 9-10.000 танков. Таким образом, в итоге получается, что немцы имели никак не менее 20.000 танков, а Гудериан утверждает, что их всего было 3.200. Вот пример, как осторожно нужно относиться к показаниям даже авторитетных свидетелей.

Итак, танковые силы по количеству у обеих сторон были примерно равные, но по качеству руководства, опыту, тактическим методам, а отчасти и технике, преимущества были на немецкой стороне. Сами по себе, по силе брони, огня, дальности орудий (7.5 см. советский калибр против 3.7 см. немецких) советские танки (Сталин Т-34) далеко превосходили немецких „пантер” и „тигров”. И маневренные качества (подвижность, поворотливость, быстрота) были у Советов лучше (ходовая рама 75 см., а у немцев 45 см.), но советские танки страдали отсутствием радаров, радиопередатчиков и примитивностью приборов связи, вследствие чего массовые действия были затруднены; к тому же советские командиры не имели должного опыта (в финской войне командиры просто загубили танки), поэтому советские танки в первый период войны понесли огромные потери и не могли выполнить возложенных на них задач.

Зато во вторую половину, когда союзники (главным образом США) снабдили советские танки усовершенствованными приборами управления и машинным оборудованием для их производства, а также своими танками и транспортной тягой и когда выработался ряд лихих и отличных совет-

ских танковых командиров, таких как генералы Говоров, Рыбалка, Катуков, Ротмистров, Лелюченко, Плиев, Пужнов и иные, советские танковые войска с таким же успехом окружали немцев, как те русских в первый период войны.

Тут выручила красных советская индустрия. Гудериан утверждает, что ко времени похода на Россию, годовая продукция танков в Германии не превышала 1.000 штук. Эта цифра несообразная. На немцев в ту пору работали не только все заводы Германии, но и такие общеизвестные мировые поставщики вооружения и автомашин, как Французские Шнейдер-Крезо, Рено, бельгийская индустрия, чешские заводы Шкода, Колбен-Данек, Витковицкие и другие.

При продукции в 1.000 штук немцы не могли бы вернуть такого количества танковых дивизий, какое они выставили против России. Еще в 1940 году они двинули на Францию все свои танки в числе 10 дивизий; между тем против России выступили, если не все 30 (в июне), то 24 танковых дивизий, принявших участие в первых боях, а сверх того во Франции было оставлено 10 танковых (в числе тех 38, о коих сказано выше), не считая танковых соединений в Польше, Норвегии, на Балканах и в С. Африке у Роммеля.

Во всяком случае за год было сформировано не менее 20 танковых дивизий, на что потребовалось минимум 5.000 танков. Откуда же было взять их, если Райх в год выпускает всего 1.000 штук? Допуская даже, что немцы использовали для формирования военную добычу Франции и Чехословакии, все же получается явная неувязка и несуразица. Между прочим в точности известно, что в 1944 г. немцы выпустили с заводов 8344 танка...

Тем не менее документально установлено, что советская продукция танков по меньшей мере втрое превосходила германскую и в последние 3 года войны, по заявлению Сталина, достигла 30.000 танковых машин в год. Вот эта-та продукция, наряду с поставкой танков союзниками, и помогла Советам не только восполнить свои потери, но и сформировать новые дивизии.

Уже в конце 1943 года Начальник Оперативного Штаба

Гитлера ген. Иодль в своем докладе указал, что Советы имеют одних тяжелых, т. е. самых могучих танков 9.000 штук и что Советы формируют до 50 танковых дивизий. Вот эти-то танки совместно с советской артиллерией и авиацией, и повернули колесо судьбы, дав возможность Советам глубоко вклиниться во вражеские линии и широко развить успех во второй период войны.

IV. Артиллерия. Советские пушки (и огнестрельное оружие вообще) и по качеству и по количеству превосходили немецкие, но что касается меткости стрельбы и руководства огнем, то советская артиллерия в начале войны, по многим отзывам, уступала немецкой во многих отношениях.

В первый период войны, при наступлении противника днем, советская артиллерия открывала массовый огонь на предельных дистанциях, не особенно заботясь о том, чтобы своевременно переменить цели в зависимости от успеха неприятельского наступления и перенести огонь на прорвавшуюся пехоту или танки противника, а также для того, чтобы поддержать контр-атаку своих танков.

Некоторое объяснение в неудовлетворительном использовании артиллерийского огня и его неудачном массировании надо искать как в недостаточном обучении и подготовке, так и в недостатке или отсутствии необходимых и соответственных технических средств связи.

Недостаток искусства артиллерийской стрельбы отметили между прочим советские власти еще перед войной. Так, в 1938 году военная газета Красной армии „Красная Звезда“, официальный орган наркомата Обороны, писала, что „экзамены при Ленинградском округе обнаружили, по нашему мнению, полную неподготовленность новых командиров к усвоению программы военных курсов“, в соответствии с чем „Красная Звезда“ не постеснялась на своих страницах внести такое предложение:

„Если новые командиры-артиллеристы не доросли до понимания профессоров, преподающих на военных артиллерийских курсах, то не остается иного выбора, как понизить культурный уровень профессоров до уровня слушателей“.

Тем не менее, даже при недостаточно искусной стрельбе в первые недели войны артиллеристы, в отличие от пехоты, выполняли свой долг до конца и стреляли, пока их не разбивала авиация противника или же заскочившие с флангов танки, чем и объясняется массовый захват советских орудий.

Но война великолепная школа, и сами немцы отмечают, что русские скоро многому научились, так что советская артиллерия не только не отставала от германской в отношении меткости стрельбы, ее использования и подвижности, но и превзошла немецкую. Залповые же орудия (Катюши), менявшие все время позиции, так что их не легко было обнаружить, наводили даже порою на немцев страх.

А во второй период войны, когда были сформированы особые артиллерийские дивизии, артиллерия господствовала на полях сражений, пробивая проходы и бреши во вражеских заграждениях, укрепленных линиях и полосах и прокладывая дорогу своим танкам.

К концу войны артиллерийская подготовка перед крупным советским наступлением и атаками принимала уже громадные размеры и формы. К этому следует добавить, что продукция снарядов была доведена до такой степени, что удовлетворяла любой расход и спрос. Снарядного и патронного голода советская армия не испытывала никогда, даже в самые тяжелые моменты и кризисы борьбы.

V. Флот. Флот советский был слаб и соперничать в Балтийском море с немцами не мог, а на Черном море господствовал подводный германский флот и препятствовал всякой деятельности Черноморского советского флота, не успевшего, как и Балтийский флот, достичь намеченного развития. Вообще же советский флот почти никакой серьезной роли в войне не сыграл.

Вот в общих чертах картина сил и средств сторон. Если я почти ни слова не сказал о коннице, то потому, что у немцев была всего лишь одна конная дивизия, приданная танковой армии Гудериана; советские же конные дивизии оказались непригодными в борьбе с танковыми германскими

войсками и лишь зимой, когда танки замерзли, конница сыграла некоторую положительную роль. Времена Мюрата безвозвратно прошли. Лишь во вторую половину войны, при отступлении немцев, Советам удалось использовать конницу в виде подспорья к танкам, но в незначительных силах.

Подведем теперь итоги. Против 160 советских дивизий немцы двинули 210 т. е. на 50 дивизий больше, что дало им возможность сразу, в первые же дни и недели наносить мощные удары, тем более, что благодаря внезапности нападения и уничтожения чуть ли не доброй половины ближайшей советской авиации, германская авиация стала бесспорной владычицей воздуха, а ослепшие от этого советские войска оказались бессильными пред танками. Не говоря уж о прославленной подготовке и боевом опыте германского командного состава и недоспелости советского, ослабленного чистками, все указывало на то, что немцы должны были на первых порах добиться крупных успехов. Но это отнюдь не предreshало конечного исхода борьбы. Ресурсы Советского Союза были огромные, резервы неисчерпаемые, и при известном выигрыше времени Советы могли собрать свои силы и повернуть колесо судьбы.

Поэтому главная задача немцев состояла не только в том, чтобы разгромить основное ядро советских сил, но разгромить его и уничтожить в кратчайший срок, т. е. именно в те 8-10 недель „блицкрига”¹⁾ которые наметил Гитлер. Мы знаем однако, что эта задача в подобный срок была неосуществима. Отсюда ясно, что поставленная цель была немцам не по силам, что и обрекало заранее всю затею на провал. Такова логика вещей, основанная на объективном анализе. Независимо от поведения немцев и отношения их к русскому народу, идея завоевания России — химера, порочная в своем существе, праздная мечта, которую высмеивал еще Бисмарк, но которую, увы, на свою погибель и погибель германского народа усвоил Гитлер.

---

¹⁾ Блицкриг — молниеносная война

IV. ВТОРЖЕНИЕ В РОССИЮ.

(Схема № 1).

Относительно того, знали ли Советы о готовящемся нападении Германии на СССР или не знали, а если знали, то почему не приняли мер, есть целая литература, и мы останавливаться на этом вопросе не будем, а скажем лишь кратко, что Советы, как это ныне документально установлено, знали, как о германской подготовке, так и о германских намерениях. Сталина предупреждали английский и американский послы в Москве и даже указывали точную дату и сроки вторжения. Знал Сталин о замыслах Гитлера также из перехваченных в Токио, в германском посольстве, документов и сообщенных в Москву (за месяц до нападения) советским тайным агентом, немцем-коммунистом, служившим в посольстве и позже обнаруженным и казненным (его звали Рихард Зорге).

Но Сталин упорно не верил, что Гитлер нарушит заключенный в Москве дружественный пакт и нападет на Россию. Эту мысль, впрочем внушал и советский посол в Берлине Деканозов. Как это ни странно, но такой подозрительный, мнительный и недоверчивый азиат, как Сталин, в этом случае дал непростительного маху. Он не верил, не хотел верить, что Гитлер в самом деле ударит на Россию, а что это так, неопровержимым доказательством служит факт пребывания Сталина в день вторжения немцев в российские пределы, вдали от центра, в глухом углу Закавказья, в Сочи, где некоронованный владыка Советского Союза отдыхал от трудов праведных и почивал на мирных лаврах на даче, и это в самый критический момент, когда каждая потерянная минута в принятии нужных мер грозила неисчислимыми бедами и последствиями.

Конечно, Сталин был связан с Москвой и телефоном, и телеграфом, но в такой централизованной стране, как СССР, ничто не могло заменить личного присутствия и воздействия на ход решений и дел, и управление страной столь властного, волевого и авторитетного диктатора, как Сталин, что и сказалось в полнейшей растерянности Кремля и всех советских властей в самые драгоценные первые часы и дни, когда, по выражению Великого Петра, „упущение времени смерти невозвратной подобно”.

Что же, и на старуху бывает проруха, а за эту проруху российские народы заплатили 11 миллионами убитых и погибших в германском плену бойцов, 17 миллионами жертв гражданского населения, погибших от голода, холода, болезней, налетов, расстрелов и всяческих лишений (ведь в одном Ленинграде вымерло от голода свыше 2 с половиной миллионов), и наконец 20 миллионов раненых, не говоря уже о материальных потерях (см. приложение № 2), которые Сталин на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. исчислил в 16 миллиардов долларов (за утраченную недвижимость), считая по курсу доллара 1937 года, и 4 миллиарда за стоимость погибшего инвентаря и личного имущества жителей (позже эти суммы указаны значительно выше).

1. Группировка германских сил.

Как бы то ни было, война для Советов началась неожиданно-негадано. 22 июня германские войска на рассвете перешли советские границы и вторглись в Россию тремя громадными массами, почти равноценными по силам (они носили название „армейских групп Севера, Центра и Юга”), выполняя задание по плану, известному под шифром „Барбаросса” и имея следующие цели:

1. Армейская группа Севера под командой ген.-полковника фон-Леба. Наступая из Восточной Пруссии через Балтийские страны (Литву, Латвию и Эстонию) на Псков и Ленинград, окружить и уничтожить, совместно с финской армией Маннергейма (также наступающей из Выборга на Ленинград), советские войска, защищающие подступы к северной столице.

В состав группы фон-Леба входят 3 германских армии: 16-я ф. Буша, 18-я ф. Кюхлера и 4-я танковая Гепнера, общим числом 40 дивизий, из них 6 танковых, что вместе с финской армией Маннергейма и посланными в Финляндию германскими соединениями (6 дивизий, в том числе 2 танковых) в общем составит от 55 до 60 дивизий.

2. Армейская группа Центра фельдмаршала фон-Бока. Наступая из района Сувалки — Люблин через Белосток, Оршу, Смоленск на Москву, окружить и уничтожить советские силы на Центральном, Московском операционном направлении и взять Москву.

В состав группы входят 5 германских армий, из них 2 танковых, а именно: 2-я армия ф. Вайкса, 4-я ф. Клюге, 9-я ф. Штрауса, 2-я танковая армия Гудериана и 3-я танковая Гота. В общем, в этой группе было 55-60 германских дивизий, в том числе 14 танковых и мотодивизий.

3. Армейская группа Юга фельдмаршала фон-Рундштедта. Наступая из района Люблин-Карпаты (Чехословацкой полосы), в составе трех армий (6-ой ф. Райхенау, 1-ой танковой ф. Кляйста и 17-ой ф. Штюльпнагеля), взять Киев при содействии наступающих из Молдавии (Румынии) 11-й германской армии ф. Шобера и румынской маршала Антонеску, а затем наступать на Ростов и Сталинград, к Волге.

Эта группа из 5 армий имела до 40 германских и свыше 20 румынских, а всего до 60 дивизий, не считая венгерских и итальянских войск, вошедших несколько позже в армию Штюльпнагеля.

Такова была группировка германских сил, направленных на Россию, и цели, поставленные германским армиям стратегическим планом „Барбаросса.“

В этом плане нет ярко выраженной идеи, как это наблюдалось, например, в стратегических планах в польской, французской и балканской кампаниях, где в самом замысле намечалось окружение или всех неприятельских сил (Польша, Югославия) или части их при помощи двойного охватного удара. Здесь в „Барбароссе“, можно лишь догадывать-

ся, что Гитлер хотел, взяв Ленинград и Киев, окружить Москву широким охватным маневром с севера и с юга, обеими фланговыми армейскими группами фон-Леба и фон-Рундштедта. Но ни группировка германских сил, ни цели не указывают на это.

В самом деле, какое же из этих трех операционных направлений было главным и с какой стороны наносился решительный удар? Судя по числу исключительно германских дивизий (как более сильных и стойких, чем союзные), а также по силе и группировке танковых войск, которыми главным образом наносился удар, главным было Центральное, Московское направление, на котором и сосредоточено две танковых армии, в отличие от фланговых групп Севера и Юга, где имелось по одной танковой армии. Но в таком случае это был фронтальный, лобовой удар, а не обходная операция, ибо при обходе и окружении ударные силы находятся на флангах. С другой стороны, самой сильной группой (по присоединении венгерской и итальянской армии) была группа Юга фон Рундштедта, что указывало на то, что главный удар наносится в обход Москвы с юга правым (т. е. южным) ударным крылом. Это казалось тем более вероятным, что фельдмаршал фон Рундштедт и в Польском походе и во Франции руководил главным ударом. Но в таком случае почему же Рундштедту придали не 2, а только одну танковую армию?

Эта неопределенность и раздвоенность сил и целей между Центральным Московским и Южным Украинским операционными направлениями имели для немцев весьма пагубные последствия, ибо уже на второй же месяц войны они (эти колебания) выдвинули вопрос, куда гнать ударный клин, на Москву или на Киев? Гитлер, как известно, свернул на Киев, чем была сорвана Московская операция по взятию Москвы. (Схема №2).

2. Группировка Советских сил.

Перейдем теперь к обзору и группировке Советских сил. Советские армии тоже были распределены на 3 фронта (Северный, Центральный и Украинский или Южный) под

командой маршалов. Северным командовал маршал Ворошилов, Центральным — Тимошенко и Украинским — Буденный. Все три советских маршала — герои гражданской войны, но мало сведущие в стратегии и руководстве массовыми армиями в современной войне. Выйдя из унтер-офицерских низов, они кой-чему научились, кое в чем понаторели, наострились, набрались вершущек и обрывков знаний, но никакой систематической подготовки не имели, а как были, так и остались бойцами с малым кругозором. Из них более толковым выказал себя Тимошенко, но и он не отвечал требованиям стратега, какие предъявляются полководцу. Времена Наполеонских маршалов безвозвратно прошли, и в наши дни одной храбростью ничего не возьмешь. Добавим, что общее руководство взял на себя Сталин, имея при себе советником и докладчиком на ролях начальника штаба старого, опытного и умного царского офицера Генерального Штаба Шапошникова.

Как были распределены советские силы, какие им были поставлены задачи, — пока тайна, но судя по потерям за 4 месяца войны, понесенным Красной армией с 22 июня по 20 октября 1941 г., главные массы советских сил были распределены почти равномерно на Московском и Украинских направлениях, причем на Московском было больше танков и артиллерии, чем на Украинском фронте; на Ленинградском же направлении сил было втрое меньше, чем и можно объяснить почти беспрепятственное продвижение немцев в первые же 10 дней войны до самой Двины, тогда как в центре и на юге немцы натолкнулись на сильное сопротивление Красной армии.

Советское командование, так же как и немецкое, повидимому двоилось в оценке, какое же операционное направление считать главным, Московское или Украинское (есть сведения, что Советский Генштаб ожидал якобы главный удар немцев на Украине, подобно наступлению 1918 года) и в зависимости от этого и распределило равномерно свои войска, но в ходе борьбы, в первый же месяц, в отличие от немцев, правильно поняло, что главное-Московское направление, и поэтому сюда направляло все новые резервы и

формирования, жертвуя югом, что и дало Кремлю возможность удержать Москву.

3. Планы.

Какие же были советские планы? Не ожидая еще в этот момент войны и рассчитывая напасть на „капиталистов“, когда они передерутся между собой, ослабят друг друга, и таким образом дадут удобный случай всадить нож в спину Германии, Кремль не только не подготовился к обороне, но и почти разоружил Сталинскую укрепленную полосу от Нарвы на Псков и далее по Днепру на юг, полосу, на которую, до раздела Польши, предполагалось опереться, в случае оборонительной войны.

И вот теперь приходилось воевать, не имея мобилизованной вполне армии, ни укрепленных опор, ни готовых, заранее обдуманных и в соответствии с обстановкой подготовленных планов, воевать, одновременно ведя тяжкие бои и мобилизуя страну и формируя новые силы, которые поневоле приходилось бросать неспяянными (внутренно) в бой, вводить их по частям и тем обрекать их на поражение.

Поистине трагическое положение, вызывавшее огромный непроизводительный расход народных сил и нервной энергии, затрачиваемой на преодоление страшных трений вместо согласованной и дружной работы. Оно усугубилось еще тем, что советская система, подавляющая самостоятельность и воспитывающая людей всецело в духе планирования, плановости и указки власти, тем самым усугубляла разразившуюся внезапно катастрофу, так как без этой плановости и указки советские люди в первый момент, при решении непредвиденных вопросов общегосударственного и общенародного значения, больше терялись в хаосе, чем люди, выросшие в школе нормального, здорового, общественно-организованного труда, где личная инициатива помогает быстро разобраться и, не опасаясь ответственности, принять нужные решения и меры, не ожидая приказа сверху.

Вот почему в первых операциях Советские власти и Советское командование так растерялись и, вместо того, чтобы

отводить и сохранить войска, как это сделали Барклай и в особенности Багратион в 1812 году, они стояли на месте, не имея приказа отступить, и гибли, или же командиры затыкали дыры и отбивались как попало, бросая на фронт все, что было под рукою, в ответ на немецкие удары, и принимая меры местного, случайного, тактического порядка вместо крупных оперативных мер и стратегических решений.

Общий же, планомерно организованный план обороны, имевший целью нанести противнику сильный ответный стратегический удар и, если не разбить его, то отбросить его назад и во всяком случае остановить наступление противника, дабы выиграть время для организации сил и перехода в решительное наступление, Советское Командование смогло осуществить впервые лишь в битве за Москву, т. е. почти через полгода после начала войны и ряда проигранных сражений.

Прежде чем перейти к описанию хода военных действий, заметим вкратце, что нападение Гитлера на СССР почти автоматически привело СССР к союзу с англосаксонскими западными державами, в интересах коих было тотчас же оказать СССР всемерную помощь вооружением, машинным оборудованием и сырьем. Уже в сентябре 1941 года в боях приняли участие присланные из Англии самолеты, а до конца 1941 года Англия через Мурманск, а частью через Персидский залив и Иран, прислала 5.000 танков, а США открыли кредит (лендлиз) на поставку снаряжения, вооружения, машин, оборудования фабрик, санитарных средств, медикаментов, консервов и прочего на колоссальную сумму в 11 с четвертью миллиардов долларов, что дало возможность СССР отчасти пополнить свои потери (технических средств), а отчасти (и это главное) наладить производство их в Сибири и вообще за Уралом. К тому же, в счет лендлиза СССР получил морской транспорт и 400.000 автомашин (грузовых и легковых), без чего вряд ли возможно было бы ведение наступательных операций во вторую половину войны с подобным размахом и темпами, как это имело место в 1943-45 г.г.

Добавим, что за пару месяцев до войны Советам удалось заключить с Японией дружественный договор, обеспечивший тыл СССР и позволивший Советам сосредоточить все свои силы на борьбу с Германией. Это был крупный дипломатический успех Кремля, ибо Советы в конечном счете выиграли, а японцы проиграли, по существу ничего не получив взамен. Так же было и с Турцией.

V ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. КАМПАНИЯ 1941 Г.

(Схема № 1).

Уложить громадный объем и размах событий за 4 года войны в краткий конспективный очерк — задача весьма сложная и трудная, поэтому приходится излагать сжато, выбирая лишь важнейшее и обходя многие вопросы молчанием, дабы дать по возможности цельную картину хотя бы в общих контурах.

Для удобства обзора и разбора разделим ход военных действий летом и осенью 1941 года на 4 фазы:

1. **Первая фаза** обнимает сражения в приграничной полосе с 22 июня до конца июля, т. е. в течение, примерно, первого месяца войны. Сюда входят операции:

- а) Балтийская (Северный фронт).
- б) Белостокско-Минская (Центр).
- в) Львовская (Украина).

Но сюда же можно причислить

г) Уманскую операцию, закончившуюся 9 августа, так как по существу эта операция совершилась в приграничной полосе Украины.

2. **Вторая фаза** войны охватывает период боев в августе и сентябре. Сюда входят ряд операций на всех трех фронтах, а именно:

а) Дерптская, Ленинградская и Ильменская (Северный фронт).

б) Смоленская, Рославльская и Гомельская с контр-ударом Тимошенко (Центральный фронт).

в) Киевская, Бужская и Днепропетровская. (Украина).

3. Третья фаза обнимает октябрьские бои, а именно операции;

- а) Вязьма — Брянск.
- б) Мелитопольская.
- в) Крымская.

4. Четвертая фаза — ноябрь-декабрь 1941 года, включая битвы и бои за:

- а) Москву.
- б) Ростов.
- в) Тихвин.

В этот перечень не входят операции на финских фронтах, о коих мы скажем попутно с обзором прочих операций, (дабы не загромождать очерка). Все операции мы разберем по возможности хронологически, спускаясь с севера на юг.

Первая фаза. Схема №№ 2 и 3.

а) **Балтийская операция.** (Ленинградское направление). Фон-Леб, развернув свои 3 армии широким фронтом (вером), двинулся из Восточной Пруссии через Литву и Латвию на Либаву-Ригу-Двинск. Почти не встречая сопротивления и продвигаясь по 40-50 км. (в среднем) в сутки, он менее чем через неделю дошел своими танками до Двины и 30 июня уже захватил Ригу. Южнее танки проскочили Двинск и 17 июля без боя заняли Псков, прорвав таким образом оборонительную линию Сталина почти без всяких усилий и борьбы. Для сравнения напомним, что, если Рига была взята через неделю после начала военных действий, то в 1-ой Мировой войне немцам удалось взять ее лишь на 4-ый год войны, в августе 1917 года, да и то потому, что под влиянием революции фронт разложился.

Не то было теперь. Советские войска поспешно отходили, чтобы не сказать бежали, как это свидетельствует М. Коряков („Освобождение души“) со слов своего командира генерала Зотова, пытавшегося задержать беглецов, бежавших из-под Двинского фронта прямо к Режице (т. е. в 70 км. в тылу), и сформировать здесь из них дивизию. Зотову действительно „удалось собрать несколько тысяч штыков, а точнее палок, потому что оружие побросали, наличных

винтовок на всех не хватало, в строй становились с палками... Дивизия просуществовала 2 дня и... (снова) разбежалась”...

Первое серьезное сопротивление немцы встретили под Дерптом (Юрьев), где бои затянулись на две недели и таким образом задержали до конца июля дальнейшее наступление армий ф.-Леба. До Дерптской операции немцы захватили лишь 35.000 пленных и 650 орудий; отсутствие среди трофеев танков, как будто указывает, что их здесь у красных не было. С ними немцы столкнулись и даже были несколько потрепаны (ввиду технического превосходства советских танков) в боях под Дерптом, куда Советы двинули резервы.

Балтийская операция (т. е. наступление ф.-Леба до сражения под Дерптом) за три недели отдала в руки немцев почти всю Прибалтику с огромной военной добычей и складами, брошенными Красной армией. Когда мы сравним ниже количество пленных, взятых немцами за тот же период на других направлениях, мы поймем, что здесь советские войска в первые дни и недели не сражались, как в Центре и в Украине, а просто „тикали”, уходя самотеком в тыл, чем и объясняется столь быстрое продвижение фон-Леба, который однако в виду обширности захваченной территории и разброски войск и целей (часть сил устремилась на восток, к Пскову и Ленинграду, а часть на запад, для овладения побережьем и островами Рижского залива), не сумел использовать и развить достигнутый успех.

Иначе сложились дела на других направлениях.

б) Белостокско-Минская операция. Она разыгралась на Центральном (Московском) направлении одновременно с Балтийской операцией и наступлением фон-Леба, а частью при его содействии, так как ф.-Леб поддержал фон-Бока своим правым крылом. Эта группа фон-Бока (Армейская группа Центра), в составе 5 армий, пользуясь охватным начертанием границ (в виде выпуклой дуги) в районе Сувалки — Брест-Литовск и имея обе танковые армии на флангах (на севере Гот, на юге Гудериан), сразу двинула обе танковые армии вперед, как 2 ударных клина (кулака), направ-

для их в обход с севера и с юга для окружения главных масс советских войск Тимошенко, расположенных внутри дуги, в районе Белосток-Минск.

Немцев не ждали. Как сообщает Гудериан в своих мемуарах, он накануне вторжения летал над пограничной полосой и не видел со стороны Советов никаких приготовлений. Там все было тихо и мирно; не видно было и советских самолетов. В самом Брест-Литовске играла музыка, а на крепостном плацу, готовясь, видимо, к параду, усиленно муштровали гарнизон и гоняли церемониальным маршем. На берегу пограничной реки (Буг), кроме редких шалашей, сонной охраны, никаких дозоров и усиленного сторожевого охранения... Что же мудреного, что на другой день, при неожиданной атаке немцев, советские войска были в буквальном смысле захвачены врасполох.

Танки Гота и Гудериана, перейдя границы и реку и сбивая на своем пути встреченное сопротивление, уже на 6-й день операции прорвались глубоко в тыл и подошли к Минску, где и подали друг другу руки, а затем, выдвинув заслон к Березине, откуда Советское Командование хотело помочь советским массам Белостока и Минска, окружили их и замкнули в двух тактических мешках ядро армий Тимошенко, причем в Белостоке была окружена меньшая часть, а в Минске большая.

Несмотря на упорные бои, через неделю после начала военных действий, а именно 30 июня, Белостокская группа, лишенная снарядов, положила оружие, а еще через неделю, 7 июля, сдалась и Минская группа после отчаянных, но бесплодных попыток пробиться, причем в обеих группах захвачено 324.000 пленных, 3332 танка и 1809 орудий.

Таким образом уже через 2 недели путь к Днепру был открыт, так как все советские атаки со стороны Березины были отбиты и противник отброшен. А еще через 10 дней захвачен с налета Смоленск, из которого, правда, немцы тотчас же были выбиты, но затем овладели им снова. Как-никак, с половины июля уже начались бои за переправы через Днепр и за Смоленск, т. е. иначе говоря, меньше чем через

месяц после начала войны, полпути от границ до Москвы было пройдено и, казалось, что теперь уже ничто не сможет остановить молниеносного и стихийного напора немцев.

Напомним, что в 1-й Мировой войне немцы в течение трех лет борьбы разбили себе лоб, но так до Днепра и не дошли. Что может быть красноречивей этого сравнения? И это при том, что старая русская армия пережила тяжелый кризис снарядного голода...

в) **Львовская операция** разыгралась не менее успешно на Украинском фронте в те же июньские и июльские дни. Три армии ф.-Рундштедта, также используя выпуклую пограничную дугу, в центре которой лежит Львов, разбили здесь группу советских войск восточнее Львова обходным маневром танков Клейста, и 4 июля Львов и Злочев были взяты. В то же самое время германско-румынские армии (Шобера и Антонеску), наступая из Молдавии, перешли Прут и взяли Черновицы, а 24 июня двинулась через Карпаты и Венгерская армия.

Несмотря на жаркие контр-атаки в районе Злочева советских танковых масс, красные потерпели жестокое поражение и, хотя избежали окружения (так как одной танковой армии Кляйста оказалось для этого недостаточно), но были отброшены на восток и потеряли 150.000 пленных, 1970 танков и 2190 орудий.

Такая большая потеря танков predeterminedила в дальнейшем неудачу Буденного в позднейшей Уманской операции, происшедшей месяцем позже, но тем не менее эти бои сказались и на 3-х армиях Рундштедта, которые 6 июля застряли под Житомиром почти на целый месяц (до 2 августа), тогда как армии Шобера и Антонеску 19 июля достигли Буга.

г) **Уманская операция.** В этой операции инициатива принадлежит Буденному, в лице которого Советское командование впервые проявило скороспелую попытку взять почин в свои руки и предупредить дальнейшее наступление немцев контр-ударом. Суть этой операции заключается в том, что Буденный хотел воспользоваться разобщенностью

двух главных масс Рундштедта: одной, действовавшей тремя армиями на фронте от Полесья до Житомира и южнее (Киевское направление), и другой (тоже три армии, венгерская, Шобера и Антонеску), действовавшей в районе р. Буга. Судя по сведениям, появившимся в литературе, Буденный возымел более чем смелую мысль — прорваться своим танковым тараном между обеими группами Рундштедта, ворваться в Румынию и сналета, одним ударом уничтожить нефтяные источники в Плоешти, дабы тем самым лишить Гитлера горючего. Это была дерзкая, авантюристическая затея, ни на чем не обоснованная, не считавшаяся с реальными возможностями и силами противника, но вполне в духе тех конных рейдов и набегов, которыми Буденный отличался в гражданскую войну и где эти рейды, при зыбкости фронта, были вполне уместны.

Как и надо было ожидать, его авантюристическая затея кончилась печально. В районе Умани он подставил свой ударный танковый таран, поддержанный главным ядром его сил, под двойной охватный удар обеих групп Рундштедта и, атакованный с юга Шобером, а с севера танками Кляйста, был окружен и разбит. Хотя танки Буденного и пробились, все же немцы 9 августа захватили здесь 103.000 пленных, 317 танков и 1.100 орудий. Немцы считают, что под Львовом и Уманью они разбили до 40 советских дивизий.

Итоги 1-ой фазы. Подведем теперь итоги приграничным сражениям, включая все 4 операции. Внешне итог блестящий: немцы захватили всю западную полосу России, дойдя до Двины и до Днепра, т. е. вклинившись в советские пределы на 300-500 км., причем Красная армия потерпела ряд крупных поражений и потеряла одними пленными 750.000 человек, не считая убитых и раненых. Кроме того, немцы захватили 6.500 танков, 7.000 орудий и массу всякого ценного имущества.

13 июля Гитлер приказывает объявить в сводке, что „противник показывает все признаки явного развала и крушения фронта”. А 16-го июля в ставке фюрера, в „Волчьем Логге” (Wolfschanz) в Восточной Пруссии (близ г. Ортельс-

бурга) состоялось совещание, на котором уже делили шкуру неубитого медведя и кромсали гигантский пирог Европейской России, причем Ленинград и Москва стирались с лица земли, а варварская Московия „унтерменшей” отбрасывалась за Урал...

Но были ли достигнуты поставленные немцами цели? Вот как отвечает на этот вопрос и расценивает результаты наступления Начальник Оперативного Отдела Штаба Главнокомандующего ген. Хойзингер в своем докладе 25 июля 1941 г. (Adolf Heusinger. "Befehl im Widerstreit):

„Общее положение удовлетворительно, но все наши надежды не осуществились... На юге операции Рундштедта принесли ряд разочарований... В центре, против группы ф. Бока, противник бросает теперь свежие силы... предстоят трудные бои... На севере противник спохватился и оправился... Фон-Лебу предстоят (тоже) трудные бои за Ленинград. Нам не удалось войти в контакт с финнами, и его надо отложить на далекое будущее...”

Ясно, что цель не достигнута: разгромить СССР одним ударом не удалось. Красная армия потеряла не менее 30 дивизий, не считая разбитых; она потрепана, но отошла, сохранив свою боеспособность. А что же Советская власть? Массовые сдачи в плен, с предварительным убийством коммунистов и комиссаров, показали Сталину, что трон его зашатался, хотя надо признать, что полки сдавались не до боя, а в итоге окружения и безобразного ведения войны, где войска, руководимые часто невежественными командирами, подставлялись на убой.

Сталин принял жестокие меры, издан грозный приказ — смерть за сдачу в плен, введена ответственность семей, начался террор, восстановление политкомов в войсках, за фронтом — специальные заградительные отряды, расстреливающие на месте беглецов, покинувших фронт и уходящих в тыл и пр. А тем временем, хоть и в сумбурном порядке, шло спешное формирование новых дивизий, мобилизация населения по рытью окопов и укреплений, эвакуация вглубь страны промышленных центров и всех ценностей из угрожае-

мых мест, и бедствия, бедствия без конца. Россия расплачивалась горючими слезами и кровью за советскую, так называемую „рабоче-крестьянскую власть“, за коммунизм. Но это были лишь первые цветочки, а ягодки впереди.

2. Вторая фаза. Август-Сентябрь 1941 года.

а) Северный фронт. Операции Дерптская, Ленинградская и Ильменская.

Фон-Леб, наступая на Ленинград, двинул свои армии через Балтику, а так же через Псков, в обход озера Пейпус с севера (через Нарву) и с юга, и в промежуток между озерами Пейпус и Ильмень. Это привело к боям под Дерптом, где красные, несмотря на ожесточенное упорство и бои, длившиеся более двух недель, были разбиты и, потеряв 250.000 пленных, 1.170 танков и 3. 075 орудий, очистили всю Эстонию и все побережье Балтийского моря, что было очень важно для немцев в смысле снабжения по морю, и очень тягостно для СССР, ибо с потерей Ревеля (Таллин) и Балтийского Порта, пришлось красный флот перевести в последнее убежище, в Кронштадт, где его нещадно немцы бомбили с воздуха.

Вслед за тем 17 августа Нарва была взята с тыла (через Псков), пробка, запиравшая путь по побережью на Ленинград, выбита, и путь открыт. Однако под Лугой немцы напоролись на возведенные сильные позиции (для работ согнаны мобилизованные жители обоого пола Ленинграда) и подтянутые из того же Ленинграда резервы, и только с большим трудом, после тяжелых боев и потерь, прорвав Лужские позиции, 9 сентября подошли к предместьям Ленинграда, где и застряли.

Несколько удачнее действовало правое крыло ф.-Леба, окружившее в районе к югу озера Ильменя советскую группу, где 16 сентября сдалось в плен 53.000 пленных и захвачено 320 танков и 700 орудий. Однако немцы здесь выдохлись и дальше пока не пошли, пополняя свои потери.

Одновременно с наступлением ф.-Леба начал свое наступление на Ленинград и Маннергейм, однако Советам удалось отбить все атаки финнов на Ленинградском (Карель-

ском), Онежском и Мурманском фронтах и принудить их к позиционной войне, что, впрочем, понятно при недостаточности технических средств в финской армии.

Поражение в Балтике Ворошилова и опасения за Ленинград вынудили Советы послать ему на смену Жданова для организации защиты северной столицы, а для руководства обороной и войсками ген. Жукова. Последнему удалось организовать оборону и, несмотря на то, что немцы, обойдя Ленинград с юга, захватили Шлиссельбург, Жуков остановил их и далее не пустил.

Гитлер был очень недоволен действиями ф.-Леба, и это лучшее доказательство того, что ему выполнить свою задачу не удалось, за что он вскоре и был смещен и заменен Манштейном. Но и Манштейну с его силами эта задача была не по плечу, и он, один из самых лучших германских генералов, так же не мог взять Ленинград, как не мог его взять ф.-Леб.

Немцы стояли всего в 10 км. от Ленинграда и Гитлер в одной из своих речей в победные дни Сталинградской операции, хвастливо, с пафосом заверял, что, если немцы сумели пройти тысячи километров до Волги, то они, конечно, пройдут и те 10 км., которые отделяют их позиции от Ленинграда. Однако действительность сложилась иначе, и предсказание Гитлера не сбылось. Эти 10 км. так никогда пройдены и не были. Началась эпическая осада Ленинграда, длившаяся 3 года. За это время 2.500.000 жителей несчастного обреченного города, связанного с тылом лишь узким и ненадежным водным путем через Ладогу, вымерло от голода, но Ленинграда все же русский народ не сдал и отстоял его до конца. Таким образом на Северном фронте цель немцев никогда достигнута не была. (Осада Ленинграда описана в прекрасной книге Криптона).

б) Центральный фронт. Одновременно с операциями ф.-Леба на Северном фронте, в центре, на Московском направлении, развернулась гигантская битва пяти армий ф.Бока за Днепр. Эта битва включает операции Смоленскую, Рославльскую и Гомельскую, где велась упорная борьба втече-

ние нескольких недель за обладание этими пунктами и прилегающими районами, в которых были окружены и заперты в трех тактических мешках крупные массы советских армий маршала Тимошенко.

Битва закончилась ликвидацией этих мешков 7-го, 9-го и 21-го августа, причем сдались и попали в плен не менее трети всех сил Тимошенко. Особенно упорна была борьба за Смоленск. Советская литература утверждает (а немцы не подтверждают), что город дважды переходил из рук в руки, атаки перемежались с контратаками. По показаниям ген. Иодля, окруженные в лесах русские бойцы стреляли до последнего патрона, в последние 10 дней они не имели ни крошки хлеба во рту, питались листьями, травой и тем не менее дрались и сдались лишь тогда, когда окончательно выбились из сил. В этих трех операциях немцы захватили 430.000 пленных, 3.600 танков и 4.300 орудий.

Но разбит ли был окончательно Тимашенко? Нет, и немцы даже почти не продвинулись с места боев вперед. Лучший же ответ тот, что вначале сентября, меньше чем через месяц после этих поражений, Тимошенко, пользуясь тем, что Гитлер снял с Центрального направления две армии ф.-Бока (в том числе танковую Гудериана) для удара на юг, по Украинской группе Буденного восточнее Киева (куда она тем временем была оттеснена), в свою очередь перешел в наступление на фронте Духовщина-Вязьма-Рославль-Гомель. Гальдер, б. Начштаб Главкома, в своих мемуарах пишет: „...Вначале сентября Тимошенко неожиданно начал сильное контр-наступление против 4-ой армии ф. Клюге на Десне... Мы потеряли 8 дивизий и 5-го сентября вынуждены были очистить излучину Десны”.

Контр-удар был отбит, но он сделал свое дело, так как из-за него замедлилась операция против Москвы, а к чему это поведет, мы увидим дальше. Между тем Гитлер, полагая, что с Тимошенко все покончено еще в августе, решил направить дальнейший удар не на Москву, которая теперь по его мнению от него не уйдет, а на Киев, точнее на Украину, приостановив временно наступление в центре, на Московском направлении. Идея такого поворота возникла у Гитлера еще

в июле, после взятия Смоленска. Он считал, что в данный момент Украина для него важнее, чем Москва, которая все равно своей участи не избежит. Украина же ему даст сейчас же хлеб, сырье. Донецкий промышленный и угольный бассейн, не говоря уже о том, что Украина ему нужна по политическим соображениям: известно ведь, что он хотел ее оторвать от России. Но несомненно также, что на это его толкала очень выгодно сложившаяся оперативная обстановка, а именно: выдвинувшись клином в центре (на Московском направлении) и на крайнем правом (южном) фланге ф. Рундштедта (в излучине нижнего Днепра), немцы географически уже охватывали этими клиньями Киевскую (Украинскую) группу советских войск Буденного, частью застрявшую на западном берегу Днестра и упорно оборонявшую подступы к Киеву, а частью отброшенную за Днепр (у Черкас и Кременчуга). Гитлер и хотел использовать ее для окружения Буденного, отрезав ему пути двойным ударом с севера и с юга в восточной полосе от Днестра.

в) **Украинский фронт.** Так родилась Киевская операция. Схемы №№ 2 и 3. К началу сентября, пока 6-я армия ф. Райхенау Южной армейской группы ф. Рундштедта, наступая на Киев, задерживалась на западных подступах к упорно защищаемому городу, прочие армии Рундштедта, продолжая наступление и тесня противника перед собой, достигли Днепра, отбросив часть армий Буденного на восточный берег и захватив на том берегу тет-де-пон у Кременчуга. Переправа таким образом оказалась в их руках. Сюда, к Кременчугу, была подтянута 1-я танковая армия ф. Кляйста, готовая ударить в тыл Буденного. Южнее, на нижнем Днепре, в район Днепропетровска, подошла подоспевшая к этой операции итальянская армия. В устье Днепра — румыны.

Между тем, пока армии Рундштедта занимали исходное положение на правом (южном) берегу Днепра, на северном (левом) берегу, в районе Конотопа, собирался ударный кулак ф. Бока. Как сказано, для этой цели были выделены две армии: 2-я танковая Гудериана и 2-я германская ф. Вайкса. После завершения Гомельской операции и отбития контр-удара Тимошенко (из-за чего Гудериан задержался до 6 сен-

тября), армия ф. Вайкса двинулась через Чернигов и Десну на юг, к Нежину, а восточнее наступал Гудериан через Десну в район Бахмач-Конотоп. Здесь, у Нежина и Конотопа, обе армии и сосредоточились к 10 сентября (вместо конца августа, как было намечено до удара Тимошенко), нависнув таким образом с севера над тылами Буденного, в то время, как Кляйст навис с юга.

И вот 10 сентября, после того как все армии заняли исходные места, танки Кляйста были брошены из Кременчуга прямо на север, к Конотопу, на перерез путей сообщения Буденного и на встречу Гудериану, а танки Гудериана двинулись прямо на юг, на встречу Кляйсту. Прочие же армии, принявшие участие в этой операции, а именно 6-я Райхенау под Киевом, 17-я Штюльпнагеля со стороны Черкас и Кременчуга, 2-я ф. Вайкса со стороны Нежина, должны были своими атаками сковать армии Буденного и тем облегчить задачи охватных клещей Гудериана и Кляйста; итальянская, венгерская и румынская же армии имели задачи сковать советские войска в Днепропетровской дуге и на нижнем Днепре и Буге, дабы помешать им оказать помощь окружаемым армиям Буденного.

Операция охвата и окружения развивалась очень успешно. Уже 13 сентября, т. е. через 3 дня после выступления из Конотопа и Кременчуга, Гудериан и Кляйст, прорвавшись в тыл и почти не встречая сопротивления, подали друг другу руки и встретились у Лохвицы, замкнув кольцо и окружив, совместно с армиями Рундштедта, к востоку от Днепра главную массу войск Буденного (4 армии из 5).

После жестокой битвы, длившейся 2½ недели (с 10 по 27 Сенября), большая часть окруженных армий Буденного, пытавшаяся пробиться на восток и вырваться из кольца, вынуждена была сложить оружие и сдаться, причем к 27 сентября было захвачено 665.000 пленных, 884 танка и 3.718 орудий, а сам Буденный улетел на самолете.

Почти одновременно были разбиты и уничтожены другие группы Буденного, а именно: Приднѣпровская группа на нижнем течении Днепра, где было захвачено 84.000 пленных,

200 танков и 465 орудий, и Бужская группа на р. Буге, с захватом 60.000 пленных, 84 танка и 560 орудий.

К концу сентября вся западная правобережная Украина и часть левобережной были в руках немцев и очищены от советских войск, за исключением Одессы, павшей 16 октября, а также группы, отошедшей в Крым. Ей тоже грозила закупорка и окружение, что и произошло в октябре, после ликвидации Буденновских армий, когда Крымская группа, после прорыва на Перекопе, была разбита и частью уничтожена, а частью отошла и укрылась в Севастополе, где была осаждена Румынской армией и куда, по сдаче Одессы, был перевезен морем одесский гарнизон.

Ставка Гитлера, после ликвидации армий Буденного и захвата несчетного числа пленных, возвестила миру, что „...этим достигнута неслыханная в истории победа“, а сам Гитлер считал, что война в сущности кончена и что остается нанести последний удар. Фюрер так был в том уверен, что в начале октября приказал сократить военное производство.

Забегая вперед, скажем, что действительно у Гитлера как будто бы были известные основания к таким выводам, судя по состоянию южного советского фронта: после ликвидации Буденного, здесь, на юге, в октябре была окружена еще Мелитопольская группа, тоже входившая в состав армий Украинского фронта и успевшая отойти от Днепра, но нагнанная Кляйстом и не избежавшая окружения, причем немцы захватили здесь 107.000 пленных, 212 танков и 672 орудия. Фронт, как бы, перестал существовать и превратился в разрозненные группы, откатывавшиеся на восток без боя и сдавшие 24 октября Харьков, 2 ноября Курск, а на самом юге отошедшие далее на Ростов.

Однако судьба осенней кампании решалась не здесь, а на Центральном, Московском направлении, куда Гитлер и перенес центр тяжести операций и ударов. Добавим, что к сентябрю потери немцев, считая с начала войны, выросли до полумиллиона (15% состава), а советские превысили 2½ миллионов одними пленными, не считая убитых и раненых, иначе говоря, за каждого выбывшего из строя немца

Советы платили пятью пленными и вероятно столько же убитыми и ранеными. Вот во что обходилась российскому народу Советская власть в эти грозные дни войны.

3. Третья фаза. Октябрь-Ноябрь 1941 г. Схемы №№ 5 6.

Операция Вязьма-Брянск. Покончив с Буденным в конце сентября, Гитлер 2 октября пошел на Москву, для чего, помимо танковой армии Гудериана, которая сейчас же после пленения Киевской группы повернула на север, на Брянск и Орел и, совместно со 2-ой армией ф. Вайкса, вновь вошла в состав Армейской Группы Центра ф. Бока, Гитлер приказал для удара на Москву притянуть из-под Ленинграда также 4-ю танковую армию Гепнера и передать ее под команду ф. Бока, у которого таким образом должны были собраться 3 танковые армии (4-я Гепнера, 3-я Гота и 2-я Гудериана).

Гудериан, поддержанный справа (с юга) 2-й армией ф. Вайкса, а слева (с севера) 4-ой армией ф. Клюге (составлявшей центр фронта ф. Бока), представлял правое (южное) ударное крыло, имевшее задачей обойти 2-ой танковой армией Москву с юга, в то время как левое (северное) ударное крыло, в составе двух танковых армий Гота и Гепнера (3-ей и 4-ой танковых), поддержанных 9-й армией Штрауса (крайняя левофланговая армия ф. Бока), должно было прорваться через Вязьму, Ржев, Калинин и Клин, чтобы обойти советскую столицу с севера.

Как видим, для удара на Москву была собрана крупная танковая масса из трех танковых армий, составлявших $\frac{3}{4}$ всех германских танковых дивизий, сведенных в 2 танковых кулача, между которыми в центре наступала 4-я армия ф. Клюге, а на флангах: слева — 9-я армия Штрауса, а справа — 2-я армия ф. Вайкса, охранявшая Гудериана с юга от возможных попыток контратак со стороны остатков армий Буденного или вновь подведенных советских резервов.

Расчет Гитлера однако не вполне оправдался. Как утверждает Гальдер, танки Гепнера на пути из-под Ленинграда к ф. Боку, застряли в Валдайской грязи и, по его меткому выражению, крутились там, как батальон на учебном

плацу. Правда, что танки Гепнера и всё, что на гусеничном ходу, были отправлены из-под Ленинграда по железной дороге, походным же порядком через Валдай были двинуты лишь те части, которые были, на колесах и они-то и застряли в Валдайской грязи.

Между тем танки, снятые из-под Ленинграда, тем самым лишили Леба возможности штурмовать Ленинград (атака уже была назначена) и в то же время танки не все полностью успели к началу Московской операции, а главное — сильно износились (это хуже всего).

Между тем Тимошенко, воспользовавшись месячной передышкой в сентябре и пополнив свои армии, успел собрать к началу октября 60 дивизий, из них 9 танковых и 7 мотодивизий. Немцы бросили против них, по советским данным, 100 дивизий, в том числе 20 танковых. Завязались кровопролитные бои на всех путях, ведущих к Москве с запада, северо-запада и юго-запада. Они длились больше 2-х недель, со 2-го по 18-е октября. Погода вдруг испортилась, непрерывные осенние дожди превратили дороги и почву в топкую грязь, или, лучше сказать, в непролезную топь.

Советские войска, уже хорошо познакомившиеся с немцами и зверским отношением их к населению и пленным, дрались с ожесточением, но перевес сил обеспечил немцам первоначальный успех. На южном ударном германском крыле, под Орлом и Брянском, советские танки были разбиты Гудерианом, и Брянская группа ген. Еременки через 5 дней после начала операции была окружена, а к 7 октября окружена вторая, еще большая группа Тимошенки под Вязьмой танками северного ударного крыла, т. е. армиями Гепнера и Гота.

Предоставив подоспевшей пехоте армий центра добывать окруженных, Гитлер бросил танки далее на Москву. Гудериан однако дошел только до Тулы, но взять ее не смог и здесь застрял, остановленный временно контр-атаками советских танков, но Гот и Гепнер действовали на северном ударном крыле успешнее. Хоть и с трудом, утопая в грязи, а затем терпя от вдруг ударивших сильных морозов, они про-

рвались до Московско-Волжского канала, где они были остановлены бойцами, встречавшими их танки бутылками с горючей смесью и ручными гранатами, и буквально устлавшими пути своими телами. Тем не менее некоторые передовые танки местами прорвались до предместий Москвы, произведя в столице невероятную панику.

В самой Москве, под влиянием грозных событий на фронте и приближении врага, уже с начала октября было мобилизовано 800.000 человек, из коих сформировано 40 дивизий рабочей милиции в помощь войскам. Ничто однако не могло спасти положения, тем более, что к 18 октября обе группы советских армий, окруженных под Брянском и Вязьмой, растреляв все патроны и снаряды, сдались. Немцы захватили 663.000 пленных, 1242 танка и 5452 орудия.

Потрясающие цифры! Казалось, конец Советам. И если бы Гитлер мог тотчас же двинуться прямо на Москву, где царил хаос и паника, драматично описанные у Кравченко в книге „Я избрал свободу“, возможно, что он бы ее взял. Но... танки застряли в невылазной грязи и никакие силы вытащить их не могли. Да и не только танки. Застряли все машины снабжения, весь колесный транспорт. Не стало горючего, не шли поезда по разрушенным при отходе красной армией путям. Пришлось снабжать войска по воздуху, а аппаратов для этой цели не хватало, да боевая авиация к транспортной службе и не была подготовлена. И операция сама собой застопорилась, растянувшись на целый месяц и более. Вот когда сказалась отсрочка наступления на Москву, вызванная Киевской операцией и контрударом Тимошенко.

Это и спасло положение советских дел, дав нужную передышку Кремлю и Жукову (сменившему Тимошенко) для сбора резервов, притянутых со всех сторон, в том числе и с Дальнего Востока (3 дивизии), чтобы подготовить не только отражение ударов, но и самим нанести удар, пользуясь тем, что ненастье поставило немцев в крайнее положение, что немцы, хотя и одержали огромные победы, но в последней операции понесли и сами большие потери и что продвижение их вперед совершается крайне медленно.

Действительно, потери немцев достигли 750.000, т. е. 25% того состава, с которым они выступили на войну, а в танковых частях они поднимались до 50%. Пополнения прибывали туго, а в последнее время, из-за затруднений железнодорожного транспорта, и вовсе прекратились.

Гудериан, точно также как Браухич, Гальдер, ф. Бок и другие военачальники, ужасаясь непогодой и вдруг ударившими морозами, достигшими 13 ноября 22° а равно опасаясь за войска, не имевшие теплой одежды и изнуренные непрерывными, без отдыха, боями, обратились к Гитлеру с представлением — отказаться от дальнейших операций, отойти за Днепр, перезимовать подчиниться, отдохнуть, а весной с новыми силами ударить на врага и доканать его.

Нет, Гитлер не верил своим генералам. Они вечно преувеличивают опасность, и до сих пор всегда был прав он, а не они. И на этот раз он не сдастся на их уговоры и доклады. Вперед!

13 ноября в Орше состоялось совещание начальников штабов войсковых германских групп под председательством прибывшего туда Начальника Генерального Штаба, генерала Гальдера, который в ответ на все заявления о трудном положении на фронте из-за изнурения войск и наступивших холодов, обратился к присутствующим от имени Гитлера с „апеллом” — сделать еще последние усилия для окончательного разгрома врага.

Через 2 дня после этого последовал приказ для осеннего наступления 1941 года, и это в тот момент, когда термометр показывал в этот день в Орше минус 20 градусов.

Генерал Гудериан 13 и 14 ноября не присутствовал на совещаниях в Орше, а находился на фронте, где как раз днем 13 ноября распространились нервующие германские войска слухи о появлении советских дрессированных собак, которые с привязными взрывчатыми веществами на спине бросались под танки и таким путем взрывали их. (Об этом между прочим упоминает в своем разборе боев за Москву генерал-полковник Раус, командовавший 6-й танковой дивизией в этих боях).

Вслед затем, в подтверждение приказа от 15 ноября и непреклонной воли Гитлера покончить с Москвой до наступления зимы, 30 ноября последовал повторный категорический приказ: взять Москву, окружив ее двойным танковым охватом, с севера через Калинин-Клин, армиями Гепнера и Гота, а с юга через Тулу, Каширу, Рязань — армией Гудериана, при поддержке армиями ф. Клуге и ф. Вайкса; одновременно на севере закончить окружение Ленинграда, взяв Тихвин и соединившись с финской армией на Свири, а на юге — Рундштедту взять Ростов.

4. Четвертая фаза. Декабрь 1941 г. — Январь 1942 г.

Схемы №№ 4, 7, 8 и 9.

Взять Москву! Операцию приказано начать 2 декабря, но из-за холодов она отсрочена на 2 дня. Так началась 4-я, трагическая фаза борьбы. Фактически же битва за Москву началась 15 ноября и она распадается на 2 периода:

1) с 15 ноября по 5 декабря, когда совершается германский удар и танковые армии, постепенно охватывая Москву, достигли на севере Калинина, Клина, Рогачева и Киево, а на юге — Михайлова, Венева, Сталиногорска и Каширы (до нее танки Гудериана не дошли на 7 км.) и

2) с 5 декабря 1941 г., когда советские войска перешли в контр-наступление и до 20 января 1942 г., когда германский фронт более или менее установился после вынужденного советским ударом отступления.

За эти 3 недели своего наступления, с 15 ноября до 5 декабря, немцы потеряли одними убитыми 55.000 человек и 777 танков, что сильно их ослабило, а тут вдруг хватили 40-градусные морозы, такие, что по свидетельству очевидцев люди замерзали при испражнении; смазочное масло машин, не рассчитанное на такую стужу, замерзло, и танки, орудия, пулеметы и ружья отказывали в действии, тогда как в Красной армии, снабженной иными смазочными маслами, работали.

И вот в этот-то момент Красная армия неожиданно перешла в наступление на всем фронте от Калинина и до Елифани (южнее Тулы), причем для этой операции Советскому командованию удалось собрать кулак, доведя силы Центра до 75 дивизий и притянув на юге конный казачий корпус Белова, как более пригодный для действий в этих атмосферных условиях, а часть танков посадив на саночные полозья.

Об этом между прочим упоминает Б. фон-Моос в своем шеститомном швейцарском труде „Великие исторические события“, описывающие события за военный период времени, где также указывается о том, что советские войска использовали в боях под Москвой в 1941 году подвижные дивизии, которые оперировали на бронепоездах (т. 3-й, стр. 162).

Не вдаваясь в подробности этой битвы, скажем лишь, что советский удар был столь же неожидан, сколь силен. Ослабленные непрерывными боями, бессонными ночами, стужей и потерями, немцы не могли сдерживать напора, и под непрерывными ударами стали подаваться назад, отчаянно отбиваясь. Этот контрудар обошелся армиям ф. Бока лишь за 3 неполных недели (с 6-го по 25 декабря) в 70.000 убитых и замерзших, не считая раненых и массы отмороженных, забивших потом до отказа все германские госпитали, лазареты и больницы. Однако же вынужденный отход, без разрешения свыше, привел в ярость Гитлера, и он приказал возобновить наступление, не считаясь с обстановкой и потерями.

Тогда Гудериан, видя, что ни Браухич, ни ф. Бок (его прямые начальники) ничего не могут сделать, и рассчитывая на личное благоволение к нему Гитлера, сам полетел в Ставку, чтобы убедить фюрера прекратить операцию и вывести войска. Вот что он показал на суде в Нюрнберге:

„В страшный мороз я полетел в Восточную Пруссию и прибыл туда 20 декабря. Я трижды в этот день беседовал с фюрером и в течение 5 часов убеждал его. Я описал ему ужасное состояние армии перед Москвой и убеждал его отменить приказ, доказывая, что армия не в силах сделать то усилие, какое он от нее требует. Я сказал, что мы стоим пе-

ред катастрофой и разгромом от стужи, а не от врага. Я убеждал отменить наступление, очистить занятую территорию, которую мы удержать не можем, и отвести войска на зимние квартиры, обратив танки в блокгаузы. Я уверял его, что это единственный способ спасти армию и обещал ему, что мы возьмем Москву весной.

„Гитлер отказался верить картине, которую я ему нарисовал. Он укорял меня в том, я веду себя, как все другие генералы, и черезчур занят только своими людьми и танками, а об общих целях не думаю. Сильно раздраженный против высшего командования, он не скупился на злобные выражения и брань по адресу Браухича, и сказал мне, что он хочет иметь Москву и возьмет ее. А затем продиктовал мне новый приказ о наступлении, который я повез на фронт”.

Но приказы не могли остановить красных, которые продолжали теснить армии ф. Бока в течение всего декабря и до двадцатых чисел января, продвинувшись за это время до линии Старица, Шаховская, Гжатск, Масальск, Сухиничи, т. е. отбросив немцев на 150-300 км. от той линии, которую они занимали 5 декабря. Там немцы в январе и закрепились, потеряв в этой операции 250.000 бойцов, 1.000 танков, 1.500 орудий, 12.000 автомашин, 1.600 пулеметов, склады запасов и пр.

Среди советских генералов в Московской операции отличились Рокоссовский, Власов, Лелюченко и иные (к северу от Москвы), и Болдин, Голиков, Белов и ряд других на юге. Общее руководство принадлежало Жукову, как первому помощнику Сталина. Обошлись, повидимому, без Шапошникова.

Гитлер же во всем винил генералов, которые и поплатились; в конце декабря были уволены: главком Браухич, никем не замещенный, ибо Гитлер оставил этот пост за собой (но штаб Главкома остался); за Браухичем ушел ф. Бок, замененный ф. Клюге; затем Гудериан (заместил Шмидт); отстранен и отдан под суд, а затем уволен в отставку без пенсии Гепнер и ряд других генералов.

Кроме того, в связи с неудачей под Тихвином, где нем-

цы предприняли в конце ноября операцию с целью окончательно отрезать и изолировать от связи со страной Ленинград (совместно с наступлением финнов на Онежском фронте), но были разбиты (а финны отбиты) и к 9 декабря отброшены назад к Волхову, оставив под Тихвином 7.000 трупов, так вот, в связи с этим поражением ф. Леб смещен и заменен ф. Манштейном.

Наконец, отчислен командующий Армейской группой Юга фельдмаршал ф. Рундштедт потерпевший поражение под Ростовом, откуда советские войска, с помощью подтянутых с Кавказа подкреплений, выбили немцев в последних числах ноября, вследствие чего Рундштедт вынужден был отдать приказ отойти за реку Миус, и донес, что он на восточном берегу Миуса держаться не может, добавив, что если фюрер с ним не согласен и отход этого не разрешает, то просит отчислить его от командования и заменить другим лицом, к которому фюрер питает большее доверие.

Как ни ценил Рундштедта Гитлер, но обозлившись на афронт, решил его уволить, не допуская, чтобы генералы, хотя бы такие заслуженные, ставили ему ультиматумы. И 1-го декабря Рундштедт был уволен, а на его место поставлен ф. Райхенау, близкий к нацистам генерал, который, как надеялся Гитлер, не уйдет за Миус. Но Гитлер ошибся. Райхенау донес, что подобно ф. Рундштедту, не считает возможным удержаться на восточном берегу Миуса, и таким образом, отход состоялся, с чем Гитлеру волей-неволей пришлось примириться. Однако же Рундштедт на некоторое время остался не у дел. „Пусть отдохнет старик, ему полезно это”, — решил Гитлер, не желавший отменять своих приказаний.

Итоги кампании 1941 года. Схема № 11.

Так закончилась кампания 1941 года. Но бои продолжались еще всю зиму до весны 1942 года, причем Тимошенко, снова обретает милость и, поставленный во главе войск Центра, вернул Белгород на юге своего фронта, а на своем северном фланге, к югу от озера Ильменя, у Старой Руссы (Демьянска), при преследовании отступивших немцев,

окружил 6 дивизий 16-й германской армии, которые, впрочем, продержались до весны с помощью воздушного снабжения и были потом немцами освобождены.

Можно многое сказать по поводу этой зимней победы Советов, но ограничимся самым главным: она дала Советскому Союзу тот выигрыш времени, какой был необходим для организации сил и технических средств для будущей победы (надо было пустить полным ходом заводы, переведенные за Урал, и пополнить армию, состав коей, судя по докладу Иудля, 1 января 1942 г. не превышал 2.300.00 чел.); победа укрепила дух армии и уверенность Советов и красных командиров в своих силах, в том, что немцев можно не только отразить, но и бить. Это была прежде всего психологическая, а потом уже стратегическая победа, особенно ценная потому, что предстояли еще долгие годы борьбы, ибо немецкая военная мощь не только не была сломлена, но не была даже надломлена.

Интересно отметить, как расценивает Московское поражение ближайший военный сотрудник Гитлера, ген. Иудль. Он утверждает, что первый „Сталинград” был не на Волге, а под Москвой зимой 1941 года, в декабре (и в январе 1942 г.), когда немцы были отброшены назад на сотню километров и понесли огромные потери. Москва сообщала потом, что в местах, где разыгрались операции, потом было погребено 300.000 немецких трупов.

Что касается Гитлера, то Московская неудача ничему его не научила. Он приписывал поражение злой стихии — свирепой зиме. Считая (как сообщали германские военные сводки и как твердила пропаганда Геббельса), что русские в 1941 г. потеряли 4 миллиона пленных, 24.000 танков, 35.000 орудий и 20.000 самолетов, Гитлер полагал, что Сов. Россия не в силах уже выдержать новый крупный удар, который он собирался нанести летом 1942 года. Это как будто подтверждала весенняя кампания 1942 г., а именно разгром немцами в мае 1942 года армий Тимошенко, при его попытке овладеть Харьковом, причем немцы взяли армии Тимошенко в клещи, из которых они хоть и выскочили, но оставили 240.000 пленных, а равно разгром Керченской группы,

пытавшейся помочь осажденному Севастополю, где захвачено 150.000 пленных.

Кампания 1941 г. и битва под Москвой обошлись Гитлеру больше, чем в 1 миллион потерь, а министр труда Заукель на суде в Нюрнберге утверждал, что ему пришлось снять еще 1 миллион германских рабочих с заводов и заменить их иностранцами, чтобы пополнить 1 миллион обмороженных в германских войсках, пострадавших в эту зиму в России. Гудериан же говорит, что под Москвой погибли лучшие танковые кадры, которых уже никогда не удалось восстановить. Вот итоги этой кампании.

Какие же цели были достигнуты? Советская армия, несмотря на страшные поражения и потери, не только не разбита, но окрепла. Ни Москвы, ни Ленинграда, ни Ростова взять не удалось. Является вопрос, что делать дальше, имея ввиду, что на Западе война также не кончена и что предстоит воевать на два фронта? Генералы советовали отойти на Днепр и занять оборонительное положение. Но это значило отказаться от всех поставленных целей и отдать инициативу в руки врага, и это после стольких жертв!... Нет, это несовместимо с духом Гитлера. Нет и нет! Вперед!.. Ни шагу назад. „Пиред, пиред“, как когда-то говаривал Блюхер, только и знавший одно это русское слово. Что не удалось в 1941 году, должно удасться в 42-м. Не зря же немцы захватили в плен 5.630.000 красноармейцев в период с 22 июня 1941 года по 1 марта 1942 г.

Трудно сказать, как развернулись бы события, послушай Гитлер на этот раз своих генералов. Занять такую позицию, это значило надолго, а может быть, и навсегда отказаться от мечты захватить нефть на Кавказе и протянуть руку через Иран и Ирак (а там ведь тоже нефть, без которой Англия не может вести войны) Роммелю, наступавшему в Северной Африке на Египет... Не забудем, что Гитлер вел войну не с одной Россией. Такая негативная позиция означала отказ от мирового господства. С этим Гитлер помириться не мог. Предстояла новая борьба, которая поведет его к авантюристической стратегии, к обзору коей мы сейчас и перейдем.

В заключение о кампании 1941 года приведем мнение известного военного английского критика и писателя, Дж. Ф. С. Фуллера, который в своей книге „Вторая Мировая война 1939-1945 гг.», оценивая результаты германских достижений, в зависимости от поставленных себе Гитлером целей, пишет (русский перевод, стр. 163-167):

„С точки зрения стратегии, кампания провалилась: русские армии, хотя и серьезно потрепанные, не были уничтожены, Москва не занята, дорога на Архангельск — не перерезана, не был взят Ленинград, а до кавказских источников нефти было все еще далеко. Тем не менее русским нанесен страшный удар и, если бы не наступившая неожиданно ранняя зима, они, возможно, потеряли бы Москву. На 6 декабря шансы на победу или поражение были равны у той и другой стороны”.

Упирая на российские морозы и зиму, Фуллер сам себе противоречит, когда ищет в этом одном факторе какую-то решающую роль, ибо как раз перед этим выводом Фуллер пишет:

„Немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов. До начала войны с Россией германская разведывательная служба в значительной степени полагалась на „пятую колонну”. Но в России, хотя и были недовольные, „пятая колонна” отсутствовала.

„Трудности быстро возрастали, как это обычно случается в войне. Некоторые из них немцы предвидели. Так, например, колею русских железных дорог пришлось менять на принятую в Европе. Немецкие железнодорожные войска были подготовлены к этому, однако темп наступления был настолько высок, что они не поспевали.

„Обширные равнины России облегчали проведение охватывающих операций, однако Россия была страной со слабо развитым механическим транспортом. Дорог было мало, и обычно они были плохи. Поблизости можно было достать только небольшое количество камня для починки, а как только дороги становились разбитыми в результате интенсивного движения, транспортные колонны задерживались. Скоро выяснилось, что в таких условиях скорость наступле-

ния становится бумерангом, пространство превращается в оружие против немцев.

„Хотя это оружие не убивало людей, оно „убивало” и „ранило” транспорт, доставлявший продовольствие, вооружение, боеприпасы. Таким образом, уже в первый месяц вторжения немцы оказались перед лицом стратегии истощения, основанной на пространстве, климате и факторе, которого они не ожидали: встретились с обученными партизанами.

„Русские, — пишет Фредборг, — готовились к ней (партизанской войне) годами, накопили запасы боеприпасов, оружия и продовольствия, установили радиостанции и систематически учили своих солдат тактике партизанской войны. Когда регулярная армия отходила, партизаны немедленно приступали к работе, ...очевидно действуя на основе в высшей степени продуманной стратегии. Партизаны направляли свои действия против важных центров. Их собственные базы находились в тех районах, где они не оперировали”.

Партизаны, конечно, помогали, но не они являлись решающим фактором, а действия тех самых резервов, „в оценке которых немцы совершили грубейший просчет”, за что они в конце концов и поплатились.

И далее Фуллер, снова упирая на чисто атмосферические факторы, послужившие причиной неудачи германского удара на Москву, пишет:

„Основную часть германских транспортных средств составляли колесные, а не гусеничные машины, поэтому транспортные колонны были привязаны к дорогам, тогда как танки, которые они снабжали, не зависели от дорог. Уже один этот ограничивающий фактор объясняет спад наступательного прорыва в ноябре 1941 года, когда дороги стали портиться. С основанием можно считать, что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, и не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву...

„Последствия имели огромное значение. До сражения под Смоленском было очень похоже на то, что немцы добьются своей цели. Именно на случай разгрома России, чтобы дать Америке возможность вмешаться не в качестве воюющей стороны, а в качестве посредника, миру преподнесли Атлантическую хартию.

„Кампания дала необходимую передышку Британии как в метрополии, так и на Среднем Востоке для приведения в порядок своих вооруженных сил. Англичане в Египте были избавлены от угрозы войны на 2 фронта...

„Наконец, самыми бедственными были последствия для германской армии и командования. Германская армия так и не вернула утраченную энергию, а в глазах всего мира она лишилась ореола непобедимой армии. Командование же было буквально уничтожено.

„Во-первых, 19 декабря Гитлер сместил главнокомандующего фельдмаршала фон-Браухича, начальника генерального штаба генерала Гальдера, которые не одобряли осеннюю кампанию. Гитлер взял на себя командование, избрав в качестве помощников генералов Иодля и Цейтлера.

„Во-вторых, фельдмаршалы фон Рундштедт, Риттер фон Лееб, фон Бок и Лист, так же, как и генералы Гудериан и фон Клейст, были временно устранены от командования. Такого разгрома генералов не видывали со времен битвы на Марне”.

Уже самый факт такой перемены командования свидетельствует о величине крупной неудачи, понесенной германской армией. Вряд ли можно было бы винить германских командиров за грязь, морозы и непогоду... Очевидно, что в этой неудаче было нечто большее, чем те ссылки на климатические условия, на которые напирает Фуллер: германский просчет столкнулся с маневренным искусством русских генералов, которые в лице советских командиров проявили старую школу русской императорской армии, жившей заветами Великого Петра, Суворова, Кутузова и других прославленных победами имен.

VI. КАМПАНИЯ 1942 ГОДА.

Схема № 11.

Кампания 1942 года представляет яркий образец той стратегии, которую известный русский военный ученый ген. Леер назвал „авантюристической“, потому что она ставила себе недостижимые цели и шла к ним напролом, вопреки доводам разума, военной логики и науки о войне.

В самом деле, Гитлер на 1942-й год поставил себе целью: собрав ударный молот на правом крыле, обойти Москву с юга, прорваться через Воронеж и Дон к Волге у Сталинграда (и даже указано точно число — к 25 июля у Сталинграда), отрезать таким образом южную Россию и Кавказ от центра, и Куйбышев (Самару), чтобы выйти до осени в тыл Москве и покончить с нею, а другой — одновременно захватить Баку.

Такое раздвоение целей и сил и выдвижение одним плечом, как глубоким клином, на 1.000 км. вперед, при том условии, что фронт перед Ленинградом и Москвой (центр и левое плечо) остается недвижно на месте и что этот далеко выдвинутый клин подставляется ударам с севера и с юга, нельзя иначе назвать как авантюрой. Замысел был порочен по существу, не говоря уже о том, что силы не отвечали поставленным целям и что Советы после Московской битвы не давали никакого повода расценивать их столь низко.

К лету 1942 года у Гитлера на русском театре было 240 дивизий, из них 180 германских (в том числе 30 танковых). Советская армия, по данным Гальдера, уже в сентябре 1941 г. имела 360 дивизий, а за вычетом потерь в сентябрьских и

октябрьских боях 1941 г. затем зимой под Москвой, а также потерь в весенних операциях 1942 г. (Харьковская, Керченская и Севастопольская, о чем скажем ниже), в Красной армии к лету 1942 г. все же оставалось до 250 дивизий, т. е. силы, равные, а может быть и несколько больше, чем у немцев. Правда, дивизии эти были потрепаны и слабого состава (по словам маршала Жукова они не превышали 8.000 бойцов, а после боев снижались до 4-3 тысяч). Но и немцы вынуждены были снизить штаты и сократить пехотные дивизии до 12.000, а позже до 8.000 бойцов; танковые же дивизии сократились с 250 до 200 танков. К этому следует добавить, что год войны не прошел даром, русские обрели опыт и научились отходить, избегая мешков, т. е. окружения, или иначе говоря, применились к германской тактике и научились воевать, что отчасти объясняется усилением советской авиации аппаратами союзников, позволявшей ей во-время обнаруживать обходы танковых частей и отбивать их атаки антитанковой артиллерией, шире введенной на вооружение войск. Да и германские войска в 1942 году были уже не те, что были в 1941 году, ибо самый цвет армии, кадровые офицеры и солдаты погибли, а укомплектование из рабочих, снятых со станков, не могло их заменить, что и снижало немецкую армию и уравнивало силы немцев с советскими, хотя в танках и авиации они все еще превосходили.

1. Весенняя кампания 1942 г. Схема № 10.

а) **Харьковская операция.** Первая проба сил произошла в мае 1942 года в 2-х операциях — Харьковской и Керченской. Харьковскую операцию предпринял маршал Тимошенко с целью освободить Харьков и одновременно прорвать здесь фронт, дабы тем самым остановить и предупредить германское наступление, о приготовлениях коего советское командование догадывалось и до известной степени знало.

Операция началась 17 мая и длилась две недели.

Вот как красочно рассказывает об опереточной подготовке советских властей и командования к этой операции, очевидец Б. Ольшанский в одной из статей „Нового Русского Слова“ (9. 12. 1952 г.):

„В мае маршал Тимошенко приступил к злополучной аванюре на Харьковском направлении. „Освобождение Украины” готовилось весьма помпезно. На цирковых представлениях для бойцов клоуны-сатирики исполняли частушку:

„Не страшны твои машины,
Покоритель мировой,
Скоро двинешь с Украины
Ты в кибитке кочевой...”

„В место расположения штаба Юго-Западного фронта прибыли украинское советское правительство во главе с Хрущевым, Харьковский обком и исполком а также Харьковское управление НКВД, намеревавшееся „с хода” выпрыгнуть из войсковых обозов и приступить к надлежащим репрессиям по адресу страшившихся освобождения мирных советских граждан. При штабе фронта подвизался сонм литераторов, военных корреспондентов, артистов, музыкантов и прочих, желавших в строках и в сердцах запечатлеть ожидавшийся боевой триумф... Предусматривались обширные киносъемки, для которых, кроме прибывшей из Москвы группы, привлечены были в порядке приказа все местные съемщики и сотрудники Союзкинохроники”.

„Шумом и гамом началось широко задуманное и преступно выполненное „наступление маршала Тимошенко”. Шумом, громом и крахом быстро закончилось. Первые дни радио вещало о десятках занятых нашими войсками украинских сел, о взятии станции Лозовой, приближение боев к району Харькова, гремели марши, „песня о Днепре”, а потом... потом наступило гробовое молчание. Спустя 2-3 дня нам сообщили о 70.000 „пропавших без вести”, с нелепым заключением, что проведенная операция все же оправдала себя, оттянув силы противника с керченского и ростовского участков. Харьков, оказывается, мы брать „не собирались”...

Перейдем теперь к краткому обзору этой операции. Ход боя указан на схеме № 10. Спервоначально Тимошенко удалось прорвать германский фронт на Донце в районе Изюма и вбить глубокий клин в 100 км., дойдя до Краснограда, но вслед затем немцы перешли в контрнаступление и охвати-

ли прорвавшийся клин двойным ударом с севера и с юга. Армии Тимошенко были окружены и, хоть им частично и удалось пробиться, но все же они потеряли одними пленными 240.000 (а не 70.000, как вешали Советы), попавших в руки немцев, не считая убитых и раненых.

С точки зрения подготовки, это наступление было незрелым и преждевременным, а ссылка на оттяжку неприятельских сил с Керченского участка не убедительна (ибо с Керчью немцами было покончено 15 мая, а Харьковская операция началась 17 мая), но стратегически оно совершенно неожиданно для Советов сыграло благоприятную роль в ходе событий и повлекло совсем непредвиденные последствия, а именно: оно сорвало готовившееся наступление немцев и тем заставило их отложить летнюю кампанию на полтора месяца, что вновь привело немцев к неожиданной зимней кампании под Сталинградом, столь катастрофически закончившейся.

Но и Советы сильно поплатились за скороспелую попытку Тимошенко. Фронт их был сильно ослаблен большими потерями, и этим объясняется отчаянное положение, в какое попала советская армия, неудержимо покатившаяся назад летом 1942 г. к Волге, ибо это стихийное и беспорядочное отступление, скорее похожее на бегство, чем на планомерно организованную операцию отхода, чуть не закончилось катастрофой.

Повидимому, Кремль переоценил свой зимний успех и не учел силу немцев, предпринимая сложный наступательный Харьковский маневр с наспех обученными новыми формированиями, еще не втянутыми в бой. Не дооценена была и готовность германской армии к отражению удара. Немцы потому лишь задержались с наступлением, что торопились с осадой Севастополя и хотели также покончить с Керченской советской группой, дабы развязать себе руки для предстоящей грандиозной летней операции на Кавказе.

Действительно, осада Севастополя затянулась, а армия, его осаждавшая, нужна была немцам для той же летней операции. Но если немцы торопились с осадой, то и Сове-

ты отлично понимали значение Севастополя, и в свою очередь предприняли ряд мер для его освобождения. Отсюда Керченская операция.

б) Керченская операция.

Еще в декабре 1941 года, под влиянием успешного контрудара под Москвой, советское командование решило овладеть Керченским полуостровом, как первым этапом на пути освобождения Крыма, а с ним и Севастополя. С этой целью 26 декабря ген. Львов с группой войск Кавказского фронта переправился с Тамани через пролив и овладел Керчью. В то же время другая группа ген. майора Первушина, под защитой советской эскадры, высадила 29 декабря десант в Феодосии для удара во фланг и тыл германской Керченской группе, защищавшей Акманайские позиции (в самом узком месте перешейка — Керченского полуострова).

Этим двум группам, к которым тотчас же стали подходить резервы через Тамань и Карчь, удалось оттеснить немцев с Акманая и продвинуться вглубь Крыма. Подготовив таким образом кулак с востока, Советы в начале января 1942 г. высадили десант на западном берегу Крыма, в Евпатории, в 60 км. к северу от Севастополя, с тем, чтобы двойным ударом с тыла отрезать осадную армию и вместе с гарнизоном Севастополя ее уничтожить.

Однако немцы опрокинули все замыслы Советов. Они обрушились сначала на группу в Евпатории и 19 января ее окружили и взяли в плен, а затем повернули на восток и в боях 10-13 февраля взяли Феодосию, оттеснив советские войска к Акманая. Тем не менее красные здесь удержались и к марту месяцу собрали здесь армию в 200.000 человек.

Ввиду такой угрозы, К-щий Южной Армейской группы Манштейн, сменивший умершего от разрыва сердца ф. Райхенау и переведенный с севера на юг, весной предпринял операцию по очистке Крыма. После ряда боев, в которых ему большую помощь оказала авиация, Манштейн прорвал Акманайские позиции и 11 мая окружил всю Керченскую группу в составе 19 дивизий и 7 танковых бригад и ее унич-

тожил. 15 мая Керчь была взята и Крым очищен, причем немцы захватили в плен 150.000 человек.

в) Севастопольская операция.

Остался только Севастополь, гарнизон коего в числе 125.000 бойцов под командой ген. Петрова, все еще упорно сопротивлялся. После тщательной подготовки, Манштейн 1 июля предпринял штурм, и уже на другой день 2 июля крепость была взята, а оставшийся в живых гарнизон (часть его погибла, взорвав себя в подземельях бастоиннов и города) в числе 70.000 бойцов, героически сражавшийся в течение 250 дней, сдался; освободившаяся же румынская армия, осаждавшая Севастополь, а с нею и германские дивизии, принявшие участие в осаде, двинулись на восток, на присоединение к войскам, начавшим новые операции, а осадная артиллерия отправлена к Ленинграду.

г) Свирская операция.

Здесь кстати следует упомянуть, что 7-я советская армия, действовавшая против Сирского фронта (между Ладогой и Онегой), была еще в Январе 1942 года усилена до 6 дивизий и 4-х бригад. В течение трех месяцев (до апреля 1942 г.) она, пользуясь успехами зимнего контрудара пыталась отбросить финнов и немцев (163-я германская дивизия) обратно за р. Свирь, но эта операция Советам не удалась и финны с немцами Свирский тет-де-пой на южном берегу Свири за собой удержали, представляя постоянную угрозу сообщениям Ленинграда, что, конечно, весьма беспокоило советское командование, вынужденное здесь держать значительные силы и быть на чеку. Ведь в Кремле же не знали, что Маннергейм вовсе не собирался здесь атаковать и содействовать немцам, как это явствует теперь из мемуаров Маннергейма.

2. Летняя кампания 1942 г. („Несчастное военное лето” по словам Б. Ольшанского).

Новое наступление в России составляло лишь часть грандиозных замыслов Гитлера, имевших в виду следующую цель: 1) одновременно с захватом юга России путем насту-

пления через Украину и Кавказ к Ирану и 2) наступлением Роммеля на Северо-Африканском театре через Египет, Сирию и Персию произвести огромный охват всех нефтяных источников России (Закавказье) и Малой Азии, дабы подать здесь друг другу руки, выйти к границам Индии и объединить свои усилия с Японией по уничтожению своих противников, — России, Англии и США.

Ближайшей же задачей на русском театре ставилось — разгром южного советского фронта и захват нефтяных источников на Северном Кавказе (Майкоп, Грозный) и в Баку, с одновременным выдвиганием к Волге, цель которого указана выше.

Исходная группировка немецких сил для летней кампании 1942 г. показана на схеме № 11. В германском ударе на восток должны были принять участие две армейские группы (заметим, что состав и наименование армейских групп подверглись некоторым изменениям):

1) Армейская группа Юга (50 дивизий), под командой возвращенного из опалы ф. Бока, состояла из 6 армий, а именно трех германских (в том числе одна танковая Гота) и трех союзных, — румынской, итальянской и венгерской, причем часть союзных армий должна была войти в состав Армейской группы ф. Бока несколько позже. Задача: наступать с участка Курск-Изюм прямо на восток, левым флангом на Воронеж, а центром и правым крылом через Дон на Волгу, к Сталинграду.

2) Армейская группа литеры „А” ф. Листа, в составе 4-х армий, трех германских (в том числе одна танковая Кляйста) и одной румынской, ожидавшейся из-под Севастополя. Задача — наступать с участка Изюм — Таганрог через Ростов на Северный Кавказ.

Таким образом в ударе на восток должны были принять участие 10 армий из них 6 германских (в том числе 2 танковых) 4 союзных. Если мы сравним эти силы с теми, которые были двинуты, осенью и зимой 1941 года на Москву, то увидим, что для такой грандиозной по замыслу и задачам опе-

рации, требовавшей прежде всего подвижных маневренных мотосил, Гитлер смог назначить только 2 танковых армии вместо трех, двинутых на Москву. Вот первое неприятное последствие зимних потерь 1941 г.: немцы не смогли выставить большее количество танковых дивизий (за отсутствием кадров), что в ряду других причин делало их задачу непосильной.

Наступление должно было начаться 28 июня на всем фронте к югу от Орла до Азовского моря.

Наряду с этим Гитлер подготовлял и удар на севере, желая покончить с Ленинградом с помощью финнов. С этой целью, пользуясь случаем и предлогом лично поздравить маршала Маннергейма с юбилейным днем 74-летия его рождения, Гитлер 4 июня 1942 года прилетел в Финляндию, чтобы личным воздействием побудить финнов принять участие в операциях по взятию Ленинграда. И недаром же "Washington Post" писал, что „визит Гитлера в Финляндию означает только одно: нацистская Германия, под непрерывным нажимом СССР, пытается убедить финнов прервать северный путь снабжения, которым русская военная машина Ленинграда пользуется сейчас". С той же целью, как сказано, осадная артиллерия из-под Севастополя, которая так бы пригодилась потом для действий против Сталинграда, была отправлена на Ленинградский фронт после падения Севастополя.

Такое раздвоение целей, сил и средств, конечно, не могло способствовать удару на юг и Сталинградской операции. Что касается посещения Гитлером Маннергейма и финского президента, то миссия его не удалась: финны под благовидным предлогом уклонились от чести участвовать в походе на Ленинград.

Однако в августе 1942 г., при посещении Н-ком финского Генер. Штаба Ставки фюрера в Виннице (он прибыл туда для осведомления и координации действий), Кайтель вновь завел речь об участии финнов при атаке Ленинграда, предположенной на сентябрь. Но финны и на этот раз благоразумно удержались. Операция так и не состоялась.

3. Сталинградская операция. Схема № 11.

Операция на юге началась 28 июня. Танки Гота, прорвавши фронт в районе Курска, устремились на Воронеж, где руководство обороной с насоро подвезенными резервами принял на себя герой Москвы, генерал Рокоссовский. Здесь германские танки натолкнулись на столь отчаянное сопротивление красных, что после 10 дней ожесточенных и бесплодных атак у Воронежа, вынуждены были отказаться от прорыва на этом участке и, оставив одну армию в заслоне, перенести удар дальше к югу, где и удалось сломить сопротивление красных и открыть себе дорогу на юго-восток, куда и устремились широким потоком 2 армии — 4-я танковая Гота и 6-я ф. Паулюса, следуя (и преследуя отступающего в полном расстройстве противника) вдоль и под прикрытием р. Дона, через Миллерово, Калач на Сталинград.

Одновременно с тем армии ф. Листа, прорвавшись у Ростова, двинулись широким веером на юго-восток, в Задонье и Северный Кавказ, одной колонной на Новороссийск, другой на Пятигорск и третьей на Моздок, т. е. сразу нацеливаясь на весь Северный Кавказ, от Черного до Каспийского морей или, иначе говоря, били не кулаком, а растопыренными пальцами.

И несмотря на это, советские армии панически отступали перед армиями Листа точно также, как и перед войсками Бокка, и отступали в таком неопишемом беспорядке, утратив временно в себя всякую веру, что штабы не знали, где находятся войска, а войска не знали, где штабы и уходили самотеком. Паника перебросилась даже через Кавказский хребет, и советские власти, опасаясь, что бакинские нефтеисточники попадут в руки врагов, приказали залить цементом свыше 6.000 скважин, что потом, после изгнания немцев с Кавказа, заставило руководителей нефтепромышленности в Баку буравить новые скважины, рядом с зацементированными (работа, потребовавшая нескольких лет) и сильно затруднило снабжение Красной армии горючим.

Почти весь июль прошел в беспорядочном отступлении на восток, к Дону, за которым расстроены и все еще не

пришедшие в себя советские войска искали защиту и надеялись, наконец, зацепиться. В какой обстановке совершалось это драматическое отступление под непрерывным напором и бомбежками немцев, можно судить по рассказу участника, командира инженерных войск, состоявшего при штабе 192-й стрелковой дивизии и при отходе попавшего в плен. Вот что он рассказывал автору этих строк:

„К 24 июля 1942 г. наша 192-я стр. дивизия, отходя в полосе между р. Доном и железной дорогой Лихая — Сталинград, заняла сильно растянутый, на 42 км. фронт к юго-западу от станицы Клетской, причем наши полки были расположены таким образом: на правом фланге 427-й стр. полк вел бой на участке ст. Клетская — хут. Платонов; в центре, у Перелазовской 675-й стр. полк находился в полуокружении, а на левом фланге, у хуторов Калмыков-Евстратов — 753-й стр. полк в бой еще не вступил. Штаб дивизии — в х. Верхняя Бузиновка. Влево от нас 33-я гвардейская дивизия (бывшая парашютная, без самолетов).

К 6 часам утра 24 июля немцы, прорвавшись ночью между Перелазовской и х. Платоновым, двинулись на Венцы; одновременно с тем 8 немецких танков и 10 автомашин, прорвали правый фланг 33-й гвард. дивизии, атаковали наш штаб. Атака была отбита штабной батареей (прямой наводкой), частью разведочной ротой и заградительной (всего человек 500). Три танка были подбиты и загорелись, а 4-й подбитый немцы увели и сами ушли. Мы несколько вздохнули, но ненадолго.

„В 9 ч. утра последовала вторая атака, уже более сильная, а именно 26 танков и 30 автомашин с пулеметами и минометами. К этому времени связь штаба сохранилась только с 753 полком, с другими прервалась, и в 9 ч. 30 м. утра штаб под ружейным, пулеметным и минометным огнем танков и автомашин бежал, направляясь не на ст. Сиротинскую (куда приказано было перейти, в случае необходимости), ибо путь на нее был отрезан прорвавшимся на Венцы противником, а в х. Осиновский, в 30 км. к юго-востоку. В момент бегства в Верхн. Бузиновке был оставлен склад в 2.000 мин, предназначенных для минирования дорог, мостов и подсту-

пов к позициям. Их было 7.000, но 5.000 мы успели вывезти, а для прочих не хватило транспорта, так как дивизия имела всего 72 машины (вместо штатных 270) для обслуживания всех своих перевозок, боеприпасов, продовольствия и пр. штаб же армии своих транспортов не дал. Пришлось столь драгоценный склад взорвать. На МТФ видели взрыв склада и дым.

В х. Осиновский мы прибыли в 12 ч. дня. Здесь узнали, что немцы отрезают нас от Дона, выходя нем в тыл, на Голубинскую. Вдруг на северной окраине Осиновского раздались выстрелы, началась паника и все побежали на Калач (на юг). Оказывается, заскочило несколько автоматчиков-немцев, но нервы так у всех были напряжены, что этого оказалось достаточно. Штаб сел в машины и умчался. Меня подхватил начальник инженерной части, и мы на автомашинах двинулись за штабом на Калач, но попали под бомбежку налетевших Мессершмидтов.

Навстречу нам примчалась из штаба армии машина с майором (помначоперот). Тот, угрожая револьвером, осыпал нас градом брани за панику и приказал собраться в Сиротинской или Голубинской, требуя ехать на Липпо-Логовскую и утверждая, что там никакой опасности нет.

В Липпо-Логовской невообразимый хаос, масса скопившихся людей, машин, повозок, 2 батареи без снарядов и командиров, крик, брань, матерщина... Майор пытается навести порядок, грозит, рычит, тычет дулом револьвера... Куда там!.. Никто слушать не хочет. Он машет безнадежно рукой и уезжает на юг, а мы сворачиваем на Голубинскую, но не успели проехать 2-х км., как на нас из Осиновского налетели танки и Мессершмидты. Нашего шофера убило, мы выскочили и в суматохе разминулись. Пришлось брести пешком. Стали спускаться сумерки. Тут меня настигли немцы и взяли в плен, а так как я говорю по немецки, то меня выделили из толпы захваченных других и отправили в Липпо-Логовскую, в штаб германской дивизии, а на другой день в штаб 60-го германского корпуса, где меня представили генералу. Тот предложил мне остаться в германском пионерном

батальоне для организации переправы через Дон. Несмотря на мой отказ, обошлись вежливо, дали шинель, угостили папиросами, шоколадом и отправили назад в Липпо-Логовскую, на сборный пункт пленных, где находилось 11 сестер, 2 доктора и 180 красноармейцев. Бои в этот день 25 июля шли у Калача, куда отодвинулся фронт.

26 июля нас отправили в Ново-Царицинское под охраной хорватов; они грубые, грабят, потом смягчились, дали хлеб. Отсюда через день, 28 июля нас в составе 800 красноармейцев и 7 человек комсостава, погнали пешком в станицу Бокловскую. В пути немцы пристрелили 6 оставших и 10 выбегавших из строя. По приказу властей кормило нас население; если женщины желали взять себе кого-нибудь из пленных в мужья, того немцы отпускали. Так начался мой плен..."

Этот рассказ очень характерен, правдиво рисуя картину отступления и условия, в каких оно происходило. Из него видно, что дивизии получали непосильные задачи прикрывать черезчур растянутый фронт, легко прорываемый немцами. Штабы, в свою очередь атакованные прорвавшимися вглубь немцами, теряли связь с войсками и уходили в тыл, бросая полки на произвол судьбы. Старшее начальство было бессильно водворить порядок, в тылах хаос, паника и всеобщий „драп“, а кто не успел, угодил в плен и, если слаб, то пуля в лоб... Словом, рассказ — подлинная страница, вырванная из жизни.

Конечно, советская власть и командование принимали всяческие меры для задержки противника и восстановления фронта и порядка. В частности Сталин издал знаменитый секретный приказ № 227, о котором Б. Ольшанский пишет следующее („Часовой” № 291, Ноябрь 1949 г.):

„В первых числах августа на командирском собрании заслушивали секретный приказ Сталина № 227. Приказ поражал небывалой до того, ни, пожалуй, после этого откровенностью. Подводились итоги: сдача громадной территории с 80 миллионами населения, значительными сырьевыми и промышленными запасами, 50 % добычи угля, хлебоброднейшими районами. В жестоких словах излагались последние со-

бытия на фронте: „войска Южного фронта покрыли свои знамена позором, сдав без сопротивления Ростов и Батайск, обнажив дорогу на Северный Кавказ и Кубань.” — „Необходимо покончить с рассуждениями о том, что страна наша велика и отступать еще есть куда. Отныне мы ни в численном людском, ни в материальном отношении не превосходим противника... Отступать больше некуда...”

„В итоге опять таки небывалое, неслыханное заключение — „необходимо взять пример с врага, армия которого сохранила себя от гибели в прошедшую морозную зиму только железной дисциплиной и только ею”. „По примеру врага” предстояла организация батальонов штрафников-смертников, сети заградительных отрядов, полномоченных расстреливать на месте каждого дезертира, не взирая на его должность и звание; создание несдающихся „очагов” и „узлов сопротивления” на путях немецкого наступления и пр. Командиры призывались к проявлению максимальной инициативы в принятии решений, памятуя однако основу основ: „отныне ни шагу назад”. Командиром гарантировалась единоначалие. Бойцам — признание воинских подвигов”. И действительно, вскоре вслед затем ненавистный „институт комиссаров” был устранин.

Этот приказ совпал как раз с тем переломом настроений в советских войсках, когда первая паника прошла, нервы после целого месяца напряжения походов и боев отупели и поуспокоились, а люди на новых местах, под защитой реки, пришли в себя и, поддержанные подведенными резервами, могли снова выдержать бой. Действительно, советские армии, отброшенные за Дон, все же сумели удержать у ст. Вешенской и Сиротинской тет-де-поны на западном берегу реки, из которых немцы, занятые важнейшей целью, т. е. скорейшим овладением Сталинграда, не выбили их, оставив это на будущее. Но потом эти то тет-де-поны и послужили Советам исходными пунктами для контр-удара в тыл Паулюсу и окружения его 6-й и подчиненной ему 4-танковой армии под Сталинградом.

Через месяц после начала операции немцы, продвигаясь в непрерывных боях на восток и отбрасывая красных, но не

сумев за это время окружить ни одной значительной группы (ибо советские войска, наученные горьким опытом, избегали втягиваться в бой, и его не принимали, а поспешно отходили, ведя лишь арьергардные бои), 28 июля подошли на расстояние 100 км. от Сталинграда, западные подступы к которым защищала 62-я советская армия, составившая затем гарнизон Сталинграда и усиленная позже (в ходе боев) 64-й советской армией.

Попытка Паулюса использовать удачное наступление и сналету захватить Сталинград, направив южнее станицы Клетской танковый удар на Ершовку (несколько севернее Сталинграда), не удалась; точно также не удалось другой танковой колонне обойти Сталинград с юга и взять его в клещи ударом на Абганерово; здесь танки, как и у Ершовки, были отбиты антитанковой артиллерией.

62-я советская армия, несмотря на свою слабость, в течение всего августа, т. е. больше чем одного месяца, стойко сдерживала натиск Паулюса, который только 2-го сентября подошел к внешнему обводу Сталинграда, пробившись через Дон у станицы Нижне-Чирской и Калача (на западных подступах Сталинграда) и наступал другой колонной вдоль железной дороги Котельниково-Сталинград.

Эта борьба за подступы, затянувшаяся из-за жестокого советского отпора на целый месяц, дала возможность советскому командованию и сталинградским властям превратить Сталинград общими усилиями войск и жителей в настоящую крепость. Население Сталинграда, состоявшее главным образом из заводских рабочих, еще живо помнило и гордилось долгой и жестокой борьбой за Сталинград, когда четверть века назад, в эпоху гражданской войны, они почти в течение целого года выдерживали осаду города (тогда еще называвшегося Царицыном), под руководством Сталина и Ворошилова, в боях с Белой армией, с казаками (за что Царицын и переименован в Сталинград), и ныне они хотели показать себя достойными столь почетного имени и старой славы, приняв самое горячее участие в защите родного города, в оборонительных работах и боях. Все, от мала до велика, без различия пола и возраста, жены, девушки, дети, стари-

ки, кто только мог держать в руках лопату или кирку, ружье или ручную гранату, все так или иначе помогали бойцам в борьбе со страшным врагом, бессменно воюя или работая днем и ночью.

Этим объясняются тяжкие потери немцев в борьбе за подступы. Лишь за последние дни августа и начала сентября немцы потряли 24.000 убитыми, 185 орудий и 200 танков, не считая массы раненых, выбывших из строя.

Как сообщает Гальдер в своем труде „Гитлер как полководец“, как раз в тот самый момент, когда войска Паулюса подошли наконец к окраинам Сталинграда, Гитлер, предвзято решив, что сопротивление русских окончательно сломлено, приказал в самый разгар операций изъять большую часть танков 4-й армии из подчинения Паулюсу (он в них так нуждался) и направить их на юг, в Задонье, в распоряжение ф. Листа, дав им новую задачу: овладеть восточным Кавказом, вплоть до линии Баку, и далее взять Батум. Мало того, германские дивизии из Крымской армии, обещанные Паулюсу, по взятии Севастополя, были направлены на Ленинград, а не на Сталинград. Таким образом, в самый решительный момент Паулюс не только не был подкреплён, но ослаблен, и с оставшимися в его распоряжении танками начал осаду Сталинграда, где ген. Еременко объединил командование двух армий, 62-й и 64-й. Город горел, превращался в развалины, героически защищаемые шаг за шагом.

С севера, наблюдая р. Дон, за который отошли советские войска, Паулюса охраняли 8-я итальянская армия (прибывшая в августе), венгерская и 3-я румынская с 4-м конным корпусом, подошедшая в сентябре. Паулюс с подчиненной ему 4-й танковой армией, уменьшенной больше чем наполовину, имел к началу осады, 14 пехотных, 3 танковых и 3 мотодивизии, а всего 20 дивизий. В Сталинграде Советы имели до 10 дивизий, не считая бойцов из горожан.

Несмотря на двойное превосходство немцев, сталинградцы все же успешно отбивались за стенами и в подвалах развалин и домов. Советское командование сберегало силы для подготовляемого постепенно контр-удара и потому скупил-

лось на оказание помощи Сталинградскому гарнизону, ограничиваясь посылкой лишь самых необходимых подкреплений. Гарнизон героически бился за каждый дом, за каждую стенку, каждый этаж. Весь сентябрь и октябрь шли непрерывные и отчаянные бои, днем и ночью, особенно в районе завода „Красный Октябрь” и за Мамаев Курган. Немцы сбросили на город и заводские предместья свыше миллиона воздушных бомб, превратив дома и заводские здания в сплошные развалины; артиллерия тоже была непрерывно днем и ночью, засыпая защитников адским огнем, под прикрытием которого атаки пехоты и танков, поддержанных самолетами, следовали одна за другой.

Местами немцам удалось даже прорваться до Волги и разрезать город на отдельные участки, прижавши защитников почти к самой реке (по которой они и поддерживали связь), но сталинградцы яростно отстаивали каждый клочок земли и переходили в контр-атаки, нанося противнику тяжкие потери ручными гранатами, пулеметами, штурмовиками и артиллерией ближнего (окопного) и дальнего боя, тяжелыми орудиями с той стороны реки.

По советским данным, только за эти 2 месяца было убито (главным образом огнем советской артиллерии) 59.000 немцев, подбито 520 танков, 280 орудий, тысячи автомашин, а с половины июля до 19 ноября, т. е. до контр-удара красных, эти потери возросли до 180.000 убитых, 1.500 танков, 1.000 орудий и 1.337 самолетов; общие же потери ф. Бока исчислялись свыше 250.000 убитых.

Конечно, защитники тоже понесли крупные потери, каковые именно, Советы не сообщают. Все же надо полагать, что на этот раз советские потери, вероятно, были вдвое меньше, ибо осаждающие, как правило, всегда несли больше жертв. Так, например, при осаде Порт-Артура в 1904 году японцы потеряли в штурмах 100.000, а весь гарнизон крепости не превышал 40.000 человек.

Вопрос не в потерях, а в том, зачем Гитлер расшибал себе лоб о Сталинградскую твердыню. И стратегически, и тактически Сталинградская бойня бессмысленна, ибо она нару-

шала все военные расчеты и планы и приковала немцев к месту, уже потерявшему свое значение. Гораздо целесообразнее было бы направить эти силы для захвата Баку и иметь свободные руки для действия, смотря по обстановке.

Повидимому, тут дело все в ослином упорстве Гитлера, в слепой амбиции, в том, что город носил имя Сталина, и в этом смысле играл роль символа и стимула, подстрекавших упрямую волю Гитлера. Ведь взял же Сталинград (тогда еще Царыцин) „белогвардейский” генерал Врангель в 1919 году... Так как же он, Гитлер, победитель мира, отступит? Фуллер назвал это решение безумием...

Между тем, пока Паулюс истекал кровью и тщетно взывал к благоразумию Гитлера, прося германское командование разрешить снять осаду, ссылаясь на чрезвычайные потери и риск дальнейшей операции, особенно имея в виду печальный опыт прошлой зимы, Сталин оттачивал нож, чтобы вонзить его в спину захватчикам или, проще говоря, готовил контр-удар, имевший целью окружить Паулюса, ибо германский выступ фронта, глубоким клином выперший к Сталинграду, сам собой напрашивался, чтобы охватить его клещами и сгрызть.

Германский фронт ф. Бока тянулся по р. Дону до Сталинграда на протяжении 550 км., а от Сталинграда простирался далее на юг еще на 200 км. Фронт ф. Бока включал:

1) **Центр** — Сталинградская группа ф. Паулюса (6-я германская и 41-й танковая армии).

2) **Северный фланг** (левое крыло) Паулюса по р. Дону охраняли 3 союзные армии: 8-я Итальянская, Венгерская и 3-я Румынская.

3) **Южное крыло** Паулюса охраняла 6-я румынская конная армия, усиленная румынским же 4-м отдельным конным корпусом.

В общем же к 19 ноября Армейская группа ф. Бока имела 48 дивизий, из них против Сталинграда у Паулюса 22, а на остальном фронте (т. е. на обоих флангах) 26. При длине фланговых участков в 750 км., на каждую дивизию прихо-

дился участок в 30 км., а это значит, что при такой растяжке итальянцы, венгры и румыны скорее наблюдали, чем охраняли линию фронта, убежденные, впрочем, в том, что ничего не случится, так как Гитлер уверял в скором падении Сталинграда, и еще в октябре заявил, что „истощенные последними боями, русские армии не смогут предпринять зимой 1942-43 г.г. ничего подобного прошлому году”.

4. Советский контрудар. Схема №№ 12 и 12А

Вот этим то обстоятельством, т. е. чрезмерной растяжкой фронта, нахождением на флангах Паулюса менее стойких (чем германские) дивизий союзников, недостатком неприятельских резервов (о чем советское командование было хорошо осведомлено) и наличием готовых тет-де-понов на правом (западном) берегу Дона, обеспечивавших беспрепятственный переход через реку, сбор сил на том берегу и исходные пункты для удара по тылам противников, Сталин и решил воспользоваться и, по советам и плану Жукова и Василевского, произвести контрудар, дабы двойным охватным маневром с севера и с юга отрезать армии Паулюса от прочих сил, окружить их и уничтожить. С этой целью были собраны 2 ударных кулака:

1) один на **севере**, на Дону, между станцией Вешенской и хутором Серафимович, в двух группах, которыми командовали генералы Ватутин и Рокоссовский, и

2) второй на **юге**, восточнее Абганерово, у оз. Бермансак, группа ген. Еременки.

Ватутину и Рокоссовскому даны 3 танковых и 3 конных корпуса, а Еременке — 2 мотокорпуса и 1 конный корпус. Оба кулака должны были наступать навстречу друг другу и соединиться в районе Калача; атаку на севере начать днем раньше, а именно 19 ноября, а на юге 20 числа.

К этому времени группа армий ф. Листа, выполняя свою задачу по овладению Кавказом, так далеко оторвалась от ф. Бока, что оказать содействие ф. Паулюсу не имела возможности, а между тем она, перейдя Дон, взяла у Паулюса целый танковый корпус. Действительно, группа ф. Листа,

овладев 23 июля Ростовом и опрокидывая всякое встречное сопротивление, углубилась далеко на юг. На западе Кавказа Майкоп был взят 8 августа, а Краснодар 20 августа, затем захвачен Новороссийск, причем Черноморская советская эскадра вынуждена была укрыться в Батум. В центре взят Пятигорск, а далее на восток захвачены Ставрополь и 25 августа Моздок.

Таким образом к началу сентября, когда Паулюс подошел к внешнему обводу Сталинграда, передовые части ф. Листа дошли до северных склонов Кавказского хребта, расстояние свыше 500 км. от Сталинграда, вследствие чего между группами ф. Бока (Паулюса) и ф. Листа произошел оперативный разрыв.

Такая разброска сил не могла не встревожить германское верховное командование, особенно, когда выяснилось, что Паулюс не в силах выполнить данной ему задачи, а германская воздушная разведка доносила о замеченном сосредоточении крупных советских сил.

Сознавая назревающую опасность, германское командование поддерживало ходатайство Паулюса о прекращении операции, но Гитлер о том и слышать не хотел, а донесениям и предупреждениям о грозных признаках не верил, и Гальдер сообщает, что „дискуссии между фюрером и командованием достигли небывалого напряжения”. Гитлер упорно твердил, что Россия уже пала. Он едко и резко укорял Генеральный Штаб в трусости, которую генералы прячут под маской хладнокровного благоразумия. А сведения о замеченном ежедневном прибытии на фронт новых советских дивизий он считал смехотворным вздором, заявляя, что только мозги наивных теоретиков могут принять за правду эти топорные сталинские хитрости.

И Гальдер пишет далее:

„Ему на основании неопровержимых документов доказали, что Сталин собрал к северу от Сталинграда на западном берегу Волги от 1 до 1½ миллиона свежих войск и до ½ миллиона на северо-восточном Кавказе и что русские выпускают в месяц по 1.200 танков. Гитлер с пеной у рта и сжа-

тыми кулаками бросался на офицеров, докладывавших эти цифры и воспретил говорить подобные глупости...”

При подобных условиях никаких мер стратегического противодействия не принималось и катастрофа стала неотвратимой. А так как Гальдер продолжал настаивать на отступлении, то Гитлер избавился от него, уволив его и заменив ген. Цайслером, полагая, что этот будет более сговорчивым.

Между тем, даже когда начался советский контрудар, выход был. 21-го ноября ф. Паулюс узнал, что советские танки появились у него в тылу, у Калача, и что другая советская ударная группа наступает на север от Абганерова. Оставался еще 80 км. корридор, через который можно было уйти, бросив Сталинград. Но в том-то и дело, что Паулюс не мог этого сделать, не получив на это разрешения. Как только обнаружилось наступление Советов и наметился двойной охват с целью окружения, Паулюс вновь настойчиво просил разрешения отойти, но получил строжайший приказ Гитлера оставаться на месте и удерживать Сталинград. Потом, когда окружение стало фактом, он вновь и вновь просил разрешения бросить все тяжести и пробиться сквозь еще тонкое кольцо. Он засыпал радиотелеграммами Кейтеля и Йодля, телеграфируя им 22, 23, 25 ноября, а затем почти ежедневно. И к своему негодованию и ужасу вновь получил резкий и категорический отказ.

Оставалось одно: действовать на свой страх и риск и пробиться, но на это у Паулюса не хватало решимости и дерзаний — слишком еще было велико обаяние Гитлера и престиж, чтобы его послушаться; слишком еще была сильна вера в него, в его непогрешимость, в то, что он выручит, как выручил у Демьянска, и Паулюс на свою гибель остался, не осмелился нарушить приказ. Пример Демьянска сыграл в данном случае роковую роль.

Примечательно, что почти в тоже самое время так же поступил и другой германский генерал, прославленный Ромель. В октябре 1942 г. он просил у Гитлера разрешения увести войска из Египта, понимая, что дальнейшая задержка

его армии у Эль-Аламейна, ввиду грозного усиления англичан, грозит ему поражением. Гитлер отказал, а Роммель, человек несомненно большого мужества и военного, и гражданского, не решился однако воспротивиться отказу и в итоге разгром его армии 4 ноября. Куда девалась былая независимость германских командиров?.. Гитлер ее вытравил. Но вернемся к операции.

Меж тем удар Сталина увенчался полным успехом. На обоих охватных участках, на севере и на юге, фронт был прорван и ударные советские клинья с молниеносной быстротой ринулись вперед. Не забудем, что удар наносился исключительно быстроходными войсками, танками, мотодивизиями и конницей, и он был направлен на наименее устойчивые в боевом отношении союзные итальянские, венгерские и румынские дивизии. Есть сведения, что румыны поддались разложению под действием большевицкой пропаганды, обещавшей выплату наличными деньгами крупной суммы всем солдатам, которые сдадутся или перейдут на сторону Советов со своим оружием.

Как бы то ни было, но уже на 5-й день операции, 23 ноября, вся германская сталинградская группа Паулюса, в составе 22 дивизий (к нему присоединились 2 румынские), общим числом в 364.000 бойцов (по другим сведениям 330.000) была окружена и прочно отрезана от других армий фонт-Бока.

В числе окруженных были нижеследующие германские корпуса:

- 1) IV-й арм. корпус, командир генерал Енекке,
- 2) VIII-й " " " " Гейтц,
- 3) XI-й " " " " Штрекер,
- 4) LI-й " " " " Зейдлиц,
- 5) XIV танк. " " " " Губе, в составе 14-й, 16-й и 24-й танковых дивизий и трех моторизованных пехотных, — 3-й, 29-й и 60-й.

Кроме того, в окружение попали: 1-я Румынская кавдивизия, 20-я Румынская пехотная, 9-я Германская противоздушная дивизия, полк кроатов и разные технические и вспомогательные части, пионеры, строительные команды,

отряды связи, организации Тодта, а также отдельные части из XIV и XLVIII арм. корпусов.

Тем временем, за 5 дней советского удара, помимо отрезанных и запертых в Сталинграде вышеперечисленных частей армии Паулюса, в боях при окружении были частью уничтожены, а частью разбиты 14 союзных дивизий, итальянских, венгерских и румынских, и немцы со своими союзниками потеряли, по советским данным, 95.000 убитыми и ранеными, 72.000 пленными, 1.780 танков, 2.830 орудий и 134 самолета.

Об этих боях за освобождение Сталинграда и о своих впечатлениях, участник их Б. Ольшанский так же красочно пишет следующее:

„Были первые дни боев в охват 6-ой армии Паулюса. Сильный снег, перемешанный с дождем. Невдалеке — несмолкаемый гром канонады. Наши роты потонули в мощном потоке направляемых к фронту частей. Мимо нас, с нами, вокруг нас шел в долгожданное и непреодолимое наступление российский народ. Волна направила свой бег с востока на запад. В боевом оснащении — новенькие усовершенствованные автоматы, противотанковые ружья, взамен злополучных „бутылок” с горючей смесью. Новые автомашины, Т-34, „Катюши”. В шумах, криках движения ощущается порядок, руководство, целеустремленность. — „Побьем, фрицов”, — проговорил один из мимо идущих: „Довольно они нами потешились...”

„Навстречу, за обочиной дороги, — толпа пленных, в большинстве румыны (они, расположенные на охранении флангов, приняли первый удар), есть и немцы. Последние выглядят страшно. В шинельных лохмотьях, в грязных летних куртках, бледны, белы, что мел, совсем не схожи с „гордыми завоевателями”, полгода назад усердно фиксировавшими себя на фотопленках. Один молодой пленный немец с разорванным, окровавленным ртом врезается в память. Розовая пена стекает из черной раны на подбородок и грудь.

„На противоположном берегу Дона — трупы в снегу и грязи... Рукопашные бои носили исключительно жестокий

характер. Колонны пленных с каждым разом все больше и больше. Две мадьярские дивизии, сдавшиеся в плен в полном составе и вооружении, направляются к железнодорожной ветке на погрузку в фронтовой тыл.... Впереди шагает пожилой мадьярский полковник с удивительно „подходящим” к нашей российской дорожной грязи легким кавалерийским стэком в руках. Проезжает грузовая машина с двумя пленными, под стражей, генералами...”

Такова картина после пятидневного сражения в итоге тяжкого советского удара. Нужно ли говорить, какое потрясающее впечатление произвел этот удар на немецких союзников, сразу потерявших чуть ли не половину своего состава и, что еще хуже, веру в победу и волю к борьбе!

5. Маневр Манштейна.

Но немцы не растерялись. В то время как Паулюс, окруженный в широком районе, прилегающим к Сталинграду („мешок” первоначально имел 50 км. в глубину и 30 в ширину), стойко отбивался на все 4 стороны, германское командование спешно собирало ударную освободительную группу под командой ф. Манштейна в районе Обливская-Котельниково. Она была составлена из 14 дивизий, привезенных сюда частью из Франции (воздушным путем), из-под Брянска, а частью переброшенных с Кавказа; в это число входят и 6 разбитых румынских дивизий, отскочивших под ударами Сталина.

Группа Манштейна должна была пробить окружающее Паулюса кольцо в направлении на Калач, в то время как Паулюс должен был двинуться ей навстречу частью сил, продолжая другой частью удерживать Сталинград, покидать который Паулюсу и сейчас строго было запрещено.

Гитлер все время уверял, что выручка для Сталинграда придет извне, в связи с чем он требовал от Паулюса удержание города во что бы то ни стало и не разрешал отойти с целью прорыва. Позже Гитлер, подтверждая свое решение, соглашался все же на выделение части сил Паулюса для разрыва кольца окружения и выдвижения навстречу освобо-

дательной группе, но при обязательном условии удержания Сталинграда, а эта двойная задача была непосильна для войск Паулюса, и потому он не мог выступить навстречу освободительной группе Манштейна с надлежащими силами.

Атака Манштейна была назначена на 12 декабря, т. е. почти через 3 недели после окружения Паулюса. Благоприятное время для контрудара таким образом было уже упущено.

Тем не менее Манштейн вначале имел успех. Он организовал свою армию на манер ударного танкового тарана, построенного по типу Суворовских карре и названного „мотопулк“. Этот бронированный таран состоял из 4 танковых, 2 мотодивизий, пехоты, конницы, 12 арtpолков и эскадрильи приданных ему самолетов, причем парки, артиллерия, снабжение (а на ночлеге и самолеты) размещались внутри.

За 4 дня Манштейн с боями прошел 40 км.; если бы Паулюс бросил Сталинград и тяжести, весьма вероятно, что ему удалось бы вырваться из мешка и дотянуться до Манштейна, но как сказано, Гитлер категорически воспротивился оставлению Сталинграда, вследствие чего раздвоившиеся силы Паулюса оказались слабыми и не смогли пробить советского кольца.

К тому же, на несчастье немцев, Советы 11 декабря перехватили радиоприказ Паулюсу выступить навстречу Манштейну, и вот, собрав к 18 декабря ударную группу в 1.500 танков и 3.000 тракторных арторудий, Советское командование обрушилось сначала на Манштейна и разгромило его так, что Манштейн едва унес ноги, потеряв при этом 600 танков из 1.000, с которыми он выступил, и 10 арtpолков из 12; а вслед затем советские войска отбросили Паулюса в Сталинград. Таким образом попытка освобождения окруженных армий Паулюса потерпела полный крах. В довершение несчастья для Манштейна, советская группа, носившая название Воронежского фронта, ударила 16 декабря с Дона, со стороны Новая Калитва-Монастырщина по уже разбитым 8-й итальянской и 3-й румынской армиям, проникла до стан-

ции Тацинская-Морозовская (на железной дороге Лихая-Сталинград) и угрожала таким образом тылу (у Обливской) и северному крылу разбитой группы Манштейна.

Завязались жестокие бои, длившиеся всю вторую половину декабря и обошедшие немцам и союзникам 80.000 убитых, 62.500 пленных, 280 танков, 2.200 пушек, 400 самолетов и 7.700 автомашин. Манштейн с трудом отбилсЯ и отошел, понесЯ громадные потери и оставив 9/10 своих танков, а участь Паулюса впредь была предрешена.

6. Агония и сдача Сталинграда.

Авиация, на которую очень рассчитывал Гитлер, успокоенный заверениями Геринга, оказалась не в состоянии подать осажденной армии нужное снабжение, как это она сделала в начале этого года под Демьянском. Но там было окружено всего 6 дивизий, а здесь 22. При напряжении всех сил и самолетов (даже учебных) Геринг мог подать осажденным армиям Паулюса ежедневно лишь 80 тонн груза вместо потребных 300, не говоря уже о том, что при этих транспортных операциях немцы потеряли 600 самолетов.

О том, в каком состоянии находились немцы, можно судить по следующему описанию немецкого писателя, участника Сталинградской борьбы, который пишет (Theodor Plievier. Stalingrad. Французское издание, стр. 62):

„Подшло Рождество... Наряду с ранеными на врачебный пункт непрерывно текли массы больных (дизинтерией и тифом). Не надо было консультации, чтобы понять, в чем дело. За них говорили лихорадочно блестящие, печальные глаза, изможденные лица и кожа да кости, свидетельствовавшие о крайнем истощении. Несчастные стыдились, что экскременты текли зловонной жижей по их ногам, как у грудных детей. Сразу видно: понос... Они ничего иного не желали, как только где-либо в углу присесть для испражнения...

„Их размещали в холодных, нетопленных помещениях (топить нечем), битком набитых больными, как сельдей в бочке, от которых шел удушливый смард. За неимением тюфяков они валялись прямо на полу, в бреду и жару, апатич-

но ожидая смерти... Им давали только горячий чай, но ни сахара, ни вина, ни сухарей, ничего уже не было... Лошадей уже поели, а те, которых убивали, давали жидкий, без всякого жира, не питательный бульон... Люди умирали и от дезинтерии и от голода. Это было начало агонии, которая не могла уже остановиться”...

Действительно, дальше пошло все хуже и хуже, с 1 января рацион хлеба уменьшен до 100 грам; съели всех лошадей, собак, кошек, ели падаль. Косил тиф, топлива нет (страна безлесная), а морозы поднялись до 28 градусов... Тем временем Советское командование, предложило 8 января Паулюсу сдачу и, получив отказ, повело с запада и юга непрерывные атаки, суживая все более и более обвод и отбрасывая немцев в самый город. 25 января немцы были прижаты уже к окраинам. Началась агония.

Когда положение стало безнадежным, Паулюс испросил разрешение сдаться, но это ему строжайшим образом было воспрещено, особенно приказом от 20 января 1943 года, что в частности повело к голодной смерти многих русских военнопленных, которых в Сталинграде кормить и лечить было нечем. Но приказ не мог предотвратить неизбежное.

В мою задачу не входит описание всех подробностей и переживаний этой эпической и титанической борьбы, которая навеки войдет в историю под именем Сталинграда и после падения советской власти, ибо это была борьба русского народа, а не Сталина, каким бы именем город не назывался. Здесь оба противника превзошли друг друга по доблести, героизму и самопожертвованию. Эту эпопею в достаточной степени освещает литература. Скажем лишь пару слов о последних трагических днях и моментах.

28 января авиация Геринга из-за снежных бурь смогла подать гарнизону Сталинграда всего 2 тонны груза, но зато сам Геринг послал несчастным защитникам воззвание по радио, в котором, ободряя, между прочим говорил:

„Настанет день, когда имя 6-й армии будет звучать гордо. Как теперь синонимом бесстрашия является Лангемарк, упорства — Альказар, храбрости — Нарвик, так синонимом

жертвенности и долга станет Сталинград... Настанет день, когда о героических защитниках Сталинграда скажут: они погибли под Сталинградом, выполнив свой долг до конца. Да, тяжело для воина пасть в бою под Сталинградом ли, в песках ли Африки, в снегах ли полярного круга... Но ведь мы солдаты, и если мы не готовы в любую минуту положить свою жизнь за Родину, то нам надо идти в монахи, а не на поле брани..."

На эту речь из одного осажденного сталинградского бункера последовал по радио насмешливый ответ: „Незачем заранее петь отходную”.

31 января из германской ставки в Виннице посыпался целый дождь наград и повышений на сталинградский гарнизон. Генерал-полковник ф. Паулюс произведен в фельдмаршалы, причем Гитлер сказал: „Германская история не знает ни одного фельдмаршала, который сдался бы врагу”. Генерал Гейтц произведен в генерал-полковники, генерал-лейтенант Шмидт в генералы (полные), 117 полковников в генерал-майоры и т. д.

Все это не могло спасти положения, и 2-го февраля, выпустив последние патроны, Сталинград пал. В 5 ч. 15 м. этого дня Паулюс донес:

„Верная своему долгу и присяге, 6-я армия сражалась за Германию до последнего бойца и патрона, памятуя данную ей важную задачу — удержать до конца позиции, вверенные ей фюрером и Родиной”.

А в 6 часов утра Ставка Гитлера в Виннице получила из Сталинграда неизвестно кем посланную радиотелеграмму:

„6-я армия капитулировала. Надеемся, что печальный конец Сталинграда научит фюрера в будущем больше внимать советам своих генералов”.

В тот же день 2 февраля официальная германская пропаганда, сообщая минорным тоном о падении Сталинграда, разъясняла значение этого факта так:

„Шестая армия должна была пожертвовать собой, чтобы дать возможность создать новый фронт. Виною всему

ненастье, преждевременная жестокая зима, вьюги и стужа, нарушившие воздушное снабжение осажденных войск. На этот раз стихия и судьба против нас. Пути Господни неисповедимы...”

А еще так недавно Гитлер гордо заявил:

„Куда раз вступила нога германского солдата, там он и останется. Никакие земные силы его оттуда не вытеснят.”

И вот эта сила нашлась в лице российского народа. Гарнизон Сталинграда сдался в числе 91.000 вместе с Паулюсом, только что пожалованным фельдмаршалским жезлом, двумя командующими армиями и всеми генералами. Советские сводки сообщили, что с 10 января по 2 февраля немцы потеряли 1.550 танков, 6.700 орудий, 750 самолетов и массу всякого рода трофеев. Мы пойдем, какие огромные потери понесли немцы, если скажем, что при окружении группа насчитывала в своих рядах 364.000 человек, а сдалось всего 91.000. Стало быть 273.000 погибли, за исключением тех раненых, которых немцы успели за время осады вывезти на самолетах в тыл. (По некоторым данным вывезено до 50.000 раненых).

Иодль на суде в Нюрнберге показал, что решение удерживать Сталинград и воспрещение Паулюсу покинуть его Гитлер принял единолично. Генерал-полковник Цайслер в критические дни имел разговор с фюрером и предложил ему сдачу Сталинграда. Гитлер возмутился. Когда же пришло донесение о сдаче Паулюса, Гитлер впал в бешенство и заявил генералам: „По моему мнению каждый офицер должен предпочесть смерть плену. Честь десятков тысяч германских солдат запятнана тем, что Паулюс не решился на то, на что бы решилась даже слабая женщина. Опозоренная женщина застрелилась бы. Я не могу понять такого мужчины, как Паулюс. Мне горько, что я произвел его в фельдмаршалы. До конца войны я больше никого не произведу в этот ранг. Фон Паулюс мог высоко подняться в глазах народа, мог перейти в вечность, как бессмертный народный герой, а вместо этого, он опозорил себя переходом на сторону Москвы”.

Эпическая борьба кончилась. Россия отомщена. Сталинград, по своей трагичности, затмил все германские победы, хотя обе стороны сражались героически и показали себя достойными друг друга. Но Сталинград тоже был лишь цве-

точком, а ягодки того крестного пути, который предстояло пройти непрошеным гостям, вторгшимся в Россию, ждали их еще впереди. Что касается плененного гарнизона, то он был оставлен для работы по восстановлению Сталинграда. И это было справедливо. Кто разрушил, тот должен и построить.

Нечего и говорить, какая волна ликования прокатилась по всей России. Не будем останавливаться на огромном значении этой победы, — это само собой ясно. Она произвела колоссальное впечатление на весь мир и вселила всем странам и народам, поработанным немцами, твердую надежду и уверенность грядущего освобождения, а в российском народе и в союзниках укрепила веру в окончательный разгром немцев; это было тем бесспорней, что Сталинградская победа почти совпала с двумя другими победами, одержанными союзниками на других театрах войны, а именно: в начале ноября 1942 г. английский маршал Монтгомери разгромил в Египте под Эль-Аламейном армию Роммеля, а 8 ноября англо-американцы под командой генерала Айзенхауера победоносно высадились в Алжире и Марокко, чтобы через полгода окончательно изгнать немцев и итальянцев из Сев. Африки.

Так рухнули волшебные мечты и замки Гитлера, желавшего перещеголять Александра Македонского...

Сталинград — это поворотный пункт войны, вырвавший инициативу из рук немцев и предопределивший полное крушение Германии. Немцы будут еще пытаться наносить удары, но это уже судороги тяжело раненого льва. Победа уже перешла на сторону русских. Вот при каких условиях началась кампания 1943 года на советском театре войны.

Добавим к сему, что по данным Маннергейма (мемуары, стр. 372, франц. издание) Германия вместе с своими союзниками потеряли за зиму 1942-1943 г.г. не менее 60 дивизий, которые трудно было возместить.

7. Партизанское движение.

Сталинградская победа особенно ободрила советских партизан, действовавших в германском тылу. Партизанское

движение, возникшее в первые же месяцы войны в отместку за жестокость немцев по отношению к местному населению и к пленным, и носившее вначале чисто случайный и эпизодический характер, приняло мало по малу стихийный размах и ко времени Сталинградской победы явилось настоящим бичем для немцев, особенно когда Москва взяла на себя руководство и стала посылать из центра воздушным путем специальных партизанских командиров, ставить оперативные задачи, снабжать картами, компасами, оружием, боеприпасами и пр.

Партизанские отряды возникали и появлялись повсюду и сильно досаждали немцам, особенно на Украине и в Белоруссии, пуская под откос поезда, взрывая мосты, склады; нападая на отдельных лиц и транспорты и пр. Среди партизан прославился знаменитый Ковпак, неуловимо действовавший в Брянских лесах и после войны пожалованный прямо в генералы. Советская власть издала книгу его мемуаров.

Борьба немцев с партизанщиной была очень трудна. И несмотря на то, что борьбой с партизанами занимались Гестапо, полевая жандармерия, особый „Штаб Валли” (отделение германского штаба, ведавшее разведкой на восточном фронте) и „Зондерштаб Р” (особый штаб для борьбы с партизанами), подавить партизанское движение немцы оказались не в силах.

Так, „Зондерштаб Р” имел на учете более 100 партизанских отрядов, а уничтожить их не мог. Немцы пробовали создать контр-партизанские отряды из местных жителей, враждебных советской власти, и даже из старых эмигрантов, боровшихся с грабительскими отрядами, прикрывавшимися именем партизан. Таковы отряды Родионова и Каминского в 2-3 тысячи человек в северной части Белоруссии. Но эти отряды частью растаяли, а частью перешли на сторону Советов и стали партизанить вместе с ними против немцев.

Все это очень осложняло военные операции немцев и заставляло их выделять значительные силы для борьбы с партизанами, и это как раз в тот момент, когда счастье повернулось против них и каждый боец был нужен на фронте.

Если верить советским данным, приведенным в труде С. Голикова, бывшего командира („Выдающиеся победы советской армии в Великой Отечественной войне, стр. 71), относительно партизанского движения, то, как он пишет:

„Летом и осенью 1942 года, в разгар Сталинградского сражения, для борьбы с партизанами гитлеровское командование бросило до 15 полевых дивизий, 2 охранных корпуса, 10 охранных дивизий СС, 27 полицейских полков и 144 полицейских батальона.

„В боях только против партизан Барановичской области (Белорусская ССР) участвовало 52.000 гитлеровцев. В начале 1943 года против группы партизанских отрядов Минской области немецкое командование направило 30.000 солдат и офицеров с танками, артиллерией и авиацией. Против партизан Витебской области была брошена армейская группа в составе 6 дивизий и 15 эс-эсовских полков, численностью до 60.000 гитлеровцев, со 137 танками”.

Если приведенные цифры Голикова верны, то таким образом Гитлер, ведя борьбу за Сталинград, вынужден был для борьбы с партизанами и охраны своего тыла выделить силы, достигавшие почти 50 дивизий.

Тот же Голиков, сообщая о потерях германской армии в период Сталинградского сражения и до весны 1943 года на всем советском фронте, пишет (стр. 77, 82 и 107):

„За зимнюю кампанию 1942-43 года немецко-фашистская армия потеряла убитыми и пленными 1.193.525 солдат и офицеров. Советские воины захватили и уничтожили 5.090 самолетов, 9.190 танков, 20.360 орудий, огромное количество вооружения другого и военного имущества”.

Причем, „только за 3 месяца наступления Красной армии зимой 1942-43 г.г. гитлеровцы потеряли свыше 7.000 танков, 4.000 самолетов, 17.000 орудий и много другого вооружения. Красная армия разбила 112 дивизий противника. За 20 месяцев войны наша доблестная армия вывела из строя до 9 миллионов немецко-фашистских солдат и офицеров, из них не менее 4 миллионов было убито на полях сражений.

Цифры эти явно преувеличены, так как по данным германского генерального штаба и все-то потери убитыми за всю 2-ю Мировую войну на всех театрах военных действий исчисляются около 4 миллионов погибших немцев. Но эти цифры нужны советской власти с явно пропагандной целью, смотрите мол, во что обошлось германцам их вторжение в Россию.

В другом месте Голиков приводит не менее разительные цифры, когда пишет:

„За год коренного перелома (зимней кампании 1942-43 гг.) немецко-фашистская армия в боях на советско-германском фронте потеряла более 4 миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1.800.000 убитыми, более 14.000 самолетов, свыше 25.000 танков и не менее 40.000 орудий”.

VII. КАМПАНИЯ 1943 ГОДА.

Схема № 13.

Кампания эта характерна тем, что Советы стремились использовать и развить успехи, достигнутые Сталинградской победой, а немцы, напротив, свести на нет советские успехи и удержать инициативу в своих руках, чтобы в последний раз попытаться добиться своих целей, так как Гитлер, вопреки своим генералам, все еще верил в германскую победу и отказался, как увидим ниже, вступить в переговоры с Советским Союзом о заключении сепаратного мира, предложенного Кремлем, и это после трех тяжких поражений (Сталинград, Эль-Аламейн и Тунис, где в мае 1943 г. сдалась 250.000 армия Роммеля) и накануне выхода Италии из войны.

Кампания 1943 года распадается на 2 периода:

1) **Зимний**, до весны 1943 года, после чего наступило некоторое затишье и

2) **Летний**, затянувшийся до конца года, когда Советы, отбив удар немцев, сами нанесли им ряд сокрушительных ударов и продвинули свой фронт значительно вперед. Однако же этот год не дал и не мог дать решительной победы ни одной из сторон, ибо немцы сохранили еще свои силы и во всяком случае не были в такой мере разбиты, чтобы фронт их рухнул, а Советы еще не развили всей своей мощи настолько, чтобы этот фронт сломать. Западные же державы тоже были еще не в силах создать 2-й фронт в Европе и оказать Советам должное содей-

ствии в окончательном разгроме общего врага, хотя уже и отвлекли на себя часть германских сил своими операциями в Северной Африке и в Италии.

Ввиду этого задача Советов на 1943-й год заключалась в том, чтобы расшатать фронт непрерывными ударами, подорвать германские силы и вместе с тем исправить свое стратегическое положение в смысле захвата и подготовки исходных пунктов для кампании будущего года, а равно захватить инициативу в свои руки.

1. Зимняя операция. Схема № 12 А.

Зимняя кампания явилась как бы продолжением Сталинградской операции, в смысле использования и развития ее успеха. Еще в то время, пока под Сталинградом добивали Паулюса, последовал новый удар Воронежской группы, предпринятый 12 января. Она в 10 дней разгромила 11 дивизий (3 германских, 5 венгерских и 3 итальянских), причем захвачено 106.000 пленных, а на поле боя немцы и союзники оставили 70.000 трупов. Красноречивые цифры свидетельствуют об ожесточенности боев.

Эта Воронежская группа, наступая далее на юг, в направлении на Ростов, совместно с войсками, освободившимися после завершения Сталинградской операции, угрожала уже тылам групп армий ф. Листа на Северном Кавказе, поэтому Листу пришлось поспешно, под прикрытием Манштейна (сдерживавшего Сталинградскую группу на Маныче, куда он вынужден был отойти), уходить с Кавказа на запад; при этом части сил Листа удалось проскочить через Ростов и отойти за Миус, куда за ним отошел и Манштейн, ведя арьергардные бои; но главная масса армий Листа направилась через Тамань, Керчь и Крым, — единственный путь, который еще оставался открытым.

Таким образом Сталинградская операция освободила не только Волгу, но и весь Северный Кавказ, т. е. одним ударом уничтожила клин, так авантюристически безрассудно вбитый Гитлером и поставивший Россию, как будто бы, на край гибели.

Мало того, под влиянием победы, советские войска, развивая достигнутый успех, на всем русском фронте перешли в наступление, нанося короткие, местные удары и отбросив к весне 1943 г. немцев на запад, местами на 600 км. от Сталинграда, причем в феврале на юге были освобождены Курск, Белгород, Новый Оскол, Харьков, Павлоград, Лозовая и ряд других пунктов, а на севере 6 января взят Шлиссельбург и таким образом освобожден Ленинград, если не совсем, то от тесной блокады, что дало возможность наладить наконец снабжение этого пострадавшего города, потерявшего от голода, болезней и огня более 2½ миллионов душ; при этой операции немцы потеряли на Ленинградском фронте 13.000 убитых и 400 орудий; в центре же взяты (в январе и марте) Ржев, Гжатск и Вязьма, так как немцы ослабили этот участок фронта, перебросив отсюда часть сил на юг.

Чтобы остановить на юге советское наступление Воронежской и Сталинградской групп, Гитлер собрал в излучине Днепра, в районе Сталино-Днепропетровск, новую ударную группу, перебросив сюда из Франции, Германии и Италии 20 свежих дивизий, в том числе треть танковых. Бросив их 21 февраля в контратаку, Гитлер отбросил советские войска за Донец и 15 марта вновь овладел Харьковом. Удар немцев удался. Советское наступление захлебнулось. Фронт как будто бы установился, и до июня бои затихли. Обе стороны, истощив усилия, выдохлись и набирались сил для новых операций и ударов.

По поводу попытки советского командования прорваться к Харькову вот что сообщают германские источники (Информационный Бюллетень Российской секции в Германии, № 2, февраль 1954 г.).

„Как наглядный и выразительный пример применения советской кавалерии можно привести рейд 1-го конного корпуса генерала Белова, имевший место в начале 1943 года и окончившийся весьма трагически.

Корпус был снят с воронежского фронта и совместно с 3-ей танковой армией переброшен для прорыва немецкого

фронта в районе Оскол-Белгород. Белов умело использовал обстановку и местность, учтя разреженность фронта противника на участке предстоящего его боевого действия. Фронт был удачно прорван и корпус Белова вклинился в расположение противника, с глубиной прорыва около 100 км, (почти до Харькова). Но должной поддержки, взаимодействия частей и снабжения своевременно не последовало: танки остановились по причине израсходования и отсутствия горючего, конный состав был измотан и утратил всякую подвижность. Как результат — окружение и уничтожение корпуса огневой силой противника. Из окружения с большим трудом вышли остатки корпуса; от 13-ой его кавалерийской дивизии остались 300 человек; один из полков этой же дивизии, выйдя из окружения, сохранил 112 человек и 60 коней. Данный и целый ряд подобных примеров ярко показывают, что в обстановке современных боевых операций кавалерия не может действовать без положенного обеспечения всем необходимым наземным или — лучше — воздушным путем”.

2. Курская операция. Схема № 13.

Если мы взглянем на схему расположения обеих сторон, то уже по начертанию фронта можно догадаться, в каком духе разыграются последующие операции и куда по всем видимостям будут направлены грядущие, удары. Действительно, после зимних боев фронт изогнулся несколько причудливо. Он представлял в центре 3 дуги, из коих 2 вдавались в сторону Советов (Харьковская и Орловская дуги), и одна в сторону немцев (Курская дуга).

Вот эта-то Курская дуга, на 100 км. вклинившаяся вглубь германского фронта, наводила немцев на серьезный оперативный соблазн: сгрызть этот выступ двойным охватным ударом, сжав его клещами с севера и с юга. Но точно также Орловский и Харьковский выступы наводили на подобную же мысль советское командование, видевшее в них соблазнительные клинья, так и просившиеся для зажима их в клещи. В этом именно духе все операции обеих сторон и развивались.

Гитлер, зная, что Советы готовятся к наступлению, решил их предупредить и собрал для удара 40 дивизий, из коих 20 танковых (17 танковых и 3 гренадерско-танковых). Ударная масса в общем имела 6.000 танков, 10.000 орудий и мортир и 3 воздушных флотилии, под общей командой фельмаршала ф. Клюге. Войска были распределены поровну в 2 ударных кулаках и сосредоточены по обе стороны Курской дуги для одновременного удара с севера и с юга и окружения Курской советской группы.

Гитлер был против двойного охвата и разделения сил. Он находил, что это ослабит удар и не достигнет цели. Он предпочитал сосредоточить почти все силы (за исключением нужных для заслона) в один ударный таранный молот, которым и прорвать фронт, вогнав клин или с севера, через Севск на Курск, или же с юга, через Харьков на Курск. Но так как на военном совете были приняты во внимание соображения начальника штаба Цайслера, отстаивавшего свой проект двойного удара, как суливший как будто большие выгоды, Гитлер на этот раз не настаивал и согласился с ним; решено произвести двойной охват. Наступление назначено на 5 июля, когда германские войска двинулись в бой.

Таким-то образом и завязалось Курское сражение. Оно не застало советскую армию врасполох и поэтому расчеты немцев не оправдались. Несмотря на огромную массу введенных в бой танков, артиллерии и авиации, немцам прорвать советский фронт в первые же дни операции, как это обычно совершалось в первые 2 года войны, на этот раз не удалось.

За 2 недели ожесточенных боев и непрерывных атак ударные германские танковые клинья лишь потеснили несколько красных, вдавив линию советского фронта примерно на 15-30 км. по обе стороны Курской дуги, но на этом и застряли и прорваться далее к Курску не могли: советские армии, руководимые в Курской дуге прославленным своим упорством генералом Рокоссовским, оказывали отчаянное сопротивление, отбивая все атаки контратаками и уничтожая немецкие танки огнем противотанковой артиллерии (а не бутылочками с горючей смесью) и воздушными атаками.

Не помогли и 2 новые танковые дивизии (6-я и 7-я), спешно переброшенные на помощь Клюге из Франции и введенные в бой 11 июля. (См. Приложение № 4 Курская операция по советским источникам).

3. Орловская и Харьковская операции.

Между тем через неделю после начала германского наступления, а именно 12 июля, советские войска, продолжая успешную оборону в Курской дуге, сами перешли в энергичное наступление против германской Орловской дуги, и в то время, как немцы тщетно долбили фронт и стремились прорваться к Курску, советские войска в Орловской дуге столь успешно наступали, что вызвали опасения начальника Генерального Штаба Цайслера, который, предугадывая ход дальнейших событий и назревавшую угрозу, в конце июля представил Гитлеру доклад, изложив свои опасения так (Adolf Heusinger. "Befehl im Widerstreit". Стр. 265):

„Разрешите доложить, как я сужу об основной идее русской операции. Цель наступления несомненно в том, чтобы прорваться к Киеву, разорвать Армейские группы Центра и Юга и прижать затем группу Юга к Азовскому морю. Поэтому главный удар русских нацелен в северное крыло Армейской группы Манштейна (Юга), в стык Армейских групп Центра и Юга”.

Из этого доклада следует, что Цайслер опасался советского удара не столько со стороны Орловской дуги, где бои были в самом разгаре, сколь со стороны Харьковской дуги (как ближайшей к Киеву), против которой наступление Советов еще и не начиналось, но о подготовке которого немецкое командование несомненно имело достаточно достоверные сведения. Цайслер не ошибся.

Как раз в ту пору, когда в Орловской дуге шли бои, у Гитлера состоялось совещание, на которое был приглашен и Роммель, который в своем дневнике, изданном после его смерти англичанами, 26 июля 1943 года записал следующее (Liddle Hart, Marshal Rommel, "La guerre sans haine", франц. изд., т. 2-й, стр. 210):

„Прибыв в полдень в Растенбург, я отправился в „Волчий Лог“ (Ставка Гитлера), где состоялось совещание о положении на фронте. Присутствовали все командующие различными родами оружия, шефы правительства и партии, министр иностранных дел Риббентроп, рейхсфюрер “SS” Гимлер, министр пропаганды Геббельс и другие.

„Фельдмаршал фон-Клюге прибыл для доклада о положении дел на Восточном фронте. Орловский мешок еще не очищен. А на западе американцы заняли половину западной Сицилии и прорвали фронт.

„Положение в Италии мрачное. Еще неизвестны полнотью обстоятельства падения Муссолини. Король поручил составление нового правительства маршалу Бадوليو. Можно предвидеть, что несмотря на заявления короля и Бадوليو, Италия выйдет из войны”....

И вот при этих-то обстоятельствах, которые потребуют нового напряжения сил со стороны Германии, немцам приходилось на восточном, т. е. советском фронте, напрягать все силы, чтобы выполнить свои задачи. Ясно было, что нельзя рассчитывать на подход каких-либо подкреплений с запада...

Положение немцев было действительно тяжкое...

Между тем, советская армия, после трехнедельной борьбы, 5 августа взяла Орел, угрожая таким образом с севера тылу немцев, застрявших на подступах к Курску, а еще раньше, 3 августа, на немцев обрушился новый удар, тот самый, какой ожидал Цайслер: советские войска под начальством Конева, Ватунина и Малиновского, с трех сторон начали наступление против Харьковской дуги и через 3 недели, 23 августа, взяли Харьков, угрожая тылу немцев на Курской дуге с юга. Но мало того, Советы предприняли одновременно удар на Смоленском направлении, от Вязьмы. Однако, несмотря на то, что инициатива перешла в руки советов, не всегда и не все предположения красного командования оканчивались благополучно, ибо немцы в свою очередь сохранили способность контрманеврирования и нанесения контрударов, опрокидывавших планы красных. Вот один из ярких

примеров, когда советы поплатились за неумелое применение крупных конных сил (Deutscher Soldatenbund in Bauern e. V. Russische Sektion, Информ. бюллетень Российской секции, № 2 1954 г.).

„В августе 1943 г. был намечен прорыв фронта противника в районе Вязьмы, для осуществления которого с других участков фронта были переброшены 6-й гвардейский кавалерийский корпус и танковый корпус. На протяжении нескольких дней не удалось сломить сопротивления противника, но все же были достигнуты результаты и фронт был прорван на участке шириною до 24 км. Советским командованием были допущены грубейшие ошибки и ворота прорыва остались необеспеченными. Подходя к намеченному участку прорыва, — советские кавалерийские дивизии продвигались тремя колоннами, имевшими общую задачу походного движения; каждый из полков имел самостоятельные задачи в тылу противника. Вскоре после прорыва, рано утром, заметивши продвижение масс советской кавалерии, немецкая авиация немедленно приступила к их уничтожению. С момента начала бомбардировки один из полков успел укрыться в ближайшем лесу, где были раньше вырыты пехотой окопы и ходы сообщения: в эти ямы, спасаясь от действия бомб залезли всадники, держа в поводу коней, остававшихся на поверхности земли. Этот же полк в результате бомбардировки понес потери: людской состав — убитыми и ранеными — 20 человек; выбыло из строя 280 лошадей, т. е. 25 % всего конского состава полка. В тот же день прорыв ясно до конца доведен не был и попытки советских частей к его осуществлению захлебнулись в больших потерях — 62 % людского состава и 50 % конского.

„Части корпуса были отведены в тыл до 30 км. Через неделю снова были предприняты попытки прорыва двумя кавдивизиями. Первоначально были достигнуты некоторые результаты (фронт был прорван на ширине 4-х км.), но для кавдивизий, выполнявших этот прорыв, конец был также печальным: измотанный конский состав был уничтожен танками и авиацией противника. А при обеспечении кавалерии защитой с воздуха — могло бы быть совсем иначе... „Впро-

чём, этот участок имел второстепенное значение. Но и Гитлер ошибся в своих расчетах.

Между тем немцы наступлением на Курск так ничего и не добились. Мало того, эта операция, ничего не дав, обошлась в 70.000 убитых и раненых, 3 000 танков, 1.000 орудий и 1.400 самолетов. И Гудериан в своих „Мемуарах солдата” пишет: „В итоге этой битвы мы понесли такие тяжкие потери в людях и машинах, что танковые силы, с таким трудом воссозданные, надолго вышли из строя. А восстановление их ставило под вопрос оборону запада, где ближайшей весной ожидалась высадка союзников (англо-саксов). Русские, конечно, использовали успехи, и с этого момента инициатива перешла окончательно в их руки”.

Некоторые сведения и цифры о Курской битве сообщает Голиков, который пишет, что в Курской битве (стр. 88):

„Гитлеровцы для выполнения своего плана создали 2 мощные группировки войск в составе 17 танковых, 3 моторизованных и 18 пехотных дивизий. Эти группировки гитлеровцев имели свыше 3.000 танков, около 2.000 самолетов и 6.000 орудий. На узком участке фронта (40 км. на севере и 80 км. на юге) еще ни разу за время войны не сосредоточивалось так много техники.

„В первые же дни сражения противник понес такие потери в живой силе и технике, каких он не имел ни в одном сражении за всю историю 2-й Мировой войны. В течение только 3-х дней наши войска уничтожили до 30.000 фашистских солдат и офицеров, подбили и уничтожили 1.539 танков и сбили 649 самолетов.

„Исключительной ожесточенности достигло сражение в районе Яковлево-Прохоровка на Белгородско-Курском направлении... Лишь за 1 день сражения гитлеровцы потеряли свыше 400 танков”.

Но Курская операция повлекла за собой еще ряд тяжелых поражений. Она ослабила силы в Орловских и Харьковских дугах, что позволило советским войскам окружить в этих излучинах фронта ряд разбитых на отдельные разрозненные группы германских сил и их уничтожить.

Эти операции представляют чрезвычайный интерес с точки зрения стратегической, тактической и психологической и служат прототипом всех дальнейших советских операций этого и последующих годов, а равно германских методов борьбы. Не останавливаясь на подробностях, укажем вкратце, что здесь повторилось тоже самое, что под Сталинградом: немцы, вместо эластичной маневренной обороны и своевременного отхода, упорно отстаивали позиции, борясь за каждую пядь земли до конца, т. е. до того злополучного момента, когда обходные советские части их окружали и уничтожали. А советское командование очень скоро учло это слепое упорство немцев и строило на нем свои оперативные и тактические планы и расчеты. Так немцы учили советских командиров, как их, немцев, надо побеждать. А советские командиры оказались очень способными учениками. Таким именно образом в Орловской дуге были окружены:

1) гарнизоны в селениях Сорокино, Уколицы, Кирейково и др.

2) группа в районе г. Болхова.

3) группа в г. Орле.

Во всех этих боях были частью уничтожены, а частью разбиты и понесли большие потери 22 германских дивизии.

Точно также были окружены и уничтожены при операциях в Харьковской дуге немецкие гарнизоны в узлах сопротивления в Белгороде, Головчине, Борщове, Харькове. Потери немцев во всех этих боях превысили 100.000 бойцов, выбывших из строя ранеными, убитым и пленными и 3.300 танков; при этом пленных было не так много, ибо немцы, защищаясь до последнего, согласно приказу „ни шагу назад“, погибали в бою. В Харьковской дуге пострадало не менее 20 германских дивизий.

В общей сложности, в течение почти двух месяцев (июль и август) в операциях Орловской, Курской и Харьковской приняли участие не менее 80 германских дивизий, из коих часть была уничтожена, а другие сильно пострадали. 20 августа Сталин сообщил, что немцы потеряли, считая с 1 июля,

300.000 человек. В этих боях отличились генералы Рокоссовский, Ватутин, Конев, Попов и Соколовский.

Ввиду всех этих успехов, советские войска предприняли наступление так же на других участках фронта, где до сих пор летом царило относительное затишье, и это в тот момент, когда у немцев все резервы были истощены и поддержать ослабленные атакующие участки было нечем. Так, 30 августа начались бои у Ростова и Таганрога, а 31 августа на Смоленском направлении у Ельни, о чем помянуто выше...

В довершение бед, в начале сентября союзница Германии Италия, где незадолго перед этим произошел государственный переворот, и диктатор Муссолини, друг и союзник Гитлера, свергнут и заточен в тюрьму, заключила неожиданно перемирие с англо-американцами и вышла из борьбы, вследствие чего германскому командованию пришлось все свободные силы спешно бросить в Италию для удержания фронта там, а также на Балканах, откуда уходили к себе в Италию итальянские оккупационные дивизии (после Сталинградского разгрома уцелевшие итальянские дивизии были еще раньше отправлены на родину). Что мог послать на восток Гитлер?

При таких условиях сильно расшатанный германский фронт на всем участке от Смоленска до Азовского моря уже не мог устоять под повторными ударами советских армий, продолжавших неослабный напор на всем вышеуказанном фронте, с целью использовать и развить уже достигнутый успех, а равно, не позволить немцам оправиться и закрепиться на новых позициях. Надо было решать, как выйти из создавшегося положения?

4. Отход немцев за Днепр.

Оставалось одно, — отступить, с чем волей-неволей согласился Гитлер. И германское командование вынуждено было отдать приказ отходить на Днепр, надеясь здесь закрепиться и, опираясь на реку, остановить советский напор. Но беда в том, что когда генералы предлагали заблаговременно построить на Днепре укрепленную оборонительную

полосу, Гитлер запретил и думать об этом, видя в том тайное желание Генерального штаба отвести войска за Днепр еще в ту пору, когда немцы дрались под Сталинградом; да и потом, каждый раз, когда вновь поднимался этот вопрос, Гитлер его решительно отклонял.

Вот почему немцы, задерживая противника арьергардными боями и отойдя в сентябре на Днепр, не смогли задержаться всюду на этом рубеже, а большей частью вынуждены были отодвинуть фронт еще далее назад. Действительно, 17 октября войска Конева, преследуя немцев от самого Харькова, атаковали их у Кременчуга и, переправившись через Днепр, двинулись на Криворожье, а 25 октября перешел Днепр. У Днепропетровска Малиновский. Вслед затем под ударами Толбухина, подошедшего из-под Ростова, пал Николаполь 26 октября, вследствие чего Крымская группа немцев, куда (в Крым) 9 октября переправились через Керчь последние остатки германской армии, еще задержавшейся на Кавказе (в Темрюке), оказалась отрезанной и, с захватом Перекопа, запертой в Крыму. Затем 6 ноября пал Киев, а с ним почти весь нижний и средний Днепр оказался в советских руках, за исключением некоторых участков. На верхнем же Днепре Соколовский еще 25 сентября взял Смоленск, а Еременко двинулся к Витебску; Рокоссовский же, перейдя Днепр у Лоева, в ноябре достиг Березины и перешел через нее. Новый фронт смотри схему № 13.

Таким образом, советское наступление, начавшись летом с контрудара под Орлом и растянувшись постепенно до Таганрога, к концу года продвинуло советский фронт более чем на 500 км. на запад вперед. Это, конечно, был огромный успех, но чисто тактического, а не стратегического порядка, ибо немцам, хоть и с большими потерями, удалось вполне организованно уйти за Днепр и так или иначе сохранить фронт; Советы же так и не достигли своей стратегической цели, которой так опасался Цайслер и которая имела ввиду уничтожение всей южной группы армий Манштейна.

А о том, что у советского командования такая мысль была и что Цайслер не зря опасался, подтверждает, на основании имеющихся у него источников, французский ген. Шас-

сен (General L.-M. Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondial 1939-1945, стр. 285), который пишет: „Главная стратегическая цель (идея) Шапошникова, исполнение коей было поручено Ватутину с группой армий Юга, заключалась в том, чтобы прорвать германский фронт в центре в направлении на Харьков, Полтаву и Кременчуг на Днестре, здесь повернуть на юг и окружить 800.000 бойцов ф. Манштейна между Николаевым и Азовским морем. Поэтому, после взятия Орла и Белгорода, один удар был направлен на севере к Брянску, а другой на юге — к Харькову”.

Хотя окружить и уничтожить южную группу ф. Манштейна Советам не удалось, это не уменьшает достигнутого крупного успеха. Чем же однако объясняются столь крупные достижения советских армий, год назад едва отбивавшихся от немцев? Причину мы сейчас поймем, ознакомившись вкратце с выдержками секретного доклада ген. Иодля, прочитанного им высшим сановникам Райха 7 ноября 1943 г. Вот что он между прочим сказал (см. Раймонд Картье, „Тайны войны”, стр. 141):

„Тыне, после наших повторных неудач 1943 года, пред нами неотступно встает вопрос: не совершили ли мы крупной ошибки в оценке силы большевиков? Да, мы ошиблись... В настоящий момент Красная армия насчитывает 370 дивизий, из них 51 танковых и, сверх того, идут новые призывы и формируются еще 50 новых дивизий... Состав армии был минимальным 1 января 1942 года, — всего лишь 2.300.000. Сейчас он достигает 5.500.000 человек... К 1 октября 1943 года советская армия имела уже 9.000 тяжелых танков последней модели. С июня 1941 года по октябрь 1943 года советская армия потеряла 52.000 танков. Месячная продукция — 1.700 танков (а у немцев в ту пору 700. В. З.). Создаются тактические соединения для действий на далеком расстоянии (прорыв в глубину и операции окружения). Советская авиация значительно уступает нашей, но надо признать, что ее командование, организация и материальная часть значительно улучшилась. Появление в большом количестве новых советских штурмовиков особенно досаждало нашим войскам. У нас же всего 376 дивизий, из них на русском фронте 257, в

том числе 207 германских из них 30 танковых), а 50 финских, румынских и мадьярских".

Отметим, что Иодль упустил упомянуть о страшной силе русской артиллерии, этой грозе германских танков, которая уже в ту пору располагала до 300 орудий на 1 км. фронта и с успехом пробивала дыры для прорыва ударных частей.

Доклад Иодля — документ исключительной исторической важности и ценности. Он полностью приведен в книге Картье, которую следует прочесть всем, интересующимся историей войны. Иодль, объясняя причины неудач жестокой зимой, напором союзников и их помощью Советам, своими ошибками в оценке сил, однако же обошел молчанием гнусную и бесчеловечную политику немцев по отношению к российскому народу.

В общем, подводя итоги, Иодль не дал никаких надежд на улучшение военного положения в будущем, и по существу признал неизбежность поражения Германии, несмотря на более или менее „тотальную” мобилизацию сил народа, объявленную в январе 1943 г.

В октябре 1943 г. Иодль летал в Финляндию для координации действий; немецкое командование, ввиду создавшегося неустойчивого положения на Ленинградском фронте, предполагало отвести войска к Риге, но так как это угрожало бы финнам, которые тогда вынуждены будут одни сдерживать напор красных, то от этого плана пришлось отказаться. Таким образом, и на севере дела немцев складывались худо.

Да и что можно было ожидать, если уже в конце 1943 года силы Красной армии превышали немцев на 120 дивизий, т. е. в полтора раза; танки почти вдвое (50 дивизий против 30), а авиация, хотя еще и уступала немецкой, но, имея в виду необходимость защищать Райх от разрушительных налетов союзников, трудно было это превосходство сохранить. И несмотря на то, что на западе второй фронт еще не был открыт, русские в 1943 году нанесли немцам страшные удары, обошедшие им в 1.800.000 убитых и раненых и пропавших без вести. Таковы итоги кампании 1943 года и предпо-

сылки к грядущей борьбе в 1944-м г. на советском театре войны.

5. Мирные переговоры (?).

Тем не менее Гитлер, несмотря на поражение на африканском и русском театрах, отказался вести летом переговоры о сепаратном мире с СССР, когда к тому представился случай. Первый протянул руку СССР, как раз незадолго до летнего наступления немцев, которое, как мы знаем, началось 5 июля против Курской дуги.

Трудно сказать, по каким соображениям Москва приняла этот рискованный шаг. Был ли это простой маневр, которым Сталин надеялся предотвратить или по крайней мере отвлечь ожидавшийся германский удар, или здесь был ловкий шантаж, имевший целью принудить союзников, под угрозой сепаратного мира, к скорейшему открытию 2-го фронта, или же, наконец, это был предварительный зондаж, нащупывание почвы к соглашению (хотя о серьезных мирных намерениях Москвы вряд ли можно говорить), но так или иначе 27. 6. 1943 г. Риббентропу стало известно, что в Стокгольм прибыл советский уполномоченный, начальник политотдела Комиссариата интел Александров, который при содействии Коллонтай (полпредка в Швеции) наладил секретную связь с немецким посольством при посредстве некоего барона и дал знать, будто имеет полномочия Москвы предложить Германии мир на следующих условиях:

1. Восстановление границ по соглашению 1939 года.
2. Германия отказывается от всяких притязаний на территории, расположенные к востоку от этой границы.
3. Германия исключает Балканы из сферы своего влияния.
4. СССР предоставляет Германии полную свободу действий в Зап. Европе.
5. Ответ Германии должен быть дан до 10 июля 1943 года.

С этим предложением этот некий барон X выехал к Гит-

леру в Ставку. Выслушав доклад, Гитлер тихим голосом ответил: „Передайте этому господину (Александрову), что Германия будет воевать до полной и окончательной победы”.

Так закончилась эта загадочная попытка СССР к сепаратному миру, тайна которой пока еще не разрешена. Она, впрочем, не могла кончиться иначе даже при искреннем желании Советов заключить мир, ибо Гитлер вовсе не чувствовал себя в такой степени разбитым, чтобы согласиться на эти условия. Они были для него неприемлемы. Включение в пределы СССР Прибалтийских стран и отказ от них противоречили мечтам Гитлера, который упорно цеплялся за Прибалтику и не пожелал оттуда уйти и увести войска даже после катастрофического разгрома германских сил в следующем году под Витебском и осенью 1944 г. под Варшавой, а затем и в течение 1945 г., когда в Прибалтике были отрезаны войска и общее положение на всех фронтах стало безнадежным.

Эта „геополитическая” мечта Гитлера выразившаяся в фразе „Мы отсюда (из Прибалтики) никогда не уйдем”, явилась непроходимой пропастью для соглашения даже при доброй воле и искреннем обоюдном стремлении к миру, чего в действительности не было, не говоря уже о других пунктах соглашения, в которых Советы требовали „расширения СССР в южном и восточном направлениях до Аравийского моря”.

Между тем положение Германии в 1943 г. сильно пошатнулось. Помимо поражений в России, в Северной Африке (где в мае 1943 г. в Тунисе целиком сдалась германо-итальянская армия Роммеля в составе 250.000 человек), в Сицилии, потери Корсики, Сардинии, захвата Южной Италии союзниками (а затем и выхода Италии из войны), Германия испытала еще одну тяжкую неудачу и полное крушение своей мечты, а именно: все надежды на подводную войну рухнули. Еще в начале 1943 г. Гитлер пришел к мысли о бесполезности надводного флота после потерь главных морских сил (линейных кораблей) в борьбе за караванную войну, и 31 января отдал приказ разоружить флот и прекратить постройку начатых кораблей, направив все усилия на построй-

ку подводных лодок, которые до сих пор успешно топили вражеские суда (временами месячный тоннаж потопленных судов доходил до 800.000 брутто-тонн). Но лето 1943 г. стало поворотным моментом подводной войны, ибо с этого времени, благодаря принятым союзниками мерам, радару, авиации и изобретению особых глубинных бомб, топились больше германских подводных лодок, чем они топили кораблей. С проигрышем подводной войны терялась последняя надежда на успех борьбы и конечную победу.

Какие же основания были у Гитлера рассчитывать при этих условиях на успешный ход войны и отклонить столь высокомерно предложения сепаратного мира? Он прав был лишь в том, что не верил Сталину и Советам. Да и как можно было верить? В 1942 году СССР заключил с Англией союз на 20 лет, а в 1943 г. вел за спиной сепаратные переговоры с Гитлером о мире, точно так же, как в 1939 г., ведя с Англией переговоры о союзе, за спиной ее заключил пакт дружбы с Гитлером...¹⁾

6. Власовское движение.

Но если немцы отказались от переговоров о мире, то они пожелали использовать те людские советские массы, какие попали к ним в плен. По данным Германского Генерального Штаба до 1 декабря 1941 г. немцы взяли в плен 3.900.000 красноармейцев. Как с ними обращались и в каких адских условиях они жили, можно судить по тому, что когда, после проигранной битвы под Москвой зимой 1941-1942 г.г., германские власти вынуждены были снять рабочих от станков для пополнения в армии потерь и массы обмороженных и, спохватившись, запросили Германское Командование, сколько оно может дать советских военнопленных для заме-

---

¹⁾ Тем не менее, как показывает 6. служащий *Abwehr*-а (служба контр-шпионажа) Копенгагенского Центра, капитан Майр Арнольд (*Heim und Welt*, 6. 9. 54) в конце 1943 г., когда положение Германии ухудшилось, переговоры с СССР вновь возобновились через тот же Стокгольм. Однако Советы вынуждены были на этот раз сами их прекратить, так как о тайных переговорах какими-то неизвестными путями стало известно Англии, и СССР, почувявши это, поторопился их прервать.

ны немцев на заводах, оно ответило, что из 4 миллионов едва ли наберется один миллион настолько здоровых, что они еще работоспособны, а прочие или же умерли или же на пути к тому и ни к какой работе (по слабосилию) больше не способны.

Ввиду такого отношения, пленные, когда им местное германское командование на фронте предлагало вступить добровольцами („хильфсвиллиге” — добровольные помощники) в поредевшие германские ряды и сражаться против большевиков под германскими знаменами, охотно соглашались, так как это было единственным средством спастись от голодной смерти, да кстати выступить с оружием в руках против ненавистного коммунизма и советской власти.

Таким путем в ряды Вермахта, по данным профессора Харвардского университета Джорджа Фишера (исследовавшего вопрос Власовского движения в своей книге “Soviet Opposition to Stalin”). вступило уже до 1943 года, т. е. до появления на сцену Власова (с которым немцы в 1943 г. заключили особое соглашение), от 600.000 до 800.000 советских „добровольцев”, составивших роты и батальоны „хильфсвиллиге” под командой немецких офицеров (нередко из русских немцев), включенные в германские войска.

До 1943 г., пока немцы надеялись на полную победу и мечтали о порабощении России, они и слышать не хотели о каких-либо русских национальных организациях (в том числе и русской эмиграции) и о том, чтобы привлечь их к своей работе в занятых в России областях, откуда тем временем миллионы жителей, без различия пола и возраста, были насильственным образом выхвачены и вывезены, как скот, на работы в Германию, и где царило полное беззаконие и самоуправство нацистов и эсэсовцев. Но в 1943 году стало ясно, что Россию не победишь, и тут произошел некоторый поворот в политике по отношению к русскому вопросу. Фишер различает 3 обозначившихся течения:

1) непримиримые, во главе с самим фюрером, Розенбергом и Гимлером (автор „унтерменша”), смотревшими на русский народ и славян, как на рабов и не отказывавшихся от полного порабощения России. Эти фанатики были против

всякого соглашения, как с русскими старыми эмигрантами, так и с освободительным антисоветским движением, возникшим в среде военнопленных, готовых пойти с Гитлером против Сталина, при условии честного взаимного договора.

2) сторонники временного соглашения, стоявшие во главе с Геббельсом на той же гитлеровской платформе „остполитики“, но считавшие, что можно этих самых унтерменшей, путем временного компромиссного договора, использовать на службу Германии в качестве „хильфсвиллиге“ и даже в качестве возглавителей ядра русской освободительной армии, с тем, разумеется, что когда минет в них надобность, так или иначе разделаться с ними.

3) противники гитлеровской „остполитики“, в лице очень немногих трезвых и свободных от гитлеризма и нацизма верхов германского командования, стоявших за честное соглашение с национальной Россией (в лице представителей освободительного движения), так как они понимали, что с большевиками честно договориться нельзя, а без соглашения с национальной Россией выйти из борьбы без поражения невозможно. К сожалению, они веса не имели.

В 1943 г., в связи с неудачами и поражениями на всех фронтах, в кругах германской правящей клики возобладало среднее, компромиссное течение (временного соглашения). Так был выдвинут Власов, один из талантливых советских генералов, командовавший армией и прославившийся защитой Москвы, а затем попавший в плен. Он и возглавлял РОА (Русская Освободительная Армия) и русский комитет.

Как на это движение и компромисс смотрел Гитлер, можно судить по докладу Кайтеля, который определил его так: „можно сказать, что мы рассматриваем русский комитет (власовцев), как чисто пропагандное средство“.

Между тем, при ином отношении немцев, Власовская армия могла быть доведена до полумиллиона и свыше и стать тем ядром, вокруг которого сплотились бы все антибольшевицкие силы для низвержения Советов, а в честном союзе с Германией и для достижения почетного и подлинного мира, установленного сообща с союзниками.

VIII. КАМПАНИЯ 1944 ГОДА. Схема № 14.

Какие же планы готовило советское командование на 1944-й год? Где и куда наносить главный удар? Стратегия учит, что надо бить в самое слабое и уязвимое место. Таким местом при данной обстановке был юг, стык Германии с Румынией, удар по которой выводил ее из строя, как удар союзников в 1943 г. по Сицилии и югу Италии вывел последнюю из игры.

И хотя от Березины до германских границ было куда ближе, чем путь через Румынию, но кратчайшее расстояние не всегда самое близкое, а в данном случае удар с Березины приводил к границам Восточной Пруссии, Висле и к Одеру, т. е. туда, где надо было ожидать самое жестокое сопротивление, а посему Советы избрали операционное направление на юг, на Румынию, продолжая однако продвижение на запад, как в центре, так и на севере. Вот в этом духе и развернулась кампания 1944 года, проводимая по той же системе частных тактических ударов и местных тактических „мешков“, как и кампания 1943 года.

Казалось бы, что при достигнутом перевесе сил можно было ожидать, что в 1944 г. Советы нанесут решительный стратегический удар, чтобы сразу закончить войну, вместо того, чтобы дробить германский фронт по частям, откалывать куски и затягивать войну еще на долгие 2 года. Но видимо Советы не ощущали этого перевеса, ибо предпочли второй способ действий, что, впрочем, понятно, имея в виду, что в конце 1943 года на западе, во Франции 2-го фронта союзников еще не существовало, а в Италии наступление их замерзло, и что всю тяжесть борьбы пока что пришлось не-

сти Советам. Напомним также, что хотя в числе дивизий Советов и имели полуторный перевес, но фактически, по числу бойцов, советская армия вряд ли на много превосходила немецкую, имея в виду, что кадры советской дивизии после боев часто снижались до 3-4 тысяч (а бои шли непрерывно), а немецкие дивизии, благодаря хорошо налаженной системе пополнения, поддерживались в количестве 8.000 бойцов.

Но если Советов не в силах были в 1944 году нанести немцам сокрушительный стратегический удар (по крайней мере в первой половине 1944 года), то и в оперативном отношении они действовали тем же расточительным методом, ибо они не сосредоточивают всех усилий на одном каком-нибудь операционном направлении, а разбрасывают удары по всем фронтам, предпочитая частные цели одной общей. Возможно, что это объясняется некоторой неуверенностью в себе и переоценкой сил немцев, воля к борьбе коих еще не была сломлена, что выражалось между прочим в дисциплине боя, в стойкости и активности обороны, в энергичных контратаках и в том, что пленных немцев в два, три, четыре раза меньше, чем убитых.

Если под конец 1944 года дисциплина у немцев и несколько ослабела (по сравнению с первыми годами войны), то это потому, что лучшие кадровые бойцы были выбиты; и тем не менее и армия, и власть, и германский народ сохранили нерушимо внутреннюю дисциплину до конца, слепо повинаясь „орднунгу” и „бефелю” (приказу).

В предстоящей кампании 1944 года Советов, в целях более гибкого управления, разделили свои силы на ряд фронтов. Кроме существующих трех финских (Ленинградский или Карельский, Онежский или Свирский и Мурманский), прочие были сведены в 3 Балтийских (1-й, 2-й и 3-й Балтийские), 3 Белорусских и 4 Украинских фронта. Заметим, что по соображениям политическим, экономическим и специфически-советским (т. е. демагогическим) ни один фронт не был назван русским, что, впрочем, отнюдь не мешало поставить во главе всех этих фронтов таких чисто русских людей, как Жуков, Конев, Толбухин, Мерецков, Захаров, Говоров, Петров и иных. Но такова уж советская тактика и практика.

Хронологически кампания 1944 года обнимает 7 важных операций:

- 1. Освобождение Ленинграда.**
- 2. Борьба за правобережную (Западную) Украину и Крым.**
- 3. Операции на Финском театре.**
- 4. Борьба за Белоруссию.**
- 5. Бои за Балтику.**
- 6. Борьба за Галицию (Львов), Бессарабию (Кишинев) и Румынию.**
- 7. Вторжение в Венгрию.**

Уже по этому перечню можно судить, что кампания 1944 года превратилась в генеральное сражение на всем восточном фронте от Ледовитого океана до Черного моря, где в разное время и на разных участках происходили бои, имевшие одну и ту же цель — изгнание врага из пределов страны, и где центр тяжести событий, переходя попеременно с одного участка на другой, определенно склонялся на юг.

Перейдем к их обзору.

1. Ленинградский фронт. Операции на этом фронте включают: а) Красносельско-Волховскую и б) Лужскую.

а) **Красносельско-Волховская операция.** К началу 1944 года германский фронт на Ленинградском направлении тянулся от побережья Финского залива (у Керново) на восток, огибая Ленинград с юга и проходя через Красное село на Городок, а отсюда сворачивал под прямым углом круто на юг, на Смирдино (см. схему), Грузино и далее по р. Волхову к оз. Ильмень и Новгороду, так что представлял два различных участка фронта: северный (собственно Ленинградский) и восточный — Волховский.

На всем этом фронте немцы имели 26 дивизий и за 3 года стояния сильно укрепились. Советское командование, предпринимая операцию, имело целью освободить от блокады Ленинград. В 1943 году это не удалось; правда, Шлиссельбург был взят, но советский клин, прорвавшийся до ст. Мга, был отбит, и немцам удалось сохранить фронт. Ныне

было решено воспользоваться крутыми изломами германского фронта, дабы атаковать его одновременно с двух сторон, в обхват с севера и с востока, со стороны Ленинграда и Волхова. С этой целью были собраны 2 крупных ударных кулака, снабженных массой артиллерии: один в Районе Ленинграда под начальством Говорова, а другой к востоку от Новгорода, под командой Мерецкова. Группа Говорова, занимавшего Ленинградский фронт, имела 21 дивизию; силы Мерецкова, командовавшего Волховским фронтом, были слабее. Хотя в обеих группах в общем большого превосходства не имелось, но немцы были растянуты на 400 км., а Говоров и Мерецков собрали и держали свои силы в кулаке.

По данным С. Голикова, силы немцев на Северном фронте были таковы (стр. 116).

„Против советских войск на Ленинградском и Волховском фронтах действовала 18-я гитлеровская армия, в состав которой входили 15 пехотных, 5 авиационных дивизий, 1 танковая и 3 танкогренадерские дивизии СС, полицейская дивизия СС и испанский фашистский легион. А всего 26 дивизий (к началу 1944 года).

Советским войскам поставлена задача: Говорову прорвать фронт у Красного Села и наступать на юг к Луге, а Мерецкову прорвать Волхов и через Новгород двинуться к той же Луге, дабы двойным ударом обеих охватных групп окружить немецкие войска в районе Ленинград, Луга, оз. Ильмень. Для отвлечения внимания противника и ввода его в заблуждение, атаковать его на всем фронте рядом вспомогательных колонн, а для обеспечения операции справа, выдвинуть заслон к Нарве.

Наступление началось 14 января одновременно почти на всем фронте, у Красного Села, Городка, Смирдина, Грузина и Новгорода. Немцы отчаянно защищались, но подавленные страшной силой артиллерийского огня и мощностью огромной массы орудий всех калибров, разбивших их укрепления и убежища, остановить напора не могли.

Уже 19 января, на шестой день операции, 18-я германская армия Кюхлера была разгромлена, а Ораниенбаум.

Красное Село и Петергоф взяты, в то время как 20-го числа Мерецков взял Новгород. За эти дни были окружены ряд разбитых и дравшихся до последнего, разрозненных групп Кюхлера у Красного Села, Тосны, Любани, Чудова, Новгорода и в других местах. О силе боев свидетельствуют потери немцев. В районе Красного Села, Волосова, Гатчины за 5 дней насчитано 25.000 трупов, а пленных здесь захвачено всего одна тысяча; в Новгороде же погребено 15.000 убитых немцев.

Через 2 недели после начала операции, к 27 января ударные советские клинья проникли больше чем на 100 км. от Ленинграда как на юг, по направлению к Луге, так и на запад, к Нарве, причем только на Красносельском направлении потери немцев исчисляются в 40.000 убитых, 3.000 пленных, 158 танков, 620 орудий, не считая разной военной добычи. Попытки немцев предпринять контрудары и остановить наступление красных перед Лугой и Нарвой, успеха не имели и Говоров и Мерецков продолжали напор, имея целью окружить отступившую к Луге германскую группу.

б) Так началась Лужская операция, длившаяся тоже 2 недели (с 28 января до 13 февраля 1944 г.). Совместными усилиями обеих ударных групп разбитые дивизии 18-й германской армии, дравшиеся однако с упорством отчаяния до последнего вздоха, были раздроблены в ожесточенных боях на ряд отдельных разрозненных групп и частью окружены и уничтожены у ст. Сиверской, в Луге, в Орееве, у ст. Батицкой и в иных местах, а частью отошли за р. Нарву и озеро Пейпус.

Покончив с Лугой, советские войска двинулись на Псков и Остров (через ст. Дно), которыми и овладели в конце февраля, освободив попутно 18 февраля Старую Руссу, 21-го Холм (на р. Ловати) и 24-го ст. Дно (на пересечении железных дорог Ленинград-Витебск и Старая Русса-Псков). Западное же крыло захватило Нарву и переправилось на западный берег р. Нарвы, где и закрепилось, обеспечив за собой переправу и тет-де-пон для будущих операций.

Лужская и Волховская операции почти уничтожили 18-ю германскую армию ф.-Кюхлера и совсем освободили Ле-

нинград, связанный отныне с центром страны прямой железной дорогой на Москву, по которой пошло теперь регулярное снабжение для несчастного города, пережившего все ужасы голода и трехлетней осады. Ленинградцы впервые могли вздохнуть свободно. Фронт из-под города, от р. Невы и Волхова, был отодвинут далеко на запад, на 300 км. и более, к р. Нарове и оз. Пейпус и линии Псков — Витебск (исключая).

Одержанный успех имел однако чисто местное значение и не отразился на остальных фронтах, где операции развивались самостоятельно и независимо от него. Тем не менее он сильно изменил в пользу красных обстановку на финских фронтах, и в этом смысле явился прелюдией событий, разыгравшихся летом, о коих мы скажем ниже и кои предопределили судьбу финнов.

Но уже и сейчас финны были вынуждены перегруппировать свои силы, подготовить эвакуацию Свирско-Петрозаводского фронта и Карельского перешейка и притянуть резервы на тот же Карельский перешеек, в том числе и танковую дивизию, снятую с Петрозаводского направления, что значительно ослабило финский фронт между Ладогой и Онегой и очень облегчило затем направленный сюда советский удар и операции восточнее Ладоги.

2. Борьба за правобережную Украину и Крым.

В то время как на севере русского фронта происходили бои за освобождение Ленинграда, на юге продолжалась борьба за освобождение Заднепровской Украины, начатая осенью 1943 года и в начале нового 1944 года развившаяся в ряд одновременных и последовательных операций, имевших целью развить прошлогодний успех и добить группу германских армий к югу от Полесья. Эта борьба включает 9 операций: 1) Киевскую, 2) Корсунскую, 3) Никопольскую, 4) Луцкую, 5) Черновицкую, 6) Уманскую, 7) Николаев-Херсонскую, 8) Одесскую и 9) Крымскую.

Все эти операции по времени делятся на 2 фазиса (периода):

1) первый — январь-февраль, когда совершался разгром германского фронта в полосе Днепра,

2) второй — в марте и апреле, когда шло использование достигнутых успехов.

Все эти операции однотипны по замыслу, по ходу действий, по исполнению и по действиям противника. Цели и методы таковы: используя начертание фронта (изгибы), прорвать и охватить быстроходными войсками (танки, мотопехота, конница) фланги, окружить на 3-й, 4-й, 5-й день очередную германскую группу, застрявшую в излучине или изломе фронта, отбить мощной артиллерией контратаки, как извне (со стороны освободительных отрядов), так и изнутри (пробивающихся из окружения), и уничтожить или взять в плен окружённую группу.

В борьбе за Украину принимали участие войска, разделенные на 4 Украинских фронта, коими командовали: 1-м Ватутин (до 4 марта, а потом, ввиду его болезни, Жуков), 2-м — Конев, 3-м — Малиновский, 4-м Толбухин. Участок всех 4-х фронтов тянулся от Полесья до Черного моря.

Против них действовали 2 германские армейские группы, под общей командой Манштейна: Северо-Украинская и Южно-Украинская. Генерал Гудериан считает, что русские имели **огромное превосходство** в силах, а именно: против группы Северо-Украинской наступало 119 советских дивизий, из них 67 стрелковых и 52 танковых, а против Южно-Украинской — 45 дивизий, из них 34 стрелковых и 11 танковых. А всего против двух групп германского южного фронта 164 дивизий, из них 63 танковых (т. е. на каждые 2½ стрелковых дивизий приходилась одна танковая).

К сожалению, Гудериан не приводит цифр германских и союзных дивизий, а между тем, судя по числу дивизий, принявших участие в различных операциях Юга (о чём мы скажем ниже), а также судя по числу потерь, это превосходство было не столь велико.

Перейдем теперь к обзору операций. Рассмотрим **первый** фазис, обнимающий 4 операции: а) Киевскую, б) Корсунскую, в) Никопольскую и г) Луцкую. Оне захватывают

декабрь 1943 года и продолжают в январе и феврале 1944 г. Скажем о них лишь в самых общих чертах.

а) **Киевская операция.** После взятия Киева 6 ноября 1943 г. войска ген. Ватутина, при энергичной поддержке партизан, развивая успех, в одну неделю дошли до Житомира и взяли его, выдвинувшись глубоким клином вперед. Этим воспользовался Манштейн, который, собрав сильную ударную группу в 150.000 бойцов и 1.200 танков, решил отрезать Ватутинский клин ударом с юга, направив его на участок Фастов-Житомир.

17-го ноября Манштейн перешел в наступление, 20-го уже взял обратно Житомир, а 30-го дошел до Коростеня, преследуя поспешно отступавшую и зарвавшуюся вперед группу Ватутина и намереваясь с налету взять и Киев. Однако под Киевом он был остановлен мощным огнем советской артиллерии и таким образом Ватутину удалось удержать Киевский тет-де-пон на правом (западном) берегу Днепра, столь важный для последующих операций.

После этого, в течение первых трех недель декабря, обе стороны застыли, накапливая силы. К 24 декабря 1943 г. Ватутин, имея в своем распоряжении 9 танковых корпусов и 50 стрелковых дивизий, возобновил наступление. Удар на этот раз был столь силен, что не только вновь был взят Житомир, но в 3 недели, в течение которых длилась эта операция (с 24 декабря до 13 января 1944 г.), советские войска прорвались на 300 км. от Киева на запад, дойдя до Сарн, Бердичева и Белой Церкви, причем немцы потеряли в этой операции более 100.000 одними убитыми, 2.500 танков и 3.000 орудий.

Несмотря на страшные потери, свидетельствующие о необычайном упорстве и ожесточенности боев, Манштейну вновь удалось собрать ударный кулак, которым он предпринял контрманевр. 14 января он нанес Ватутину у Винницы контрудар, вынудивший его остановиться и прекратить операцию. На некоторое время обе стороны здесь замерли, так как центр тяжести событий в конце января переместился несколько на юг, в район Корсунской излучины, и даль-

нейшее наступление Ватутина на запад возобновилось лишь в начале февраля, как увидим ниже.

б) **Корсунская операция** велась частью войсками Ватутина, выполнявшего вспомогательную роль, но главный удар наносил Конев, который 3-го февраля, совместно с Ватутиным, окружил у Канева искусным маневром всю 8-ю германскую армию Велера в составе 10 дивизий, в том числе одной танковой SS "Wiking" и мотобригады SS "Valonia". Немцы пытались снабжать окруженную армию по воздуху, на манер Сталинграда и Демьянска, но ничего из этого не вышло, ибо большинство германских самолетов Юнкерс-52 были сбиты.

Тогда армия попыталась 14 февраля прорвать осаждающее кольцо и пробиться; это удалось только небольшой части мотодивизии "Valonia", а вся остальная масса была отброшена назад. Началась агония. Ввиду невозможности далее держаться, немецкое командование решило хотя бы спасти фицеров, нужных для формирования новых частей, и 3.000 офицеров было вывезено на самолетах, а армия 17 февраля сложила оружие, и все 10 дивизий сдались, за исключением танковой дивизии "SS Wiking", кадры которой состояли из добровольцев, рьяных нацистов „Северной расы" (голландцы, датчане, норвежцы, шведы и финны); они знали, что им пощады от большевиков не будет и потому решили лучше погибнуть с оружием в руках и сражаться до конца, чем сдаться на милость победителей. И несмотря на радиопризыв германского генерала ф. Зейдлица, возглавившего по предложению Советов германское антигитлеровское движение после падения Сталинграда и приглашавшего бойцов "Wiking"-а сдаться, они все полегли в бою.

Все попытки немцев выручить осажденную 8-ю армию, путем наступления собранной для этого Уманской ударной группы, потерпели неудачу. Атаки со стороны Умани, продолжавшиеся непрерывно с 5 по 21 февраля, были с большим уроном отбиты, и Уманская группа потеряла в этих боях одними убитыми 27.000 бойцов, почти тысячу танков (945 штук), 720 орудий и 330 самолетов.

8-я же армия, почти целиком уничтоженная, потеряла 80.000 (из них 53 тысячи убитых), 270 танков, 620 орудий и 10.000 автомашин. За эту победу Конев 20 февраля был произведен в маршалы. Тем не менее, несмотря на такой погром, немцам удалось загородить образовавшуюся дыру на фронте подведенными резервами, вследствие чего Коневу не удалось развить свой успех и превратить местный разгром во всеобщую катастрофу всего южного германского фронта Манштейна, даже несмотря на другие советские успехи, одержанные, как сейчас увидим ниже, на Днестре.

в) Да, действительно, пока Конев справлялся с 8-й германской армией у Канева, почти одновременно с Корсунской операцией велась **Никопольская операция** войсками Малиновского и Толбухина, которые с 5 по 23 февраля вели бои с германской группой, в составе 18 дивизий, занимавшей участок фронта в южной излучине Днестра, с плацдармом на левом берегу у Никополя.

Малиновский, наступая с севера, а Толбухин с Юга, окружили две группы немцев, одну в Кривом Роге, а другую (5 дивизий) у Никополя, и обе уничтожили, отбросив остальные разбитые немецкие дивизии на запад и подготовив тем путь для освобождения Крыма, так как на левом берегу Днестра, до самого устья, не осталось уже ни одного германского солдата.

г) **Луцкая операция** по существу явилась продолжением Киевской. Войска Ватутина внезапным ударом 5-го февраля захватили Луцк и Ровно, создав таким образом исходный пункт для дальнейшего наступления на юго-запад, начавшегося месяцем позже. Временно же, в течение февраля, на фронте Луцк, Ровно вновь воцарилось затишье, которое советское командование использовало для подготовки к новому удару.

Подведем теперь краткий итог первому фазису борьбы. Свыше 40 германских дивизий или уничтожены или разбиты, свыше 200.000 убитых, потеряно до 5.000 танков и столько же орудий, не считая иного. Эти 4 операции так расшатали германский фронт на Украине, что советское ко-

мандование сочло возможным, развивать успех, отрезать южную группу Манштейна и добить ее, начав операцию теперь же, в грязь и весеннюю распутицу, в расчете на то, что в такой момент немцы наступления не ожидают и что поэтому операцию тем легче можно будет провести. Удар предполагалось нанести тремя Украинскими фронтами (1-й, 2-й и 3-й), двинув их на участок Черновицы-Одесса, а 4-й украинский (Толбухина) направить на Крым, для его ликвидации.

Операции первых трех Украинских фронтов (Жуков, Конев, Малиновский), начатые 4 марта, составляют **второй** фазис борьбы за Западную Украину и сливаются в одно грандиозное наступление, длившееся март и апрель. Крымская операция развивалась несколько позже.

Второй фазис обнимает ряд отдельных операций, объединенных общей идеей, а именно: а) Черновицкую, б) Уманскую, в) Николаев-Херсонскую, г) Одесскую и д) Крымскую.

а) **Черновицкая операция**, длившаяся с 4 по 30 марта, выполнялась войсками 1-го Украинского фронта, при содействии 2-го Украинского. Войска Жукова (повторяем, что он 4 марта сменил заболевшего Ватутина) были нацелены двумя ударными массами:

1) северная, наступавшая из района Луцк-Шепетовка, была направлена прямо на юг, через Тарнополь, Трембовлю на Черновицы, и

2) южная, двинутая из района Казатин-Бердичев наперерз ей, в юго-западном направлении, через Винницу и Летичев, Жмеринку и Каменец-Подольск.

Жукову поставлена задача: с захватом Черновиц, отрезать Манштейна с севера от Польши и, наступая далее на юг, окружить совместно с Войсками Конева и Малиновского всю южную германскую группу. Таким образом, в этой операции главная роль, а именно роль обходного ударного крыла, возлагалась на Жукова, а Конев и Малиновский должны были ему содействовать, и ближайшее содействие Конев

должен был оказать, направив часть сил на Могилев Подольский.

Уже удар Жукова на Черновицы лишал Манштейна связи с Польшей, так как прерывал последнюю жел.-дорожную магистраль с ее 70 поездами в сутки, по которой производилось снабжение его армии из Германии (через Польшу), после чего это снабжение пришлось бы посылать кружным и долгим путем через Румынию.

Угроза такого удара и признаки его осуществления сами собой диктовали единственный выход: отвод войск на Карпаты и в Румынию, притом отход заблаговременный, с чем, конечно, никак не мог согласиться Гитлер.

Как же разыгралась операция Жукова?

Несмотря на невероятные трудности, какие представляли распутица и черноземная грязь для маневров и движения тяжелых машин (танков, орудий, грузовиков), советские войска начали на всем фронте наступление, которого немцы в это время года действительно не ожидали. Уже 11 марта, т. е. через неделю после начала операции, Тарнополь был взят. Обе ударные массы Жукова в течение четырехнедельных боев окружили к югу от Проскурова 15 германских дивизий и уничтожили их, открыв себе путь в Карпаты. 30 марта были заняты Коломыя и Черновицы.

Немцы понесли тяжкие потери: 208.000 убитых и плененных, 2.810 танков 7.200 орудий, 54.000 автомашин. 29 германских дивизий (в том числе 11 танковых) и 2 румынских были частью разбиты, а частью уничтожены. Это были уже непоправимые потери, предвещавшие неизбежное крушение германского фронта.

б) **Уманская операция.** Пока войска Жукова продвигались на юго-запад. Конев расправился с Уманской группой противника. После Корсунского поражения немцы к началу марта стянули к Уманскому участку до 30 дивизий, в том числе 10 танковых, хоть и сильно потрепанных. Повидимому, немцы готовились отсюда нанести контрудар, дабы остановить наступление красных. На свое несчастье они не рассчи-

тали: полагая, что весенняя распутица задержит наступление красных, немцы послали танки вперед по железной дороге (дабы они скорее дошли, чем по грязи), и эти танки в числе 500 штук, которые еще не успели выгрузиться, попали на ст. Поташ прямо и целиком в руки быстро наступавших колонн Конева. Потеря их дорого обошлась немцам. В ряде боев Конев разбил и разметал немецкие дивизии, отбросив остатки их за р. Прут, в Румынию, причем немцы в этой операции потеряли в боях 62.000 убитых, 600 танков, 2.000 орудий и 21.000 автомашин.

Наряду с Проскуровским, это был второй уже разгром, открывший дорогу Коневу, который прошел 400 км. и в конце марта переправился через Прут по нескольким мостам, а Ямполь, Сороки, Бельцы были заняты во второй половине марта.

в) **Николаев-Херсонская операция.** Не менее успешно шли дела у Малиновского, войска которого в начале марта окружили восточнее Николаева почти всю 6-ю германскую армию в составе 25 дивизий, в том числе 3 танковых. После двухнедельных жестоких боев 11 дивизий (2 танковых, 1 мотодивизия и 8 пехотных) прорвали железное кольцо и вырвались из окружения, но потеряли всякую боеспособность. 10 дивизий было уничтожено и взято в плен и только 4 дивизии еще кое-как могли вести бой.

г) **Одесская операция.** Развивая успех и преследуя остатки разгромленного противника, Малиновский во второй половине марта достиг Буга, перешел его в конце марта на широком фронте от Александровки до Николаева и двинулся в апреле на Днестр и к Одессе. У ст. Раздельной были окружены и добиты остатки 5-6 дивизий, причем насчитано 7.000 трупов. 10 апреля Одесса была уже освобождена, 12-го занят Тирасполь и войска перешли Днестр.

д) **Крым.** С освобождением Украины падение Крыма стало вопросом короткого времени. Отрезанная в ноябре 17-я германская армия, в составе 12 германских и румынских дивизий, с десятками разных дополнительных полков, 3.000 орудий и 600 самолетов, за 5 месяцев стояния на Пере-

копе и Сиваше (с ноября 1943 г. по март 1944 г.) сильно укрепились. Но ничто не помогло. Войска 4-го Украинского фронта Толбухина, начав наступление 8 апреля, прорвали все укрепления и через 5 дней уже осадили Севастополь, а другой колонной взяли Керчь, пройдя за эти 5 дней 300 км. и попутно окружив и уничтожив часть 17-й армии, причем 37.000 человек захвачено в плен и почти столько же убито, но главная масса армии все же ушла и замкнулась в Севастополе, куда Гитлер по морю и воздуху послал еще 10 батальонов на усиление.

Как известно, Севастополь в 1941-1942 г.г. продержался 250 дней, и за это время советский гарнизон потерял всего 30.000 убитых и раненых. Гитлер надеялся, что немцы продержаться не меньше. Увы!.. Рассчеты его не оправдались. Тщательно подготовившись в апреле, Толбухин предпринял штурм 7 мая, а уже 9-го мая город после ожесточенного боя пал, но отдельные узлы все еще сопротивлялись. Но недолго. Еще через 2 дня гарнизон, потеряв до 50.000 убитыми, сдался в количестве 60.000 человек.

Часть гарнизона пыталась уйти на транспортных судах, но огнем судовой артиллерии советского Черноморского флота, заперевшего выходы из Севастополя, а равно бомбами советских самолетов, суда с германскими войсками были настигнуты и потоплены в числе 69 транспортов, со всеми беглецами и экипажем.

Теперь, когда все 5 операций второго фазиса рассмотрены, мы можем подсчитать, не подводя пока общих итогов борьбы, во что обошлись эти 5 операций немцам. Черновицкая операция — 29 дивизий (разбитых и уничтоженных, Уманская — 30 див., Николаев-Херсонская — 25 див., Одесская — 6 див., Крымская — 12 див. А в общей сложности за 2 месяца уничтожено не менее 50 дивизий и столько же разбито. Вот печальный баланс второго фазиса борьбы.

Итоги четырехмесячной борьбы на Украине.

На этом пока закончилась борьба за юг России и западной Украины, так как операции на всем фронте от По-

лесья до Черного моря (за исключением Крыма) были приостановлены в середине апреля, и затишье длилось до середины июля. Эта 4-месячная борьба обошлась немцам и их союзникам в 1 миллион убитых и пленных (не считая раненых), 8.700 танков, 14.500 орудий, 1.000 самолетов и 150.000 автомашин, не считая иных потерь. Эти цифры говорят сами за себя. При таких условиях упрочить фронт было нечем, и крах Румынии становился неизбежен. Но была ли достигнута цель Советов, имевшая в виду полное уничтожение или пленение всей южной германской группы Манштейна?

Нет. Германский фронт еще существовал. Правда, он был в полнейшем расстройстве и так разорван, что Манштейн, не имея прочной связи со всеми частями, вынужден был оставить за собой личное руководство лишь северной половиной фронта, а южную передать в самостоятельное руководство ф. Кляйсту.

Если бы советское командование, вместо разрозненных ударов Жукова, Конева и Малиновского, собрало бы все усилия в один чудовищный таран того же Жукова, германский фронт и войска Манштейна были в таком состоянии, что требовалось лишь некоторое усилие, чтобы добить противника и чтобы фронт этот окончательно и непоправимо рухнул и тем положил бы начало полному краху Германии.

Но этого последнего усилия советское командование как раз и не сделало, а как сейчас увидим, перенесло удары на другие участки общерусского фронта, удовлетворившись сейчас достигнутым на юге успехом и освобождением от противника советской территории и отложив продолжение операций здесь на целых 3 месяца.

Чем объяснить подобное решение? Советы обходят этот вопрос молчанием. Возможно, что у Советов просто не хватило сил, так как до лета всюду царило затишье; надо было также устроить тыл; возможно также, что Сталин поджидал высадку союзников во Франции, обещанную на 1 мая (в последний момент отложенную на июнь), чтобы общими усилиями добить врага. Не исключено однако и то, что Советы, не дооценили одержанных на юге успехов, зная по опыту, как быстро немцы оправляются после всяких неудач и

приписывая им большую силу, чем та, которой они в действительности обладали.

Как бы то ни было, прекращение операций на юге и отказ от немедленного использования победы и разгрома врага, которого оставалось только добить, имели последствием затяжку войны на целый год.

Толки о мире.

Победы русских на Украине и германские поражения произвели сильнейшее впечатление на германские верхи, где после неудачных опытов 1943 года снова поднялся вопрос о заключении с СССР сепаратного мира, как единственного средства выйти из создавшегося положения. За это дело взялся Геббельс, более других благоразумный из непримиримых германских нацистских вождей. Вот что пишет в своем дневнике секретарь Геббельса:

„Весной 1944 года Геббельс подал меморандум Гитлеру, в котором предлагает договориться с Россией при посредстве Японии, предложив Сталину формальное обязательство и уступки, которые хотя и являются жертвами, не могут обеспечить мир. Геббельс считал, что Россию можно привлечь ценою следующих уступок: признать Финляндию и Северную Норвегию сферой русского влияния; дать согласие на присоединение балтийских стран к Сов. Союзу; Польша до Варты тоже входит в состав России. Наконец, Румыния, Болгария и Греция тоже признаются сферой влияния России. Взамен этого немцы оставляют за собой Чехословакию.

Подавая этот меморандум, Геббельс в личном письме присовокупил, что такая политика потребует радикальных перемен в составе на Wilhelmstrasse (Министерство Иностранных Дел) и что Риббентроп, как ответственный за то, что Германия осталась изолированной, есть последний человек, которому можно было бы доверить руководство заграничной политикой”.

Запись от 2. V. 1944 г.

„Геббельс сообщил мне, что говорил с Гитлером, однако тот ни словом не обмолвился об его меморандуме. Ми-

нистр отважился, наконец, спросить, что он думает об его мыслях. „О каком меморандуме вы говорите?“ — удивился Гитлер, показывая тем, что он и в глаза его не видел. После долгих поисков его нашли в бюро Бормана. Тот признался, что прочел этот документ, но не взял на себя ответственности представить Гитлеру, ибо считал, что предложение Геббельса является предательством по отношению к Финляндии, Румынии и Болгарии.

„Геббельс в свою очередь заявил, что поведение германских союзников по отношению к Райху давно уже перестало быть лояльным. — „Во всяком случае, — закончил министр, — подошла минута, которая требует девиза: все для Родины, не задумываясь над тем, справедливо или нет мы поступаем“.

Краткая беседа убедила Геббельса, что ближайшее окружение Гитлера, под влиянием Бормана, оценивает обстановку и далее оптимистично. Геббельс сказал про них: „Эти господа не дают себе отчета, как наши предложения были бы заманчивы для Сталина“...

И это после тех авансов, которые получил Сталин от Рузвельта и Черчилля на Тегеранской конференции? Геббельс жестоко ошибался, тем более, что он строил соглашение не с национальной Россией, а с большевиками. Тем не менее Геббельс продолжал работать в том же направлении, как показывает позднейшая запись секретаря Геббельса, который 2. IX. 1944 г. пишет:

„Военный союз с Россией и Японией. Сегодня Геббельс имел двухчасовую беседу с японским послом Ошимой, просящим об аудиенции. В Японии Геббельса считают за человека, понимающего общее положение в Германии. Японское правительство до сих пор не получило ответа по вопросу об японо-русском и германском союзе, поднятом несколько месяцев назад японским послом ген. Ошимой в разговоре с Гитлером. Поэтому японцы решились попытаться в последний раз осуществить это дело при посредстве Геббельса, почитаемого ими за политика руссофильского направления.

„Геббельс весьма заинтересован проектами Ошима, с той однако оговоркой, что переговоры не могут быть нача-

ты, пока не выяснены намерения Сталина. Выгоды, которые мы могли бы представить России, с каждым месяцем уменьшаются. С другой стороны Сталин, при столь радикальной перемене политики, должен иметь что-то осязательное, что могло бы оправдать эту перемену перед русским народом, понесшим огромные жертвы в течение этой войны. Попытка привлечь Сталина ценой уступок в Персии, Индии и даже Дарданеллах не дала бы с уверенностью успеха. По словам Ошимы, осторожное нащупывание почвы в Москве японцами не встретило „неблагоприятного приема“.

В самом деле, какие выгоды мог в данный момент предложить Гитлер СССР в обмен за мир? Попытка Геббельса была безнадежна, и она не состоялась, как не состоялась и другая попытка со стороны Иодля направить мысль Гитлера на заключение сепаратного мира с англо-саксами, а не с СССР. Сам Иодль на суде в Нюрнберге по этому поводу показал:

„Никто из высших чинов не смел поднимать перед Гитлером вопроса об окончании войны, так как это касалось области политики, но нет ни одного военачальника, который не обрисовал бы ему стратегического положения так, что никаких надежд на благополучный исход войны не имелось. После высадки союзников во Франции и тревожного положения на фронте, я при одном из совместных полетов с фюрером в июле 1944 г. в главную квартиру Западного фронта в Реймсе, спросил Гитлера, имея ввиду необходимость договориться, пока не поздно, с англо-саксами: „Как вы себе вообще представляете дальнейший ход войны?“ Гитлер тотчас же меня обрезал: „Это не ваше дело. Предоставьте это мне“.

Потери населения.

Как обезлюдели города и деревни после изгнания немцев и прихода Красной армии, можно судить по цифрам, приведенным доцентом А. Поплюйко (Миграция населения и урбанизация СССР. Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, кн. 2-я., 1952 г. Мюнхен. стр. 73):

„В Киеве, по регистрации, проведенной в 1943 г., осталось всего 210.000 человек, т. е. меньше четверти. В Днепро-

петровске — 140.000 из 505.000, в Харькове менее 300.000 из 830.000. Менее половины жителей осталось в Запорожье, Николаеве, Кривом Роге, Херсоне, Одессе, Николаеве. В более мелких, а тем более непромышленных городах потери были ниже, но вряд ли менее одной трети. Наиболее обезлюдил Донбасс — шахтеров и металлургов увозили поездами, автомобилями, гужевым транспортом и угоняли пешком. Остальная часть населения при переменчивом движении линии фронта одновременно подвергалась эвакуации в обе стороны — на восток и на запад, или уничтожалась в результате военных действий. По свидетельству очевидцев, в Донбассе, при вступлении Советской армии, после отхода немцев, было не более 20% довоенного населения.

„Из 80-85 миллионов человек, проживавших на территории, охваченной военными действиями, на восток было эвакуировано, как можно предполагать по секретным сообщениям, около 18-20 миллионов“, а на запад немцы вывезли свыше 7 миллионов советских рабочих обоего пола (по другим сведениям — 12 миллионов).

Добавим, что в оккупированных немцами областях были уничтожены все оставшиеся на месте евреи, а также душевно-больные и заподозренные в заболевании венерическими болезнями.

Но и в неоккупированных немцами областях дела обстояли не лучше, и если там население уменьшалось не от нашествия, то от других причин. Так, по показанию летчика П. Пирогова, посетившего летом 1944 года своих родных в одном из сел Тамбовской области, его тетка обрисовала положение вот как („За курс.“, страница 220):

„Прошлой осенью (т. е. в 1943 г.), как только убрали хлеб с полей, пришли грузовые машины и разом все свезли на элеватор государству. В колхозе выдали по 200 граммов за трудодень. От безкормицы весь скот подох. Из 600 лошадей, бывших в колхозе в 1939 году, сейчас осталось 12. В марте этого года колхозницы носили на себе со станции, за 16 километров, мешки с семенным зерном. Машин для этого государство не дало. Машинно-тракторная станция посевные работы выполнила, а к уборке еще не приступала. Нет го-

рючего. Зерно уже осыпается. Жнут серпами. А много ли нажнешь? А если семена вернут из того, что нажали, то на трудодни ничего не остается. Как же зиму прожить?"

Что же удивительного, что смертность при таких условиях от голодухи была большая? Добавим к тому, что в селе, за отсутствием лошадей и невозможности привезти дров из лесу, спалили зимой (на топливо) все изгороди, сараи, навесы, могильные кресты на кладбище, полы и потолки в избах...

Вернемся теперь к военным событиям на русском фронте.

3. Финская операция.

После занятия Венгрии и Румынии германскими войсками в марте и апреле 1944 г., Москва предложила финнам 20 марта 1944 г. начать мирные переговоры и прислать уполномоченного, но поставила столь тяжкие условия, что 1 апреля финская делегация вернулась домой и переговоры прервались. Война продолжалась.

Мы знаем уже, что в начале 1944 года Ленинград был освобожден с юга, но с севера, со стороны финнов опасность еще не была устранена. Финны занимали фронт как на Карельском перешейке (**Ленинградский фронт** между Финским заливом и оз. Ладога), так и на перешейке между озерами Ладога и Онега (**Онежский или Свирский фронт**), по реке Свири, а равно на участке между озерами Онега и Зег (**Повенецкий фронт**), не считая других, более мелких участков. На крайнем же севере находился **Мурманский фронт**.

Онежский и Повенецкий фронты, перерезая Мурманскую дорогу, лишали СССР связи с англо-американскими союзниками на севере, и в этом смысле являлись большой помехой. За 3 года войны финны очень укрепились и, судя по опыту войны 1939-1940 г.г., надеялись удержать весь финский фронт с своими 15 дивизиями и 6 дивизиями немцев, ведя оборонительную войну (для наступления у них сил не хватило), причем на главном фронте, на Карельском перешейке, финны имели 7 дивизий и 2 бригады.

Но кроме недостатка сил, были еще и другие причины, почему финны воздержались от наступления на Ленинград, на чем особенно настаивали немцы. Как видно из секретной переписки с Черчилем, Маннергейм подчеркивал, что задача Финляндии состоит в обеспечении своей территории, но никак не в содействии завоевательным планам Гитлера, поэтому он под всякими предлогами отклонял требования немцев, и так до самого конца войны не принял участия в наступательной операции на Ленинград.

Однако, что касается возможности отстоять свою территорию путем оборонительной войны, то финны ошиблись. Теперь и средства и методы были другие. В течение трех лет Советы не предпринимали против финнов наступательных операций за неимением наличных сил и технических средств, занятых другими, более важными и неотложными задачами на общем фронте, но к лету 1944 года советская промышленность, в связи с помощью союзников, могла наконец снабдить советские войска достаточными техническими средствами, чтобы предпринять успешную борьбу с финнами и тем сразу покончить с финским фронтом и Финляндией, выведя ее, подобно Италии, из игры, дабы освободить советские войска для переброски на германский фронт против главного врага.

Операции начались в июне на Ленинградском фронте. Советы пустили в ход могучую артиллерию (по 300-400 орудий на 1 км. фронта) и авиацию (1.000 самолетов) 59-й советской армии, которые разметали в щепы все укрытия, убежища, дзоты, блокгаузы и батареи, нанося финнам страшные потери и выведя из строя 70 % защитников (а в войне 1939-40 г.г. советская авиация, по показаниям маршала Маннергейма в его мемуарах, почти не причинила финнам никакого вреда); поэтому, когда войска Говорова на Ленинградском фронте 9 июня двинулись в атаку, имея тройное превосходство, а именно: 20 пехотных дивизий, 4 танковых бригады плюс 5-6 танковых полков и 4 полка штурмовой артиллерии, то первая укрепленная полоса была прорвана ими в первый же день, вторая линия (в 40 км. сзади, в тылу) на 6-й день, а на 11-й день операции, 20 июня, советские войска

уже взяли Выборг, словив и последнюю укрепленную полосу на пути вглубь страны.

Иначе говоря, Советы в 10 дней прорвали и разгромили весь финский фронт на главном Выборгском направлении, в то время как 5 лет назад им понадобилось на это больше трех месяцев и обошлось в четверть миллиона бойцов, вышедших из строя. Такова была мощь советской техники в 1944 году.

Удар был столь потрясающ, что Финляндия зашаталась. Чтобы спасти положение, 22 июня в Гельсинки спешно прибыл Риббентроп и, ценою обещаний прислать германские подкрепления, убедил финское правительство продолжать борьбу. Заметим, что эти подкрепления были незначительны, а именно: высадилась германская пехотная дивизия, бригада штурмовой артиллерии, антитанковые пушки с достаточным количеством боеприпасов, что финнам позволило сохранить отступавшую, но не разбитую армию и опереться на нее при заключении мира. Несмотря на советские атаки, продолжавшиеся 1, 2, 5, 6, 7, и 9 июля, вплоть до 20 июля, и на то, что Выборг был под обстрелом, финнам удалось город удержать.

Между тем советские войска нанесли финнам новый удар, 21 июня Мерецков начал наступление на р. Свири и Повенецком участке, имея 11 советских дивизий и 6 бригад против финских 4-х дивизий и 2-х бригад, т. е. превосходя финнов втрое. Хотя эта операция длилась несколько дольше и развивалась медленнее, чем на Выборгском направлении, но она привела к решительным успехам. Мерецков охватил со Свири и Повенца Онежскую финскую группу с обоих флангов и через месяц, 19 июля дошел уже до финских границ, уничтожив окруженные части. Однако после 20 июля Советы сняли здесь, с финского фронта, лучшие дивизии с артиллерией и отправили их на Балтийский фронт, вследствие чего финнам удалось сдержать дальнейшее продвижение Советов.

В обеих этих операциях финны понесли такие потери, что продолжать борьбу уже не могли, и вскоре Финляндия, во избежание вторжения советских войск в страну, поспешила предложить перемирие и выйти из войны. Это сделал

Маннергейм, выбранный 4 августа президентом Финской республики и предупредивший фельдмаршала Кайтля, прибывшего 17 августа в Финляндию для уговоров продолжать войну, что финны уже выбились из сил и вести войны далее не могут. 19 сентября это перемирие, после двухнедельных переговоров, было заключено, чем сразу освободилось у Советов свыше 20 дивизий. Это позволило им использовать их для развития успехов в Прибалтике и Белоруссии, а заодно покончить и с севером, на Мурманском фронте, где в районе Петсамо и Киркенеса оставалась еще 20-я германская армия в составе 6-7 дивизий. В октябре она была разгромлена и почти совершенно уничтожена войсками ген. Мерецкова совместно с финской армией, воевавшей теперь против своего недавнего союзника. Киркенес взят 26 октября, а остатки германской армии отступили в Норвегию, на присоединение к оккупационным германским войскам.

Так кончилась война с Финляндией. Север, как и юг СССР, были освобождены, и отныне все силы были устремлены на германский фронт, центр коего и левый фланг все еще занимали советскую территорию. Вот к обзору борьбы за эту территорию мы сейчас и перейдем.

4. Борьба за Белоруссию.

К лету 1944 года фронт между Финским заливом и Полесьем, начиная с севера на юг, проходил несколько западнее Нарвы, Пскова, Великих Лук, через Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, а отсюда, круто сворачивал на запад, на Ковель. С севера до Двины советские войска были разделены на 3 Балтийских фронта, а от Двины до Припяти занимали 3 Белорусских фронта. Балтийскими фронтами в порядке номеров командовали Масленников, Еременко, Баграмян, а Белорусскими — Рокоссовский, Захаров, Черняховский.

Ввиду того, что операции начались раньше на Белорусском фронте (июнь-август), а в Прибалтике в сентябре-октябре, начнем обзор с Белорусского фронта. Напомним еще раз, что 6-го июня на западе союзники англо-американцы высадились на сев. берегу Франции, в Нормандии, создав та-

ким образом 2-ой фронт, отвлекающий в ту сторону силы и внимание Германии, что благоприятно сказалось на ходе операций в Белоруссии, куда теперь немцы не могли уже перебросить подкреплений из Франции, как не могли их подать и в Финляндию. Но в свою очередь тяжкий удар Советов на Белоруссию способствовал успеху союзников в Нормандии.

Здесь, против трех Белорусских фронтов, действовала германская группа армий Центра (под командой фельдмаршала Буша) в составе 4-х армий, а именно: 3-й танковой, 4-й, 9-й и 2-й (перечислены по их расположению с севера на юг). В общем немцы имели здесь до 50 дивизий, в том числе 7-8 танковых и 15.000 орудий и тяжелых мортир, всего до 1 миллиона бойцов. Часть дивизий (15 див.) держались в резерве для отражения ударов, а 35 занимали фронт и стояли в первой линии.

По данным Гудериана, Советы сосредоточили 189 дивизий, из них 43 танковых, т. е. силы почти вчетверо больше германских. Что могли сделать немцы при столь грозном неравенстве и соотношении сил? Как отразить столь чудовищный напор? Исход борьбы при советском ударе заранее предрешен.

Заметим, что здесь так же, как на юге, борьба вылилась в ряд частных отдельных операций, имевших целью использовать изгибы и начертания фронта, чтобы обойти и охватить с обоих флангов те или иные группы противника, окружить их и уничтожить. И несмотря на то, что они совершались по одному и тому же шаблону, все они удались, так как Гитлер отдал строжайший приказ: драться до последнего, стоять и умирать, но не сметь отступать, а немцы, добросовестно выполняя „бефель“, попадали в западню (мешки) и бесплодно гибли, вместо того, чтобы во-время уйти и сохранить силы.

Надо было ожидать, что при таком подавляющем перевесе сил и при наличии на западе 2-го фронта, Советы могли и должны были бы нанести решительный стратегический удар, чтобы сразу закончить войну, но и на этот раз Советы предпочли применить испытанный способ действий и бить

немцев по частям. Возможно, что на это решение повлияло опасение контрудара во фланг со стороны Балтийской группы немцев, а может быть и политические соображения, по которым им хотелось бить одновременно по двум операционным направлениям: 1) прямо на запад, к границам Германии и 2) на юг, на Балканы, через Румынию, дабы иметь возможность оказать свое воздействие на Венгрию и прочие балканские страны.

Борьба за Белоруссию включает 4 операции: а) Витебскую, б) Бобруйскую, в) Могилевскую и г) Минскую. Приступим к их обзору.

а) **Витебская операция.** Замысел такой: прорвать фронт двумя ударными группами, а именно — 1) на севере, у Витебска войсками ген. Черняховского (3-й Белорусский фронт) при содействии левого крыла войск ген. Баграмяна (1-й Балтийский фронт), а затем обеим группам наступать навстречу друг другу к Минску, с тем, чтобы совместно с войсками ген. Захарова (2-й Белорусский фронт) окружить немцев между Березиной и Днепром, захватив при этом как главную массу Центральной группы, так и Витебскую группу в частности.

Атака у Витебска началась 23 июня, а к 27 июня Витебская группа противника была уже обойдена и раздроблена на 3 части, которые были окружены и уничтожены в числе 5 германских дивизий. Немцы потеряли 20.000 убитыми, 10.000 пленными, 54 танка и 560 орудий.

б) **Бобруйская операция.** Она разыгралась одновременно с Витебской. Войска Рокоссовского, прорвав 24 июня фронт двумя ударными группами у Рогачева и Паричи, через 3 дня окружили 6 дивизий Бобруйской группы и с помощью Захарова 29 июня их уничтожили, отбив все атаки брошенных на их выручку резервов. За 6 дней боев немцы потеряли 50.000 убитыми, 24.000 пленными, 215 танков, 1.300 орудий и 8.400 автомашин 4-й германской армии.

в) **Могилевская операция.** Тем временем Захаров 28 июня таким же образом овладел Могилевом, розгромивши здешнюю группу немцев, потерявшую до 30.000 убитыми.

Итого, за одну неделю, с 23 по 29 июня, немцы в этих трех операциях потеряли 100.000 убитыми и 38.000 пленными. Кроме того, сверх окруженных и уничтоженных дивизий 4-й армии, сильно пострадали еще 10 дивизий, двинутых ей на помощь. Это очень облегчило задачу по окружению главного ядра немцев.

г) **Минская операция.** Действительно, продолжая наступление, войска трех Белорусских фронтов с 28 июня по 3 июля, в течение 5 дней окружили стотысячную Минскую группу противника восточнее Минска и к 11 июня покончили с ней. Немцы потеряли 70.000 убитыми и 35.000 пленными, в том числе 3 комкора и 9 комдивов. 4-я германская армия фактически перестала существовать. Советские войска, неотступно преследуя остатки разбитого врага, продвинулись вглубь на запад на 500 км. ибо путь был открыт и преградить его немцам было нечем.

По признанию Гудериана, за 11 дней (с 22 июня по 3 июля) немцы потеряли 25 дивизий, т. е. половину своего состава. Могли ли немцы с другой половиной остановить напор? Нет, конечно. И действительно, советские танки почти беспрепятственно рвались вперед. 13 июля с налету взята Вильна, 16 июля — Гродно, 28 июля Брест-Литовск, 1-го августа, Ковно... За 1 только месяц, с 23 июня по 23 июля, немцы севернее Полесья, в боях с тремя Белорусскими и 1-м Балтийским фронтами, потеряли 380.000 убитыми, 150.000 пленными (в том числе 22 генерала), 2.400 танков, всю артиллерию (15.000 орудий), 630 самолетов и 57.000 автомашин.

Это был такой же разгром, как весной на юге. И если бы советские войска могли продолжать немедленно свой стремительный напор на запад, то участь Восточной Пруссии, а может-быть, и войны была бы решена, ибо здесь защищаться немцам было нечем. Но, как и на юге, советские войска вынуждены были остановиться, тыл не поспевал за фронтом и, хотя 400.000 грузовиков, поставленных американцами, сильно облегчали снабжение, но разоренный тыл и огромные расстояния делали остановку неизбежной. Преодолеть ее можно было заблаговременной подготовкой, но видимо Советы в своих расчетах не шли так далеко и сами

не ожидали столь потрясающего успеха. Как бы то ни было, но благоприятный случай был упущен.

С разбега советские войска достигли ворот Пруссии в начале августа, но здесь задержались, остановленные на укрепленной линии Тильзит, Инстербург, Мазурские озера (перешейки) и далее р. Нарев, которую заняли наспех собранные остатки 4-й армии, а также уцелевшие части 3-й танковой и 2-й германской армий, образовавших Армейскую группу Рейнгардта.

Атаки Баграмьяна, Черняховского и Захарова были отбиты, и обе стороны зарылись, подготавливаясь к дальнейшей борьбе. Однако прошло 2 месяца, прежде чем советские войска могли возобновить наступление. Они начали его лишь в октябре, но за 2 месяца затишья немцы, путем отчаянных усилий и новых формирований, успели воссоздать фронт и организовать прочную оборону, причем Гитлер сменил Буша и заменил его Моделем. Поэтому когда Черняховский 18 октября двинулся в Восточную Пруссию, то под Гумбиненом он напоролся на контрудар 3-й танковой армии (в составе 4-х дивизий), которым был отброшен из пределов Восточной Пруссии.

Ввиду невозможности прорвать в данный момент Восточно-Прусский фронт Советам пришлось отложить его атаку на зиму 1944-1945 г.г. Но зато успехи в Белоруссии, одержанные летом 1944 г. облегчили освобождение Балтийских стран. О своих потерях советские источники предпочитают не упоминать.

5. Борьба за Балтику.

В этой борьбе приняли участие 4 фронта, --- Ленинградский и 3 Балтийских, войска коих занимали участок от Нарвы до Двинска. Здесь с марта до июля царило относительное затишье, но поражение финнов в июне-июле, а затем выход Финляндии из войны, дали возможность перебросить сюда часть сил, с помощью коих в конце июля, было предпринято наступление к Ревелю (Таллину) Риге и другим Балтийским портам.

Однако германское командование, собрав под Шавлями ударную группу в 15 дивизий, 17 августа нанесло контр-

удар и, хотя и потеряло при этом до 500 танков, но остановило советские войска на линии Рига-Митава-Шавли. Это наступление было возобновлено лишь месяц спустя, 17 сентября, после заключения Финляндией перемирия и развилось на этот раз быстро.

Уже 22 сентября Таллин был взят, а затем освобождена вся Эстония и позднее — острова Рижского залива, Эзель, Даго и др. Немцы в этих боях потеряли 46.000 убитых и пленными, 175 танков и 1.300 орудий. 4 октября взята Рига, а 9-го войска Баграмьяна дошли до Немана, взяли в тот же день Мемель, и таким образом отрезали Прибалтийскую группу немцев от Армейской группы Центра, отеснив ее, в составе до 30 дивизий (Гудериан считает 22), к морю, в район Виндава-Либава.

Эта Балтийская группа, получая снабжение по морю, оказывала героическое сопротивление, стойко отбивая все атаки, и продержалась так до самого конца войны. Но героизм этот здесь был бесплоден. Эти стойкие дивизии пригодились бы Гитлеру в другом месте. Но он ни за что не хотел очистить побережье, уже включенное в Райх, и упорно не разрешал перевезти их в Германию и перебросить на другой фронт, лишившись тем самым последнего надежного резерва, который был ему так необходим при операциях на Восточном фронте в начале 1945 года.

6. Борьба за Галицию (Львов), Бессарабию (Кишинев) и Румынию.

Вернемся теперь на Южный фронт, на Украину и посмотрим, что делалось там, пока совершалась борьба в Белоруссии, в Прибалтике и на финских фронтах. Как мы знаем, в середине апреля фронт к югу от Полесья шел от Ковеля на юг, на Коломыю, а отсюда на юго-восток, через Батошаны, Тирасполь к Одессе. На всем этом участке от Полесья до Черного моря действовали 3 Украинских фронта, а против них 2 германских группы:

1) Армейская группа Северной Украины преграждала направление на Львов, в Галицию.

2) Армейская группа Южной Украины преграждала направление Яссы-Кишинев, в Бессарабию.

Разбитые весной германские армии, за 3 месяца затишья, оправились, отдохнули, пополнились и сильно укрепились. После весенних успехов советское командование вынуждено было, как сказано, приостановить наступательные операции на Украине до середины лета, дабы устроить тыл и подготовить новый удар. Этот удар намечался по двум направлениям:

1) На Броды, Львов, Ярослав, Сандомир, куда должны были наступать войска 1-го Украинского фронта, с целью выйти к Висле и в дальнейшем согласовать свое наступление на Германию (через Варшаву) с войсками Белорусских фронтов.

2) На Бессарабию (через Яссы-Кишинев) и далее на Румынию наступать войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, с целью окончательно разгромить Румынию и заставить ее выйти из войны.

Таким образом всему южно-советскому фронту ставилась двойственная задача и силы раздваивались для удара по двум расходящимся направлениям, что в дальнейшем неминуемо должно было повести к выделению 1-го Украинского фронта из южно-русской группы и включению его в состав Центральной группы, наступающей на Германию, тогда как 2-й и 3-й Украинские займутся исключительно Румынией, Венгрией и Балканами. Это раздвоение сил, диктуемое политическими соображениями, хотя в конце концов и не отразилось пагубно на успехе, но вызвало замедление операций и непростительную затяжку войны, как это мы ниже увидим.

1) Удар на Львовском направлении решено начать на месяц раньше похода на Румынию, дабы оттянуть оттуда силы и тем облегчить задачу ее скорейшего разгрома. Наступление 1-го Украинского фронта под командой Конева, сменившего Жукова (Жуков переведен на Берлинское направление и поставлен во главе 1-го Белорусского фронта), началось 13 июля и вылилось в 3 отдельные операции: а) Бродскую,

б) Львовскую и в) Сандомирскую, не считая побочных на флангах.

а) **Бродская операция.** Войска маршала Конева двинулись в наступление широким фронтом на участке от Владимира-Волынского до Станиславова и уже на 4-й день окружили 5 германских дивизий западнее Брод. Немцы бросили им на выручку с юга, со стороны Злочева, несколько дивизий, но контратаки были отбиты с большими потерями и 23 июля Бродская группа уничтожена, причем немцев убито 38.000, а сдалось 17.000.

б) **Львовская операция.** Пока шло добивание Бродской группы, другие советские части окружили у Львова 20 июля вторую германскую группу. Она была добита 28 июля, когда пал Львов, где насчитано 8.000 трупов и взято 3.500 пленных. В тот же день 28 июля пали Ярослав и Перемышль, где части Конева переправились через Сан и устремились к Висле.

в) **Сандомирская операция.** На Висле, у Сандомира, после жестоких боев была окружена третья германская группа. Бои продолжались с 1 по 10 августа. Немцы подтянули с юга из Румынии 6 танковых дивизий для контр-атак, но все они были отбиты и Сандомир удержан в руках Конева. Немцы потеряли 12.000 убитыми и 1500 пленными.

2) **Восстание поляков в Варшаве.**

Подход в конце июля авангардных танков Конева к Висле вызвал преждевременное восстание поляков в Варшаве под начальством ген. Бор-Комаровского. Оно вспыхнуло 31 июля в надежде на скорый подход советских войск и насчитывало в своих рядах до 50.000 повстанцев. Поляки продержались 2 месяца, но 2-го октября сдались в числе 10.000, выбившись из сил и так и не дождавшись подхода и помощи советских войск, наступление коих на Варшаву задержалось по политическим причинам. Видимо помощь Бор-Комаровскому, представителю национальной Польши, не входила в расчеты Кремля, ибо Красная армия, взявшая предместье Варшавы Прагу 11 сентября и наблюдавшая с другой сто-

роны Вислы трагедию повстанцев, так этой помощи и не оказала.

Мы ниже остановимся еще на этом вопросе, а пока скажем, что Конев в боях 13 июля по 12 августа разбил германскую группу, потерявшую 172.000 убитыми и ранеными, 2.000 танков, 6.600 орудий, 690 самолетов и 11.700 автомашин, и хотя Конев дальше продвинуться не мог и здесь, на Висле, застрял до января, но этот удар, совпавший по времени с победами на Белорусском фронте, пришелся как нельзя более кстати, так как он оказал содействие не только операциям в Румынии, но и союзникам.

Как известно, англо-американцы, высадившиеся в Нормандии (во Франции), испытывали в июле очень серьезные затруднения (не будучи в ту пору в силах проломить германский фронт), и крайне нуждались в том, чтобы немцы не могли подвезти подкрепления, которые они были вынуждены бросать на восточный фронт.

В этом смысле восстание поляков в Варшаве, в самый горячий момент, когда союзники предприняли в Нормандии прорыв германского фронта у Авранша, пришлось как нельзя более кстати, ибо приковало к себе значительные германские силы.

Но почему же всё-таки Советы не помогли полякам? На этот вопрос дает ответ красноречивая картина, нарисованная Б. Ольшанским, б. капитаном Советской армии и участником похода на Берлин. В статье „На развалинах Варшавы” он пишет („Новое Русское Слово”, 17. I. 1953):

„Начавшееся в конце июня 44 года в восточной Белоруссии советское наступление развивалось успешно, превращаясь для немцев со дня на день в катастрофу всего восточного фронта. Во второй половине июля войска маршалов Конева и Рокоссовского, сопровождаемые „первой польской армией” под начальством Роли-Жимерского и Берлинга, вторглись в пределы Польши и, быстро развивая успех, заняли Люблин. Вторая группа войска (Рокоссовского), блокировав Брест-Литовск, беспрепятственно продвигалась по варшавскому шоссе в направлении польской столицы. И наконец, третья, „наревская группа” обеспечивала правый фланг.

„Дезорганизация противника была полная. Немецкий фронт фактически перестал существовать, немецкое командование потеряло управление частями и не располагало, очевидно, ни резервами, ни боевой техникой, чтобы восстановить на ходу оборону. Согласно данным разведки, немцы поспешно уходили за Вислу и готовились к эвакуации Варшавы, взрывая воинские склады и речные переправы.

„Воинское соединение, в котором я находился, до 29 июля дислоцировалось в районе Бреста. 29 июля из штаба 1-го Белорусского фронта был получен приказ: „войти в состав войск, вступающих в Прагу (предместье Варшавы) и приступить к наведению переправ через Вислу в районе польской столицы. Подробные указания на месте. 1-е августа — срок исполнения.

„По дороге к новому месту назначения — непрерывный поток автоколонн с боевыми припасами и воинским снаряжением. Было очевидно, что резервы не отстают от войск 1-го эшелона и оперативный план наступления выполнялся полностью. Неожиданно, на остановке в местечке Уйржанов под Седлецем, из штаба фронта был получен новый приказ за подписью начальника инженерного отдела, генерал-майора Донец: „Задержаться. До особого распоряжения заняться восстановлением мостов по шоссе в пределах Калушин-Милосна Стара”. На другой день — дополнительное распоряжение: „передвинуться назад по шоссе, район Сельдце — Минск Мазовецкий”.

„Проезжавшие с передовой офицеры рассказывали, что все в порядке: — переправились через Вислу южнее Варшавы, образовали предмостные укрепления для дальнейшего развития боевых действий, но занятые плацдармы не расширяют по причине поступивших „новых распоряжений”.

„В первых числах августа выяснилась приостановка наступления. Воинские части, занявшие Милосну Стару и подошедшие к восточным предместьям Варшавы, не встретив со стороны немцев никакого сопротивления, неожиданно были отведены назад на 20-30 км. В тоже время стало известно о начавшемся в Варшаве восстании под руководством Бор-Комаровского.

„Со стороны политического командования армии последовали „разъяснения” на вопросы: почему мы не используем создавшуюся благоприятную ситуацию, не помогаем повстанцам и не вступаем в польскую столицу. На собрании командного состава докладчик от Политуправления штаба фронта, генерал-майор Телегин заявил: „Польское Лондонское правительство находится в тайном сношении и соглашении с Гитлером и намерено заключить с ним сепаратный мир, в чем имеет поддержку Черчилля. Восстание же в Варшаве — для отвода глаз. Польские паны не желают нашей помощи и союза с нами, и готовы предать свой народ”. В „Красной Звезде” и фронтовой „Красной армии” появляются статьи о „бессмысленности восстания в больших городах в тылу у противника и о том, что варшавское восстание — „ловушка для советской армии”, а затеяно оно без согласования с советским правительством.

„Я имел возможность в эти дни беседовать со своим довоенным другом, помощником начальника оперативного отдела штаба фронта, подполковником Л. Тот подтвердил то, что я до этого лишь подозревал, а именно, что приостановка наступления вызвана не военными, а политическими соображениями. — „Сперва ставилась задача переправиться через Вислу и захватить район Варшава — Модлин. Задача вполне выполнимая в условиях развития наступления”.

„Подполковник Л. далее указал, что вследствие приказа о приостановке подвоза снаряжения, 2-я танковая армия, действовавшая в районе Нарева, осталась без горючего и только слабость противника не повлекла за собою тяжелых последствий и жертв. Между тем базы с горючим находились в непосредственной близости, и горючее не было подано из боязни, что разгорячившиеся танкисты, по своей инициативе, продолжат продвижение и помогут тем самым восставшим полякам.

— „Рокоссовский, — сказал подполковник Л., — был по рукам и ногам связан приказом из Москвы. О том, что поляки поднимут восстание в Варшаве при приближении наших войск, известно было в штабе фронта за неделю до начала восстания, и Рокоссовский сперва выразил мысль: „Мы

войдем в Варшаву 1-го августа, одновременно с началом восстания”.

„Адъютант Рокоссовского уже после войны рассказал: „Рокоссовский получил по прямому проводу приказание Сталина — предоставить восставших варшавян их собственной участи. Несколько позднее в штаб фронта поступил приказ — приостановить наступление на варшавском участке и в районе Варшавы. Приказ этот в подлиннике хранился лично у Рокоссовского. Тот сперва был смущен, а затем на вопросы близких к нему людей отвечал стереотипно, точно заученной у кого-то фразой: „Спешить в Варшаву нам невыгодно. Пусть поляки прочувствуют свою зависимость от действий нашей армии”.

„В сентябре наши войска продвинулись и без труда заняли Милосню Стару и Прагу. По ночам озарялся пламенем противоположный берег Вислы и слышны были сильные взрывы — это немцы подрывали городские кварталы Варшавы и очищали город от остатков повстанцев. Советская артиллерия почти не вела обстрела противника. Немцы не обстреливали наших позиций в Праге и ближайших других местах по восточному берегу Вислы.

„В ноябре на передовой, у местечка Отводск, с густо поросшего соснами „немецкого берега” кричали в репродукторы на польском языке:

„Москва обманула и предала поляков. Генерал Бор-Комаровский сдался в плен и теперь находится на свободе. Призываем поляков восточной Польши и „польских армий” советского бандита Рокоссовского восстать и перейти на сторону германской армии”.

„Имели место засылки с немецкой стороны лазутчиков польского происхождения с заданием уговорить служивших в советской армии поляков не воевать против немцев. Немецкая версия о генерале Бор-Комаровском совпадала с тем, что говорила советская пропаганда, что Бор-Комаровский — „профашист” и служит теперь у Гитлера”...

3. Удар на Бессарабию.

Операция Яссы-Кишинев. Еще успешнее, чем у Конева, пошли дела Малиновского и Толбухина по разгрому Южно-

Украинской германской группы армий. Здесь все было кончено в 2 недели. Эта германская группа состояла из 60 дивизий, но из них только 22 германские, а прочие румынские и венгерские. К несчастью для немцев, танковые дивизии ушли отсюда на север, на помощь группе, атакованной Коневым в районе Сандомира. Здесь же осталось всего 1-2 танковых дивизий.

Малиновский и Толбухин начали наступление одновременно, 20 августа. Малиновский прорвал фронт у Ясс, а Толбухин у Тирасполя, направляя главный удар на те участки фронта, которые занимали румынские войска. При том огромном превосходстве, какое имели Советы в танковых и быстроходных дивизиях, операции развивались с молниеносной быстротой, и окружение крупных войсковых масс было делом пары-другой дней. Впрочем, румынские войска не только не оказали сопротивления, но частью перешли на сторону советов и повернули свое оружие против немцев. Советские же войска концентрическим движением охватили и, к 25 августа, окружили 22 германские дивизии и к 3 сентября покончили с ними, взяв 106.000 пленных, 830 танков, 3.500 орудий, 340 самолетов и 33.000 автомашин.

И в то время как стрелковые дивизии приканчивали окруженных, быстроходные соединения обоих Украинских фронтов (танки, мотодивизии и конница) ринулись на юг, в Румынию, совершенно беззащитную, так как румынские дивизии, бросая фронт, частью рассеялись, частью же просто уходили к себе домой, как сделали это венгры.

Под влиянием этих событий в Румынии 23 августа в Бухаресте произошел переворот. Правительство Антонеску, верного союзника и сторонника немцев, пало, а новое правительство отказалось от союза с Германией и, с согласия короля, предложило перемирие союзникам. Тем временем советское наступление продолжалось. 27 августа захвачены Фокшаны, 30-го Плоешти, а с ними и нефтяные источники, 31 августа взят Бухарест. Это был конец. Румыния сдалась на милость победителей и, мало того, что откололась от Германии, но затем присоединилась к союзникам и выступила против немцев.

Если можно приветствовать победу над румынами и вступление русских войск в Бухарест, то нельзя не возмутиться на Советскую власть, допустившую насилия, совершенные в Бухаресте над несчастным ни в чем неповинным населением. А о том, что там творилось, пишет румынский автор Серванеско вот что: (D. G. R. Servanesko. Ciel rouge sur la Roumanie, стр. 40-42).

„Советские орды в Бухаресте.

„Странное дело, — русские, во время продвижения по Румынии, несмотря на то, что пререворотом 23 августа 1944 года Румыния присоединилась к союзникам, разоружали румынские войска, а людей грабили и раздевали. Не редко можно было встретить румынских офицеров и солдат босыми, в одних сподних рубашах и кальсонах, разутих и раздетых новыми „союзниками”...

„Когда стал известен час вступления русской армии в Бухарест, жители высыпали навстречу с цветами и красными флагами... Но восторг продолжался недолго... Как только советские войска вошли в столицу солдаты стали набрасываться на женщин и насиловать их, а мужчин раздевать и грабить, а при малейшем сопротивлении бить и убивать.

„Чтобы прекратить эти насилия, румынское правительство провозгласило запрет выходить на улицу после 7 часов вечера, хотя русские не стеснялись грабить людей и магазины в течение целого дня. Еще и сейчас население с ужасом вспоминает и дрожит, как русские солдаты кричали: „Давай часы, давай пальто, давай свою хозяйку!”

„Вступление войск состоялось в 10 часов утра через предместья. А 2 часа спустя можно было видеть в центре города тысячи людей, искавших спасения в подворотнях и подвалах домов, окровавленных, в разодранных платьях, кричащих и зовущих на помощь. Женщины, полураздетые или в одних сорочках, преследуемые зверски рычащими русскими, вопили в отчаянии, у многих молодых женщин и девушек были вырваны волосы, лица до крови исцарапаны и распухли, из ран сочилась кровь, на груди, на бедрах, на ногах.. Целые орды варваров гнались за ними, стреляли в них, а если по несчастью кого-нибудь догоняли, то тут же,

на улице валили их в пыль или на тротуар или в подворотни и насиловали десятками солдат, становившихся в очередь... Малейшее же сопротивление стоило жизни. А иногда, из садизма, изнасиловав несчастную и утолив свою звериную страсть, тут же и убивали.

„Мужчины, возмущенные этими гнусными страшными сценами, запирали поспешно двери и баррикадировались, вооружались ружьями, ножами, дубинами, а то и просто стульями, чтобы только не допустить пьяных от страсти и крови банд в свои дома. А те, которых захватили на улице, были раздеты и часто избиты. Больше всего солдаты жаждали, кроме женщин, завладеть часами и драгоценностями. И офицеры и солдаты хвастались, показывая целые горсти браслетов с часами своим менее счастливым товарищам... Всюду раздавались выстрелы, слышался хрип умирающих, моливших о помощи... И такой ужас творился на всех улицах Бухареста...

„А когда румынские коммунисты, в особенности те из них, кто говорил по-русски, пытались вмешаться и спасти своих сограждан, их обезоружили, избili, а то и убили”...

Таков был приход красной армии в румынскую столицу, о чем, конечно, советские власти ни гу-гу, как будто ничего такого и не было... Но это была расплата румын за поход на Россию и за политику Румынии в 1918 году.

Между тем удар, нанесенный Германии выходом Румынии из рядов ее союзников, был не последний. Беда никогда не приходит одна. Действительно, 26 августа Болгария, бывшая до сей поры сателлитом Германии, объявила нейтралитет и вывела из Югославии 6 оккупационных дивизий, а 8 сентября Болгария перешла на сторону Советов и передала им 88 танков и 60 орудий, только что полученных от Гитлера, который надеялся, что Болгария даст ему хотя бы 2 дивизии. В довершение несчастий к середине сентября вышла из войны Финляндия, а на западе разбитые союзниками германские армии едва прорвались и унесли из Франции ноги, понеся огромные потери.

Манштейну пришлось спешно выводить из Румынии уцелевшие германские войска, дабы организовать совместно с венграми новый фронт в Венгрии и на Балканах и так или

иначе остановить или задержать стихийный напор советских войск и их новых союзников.

Выход Румынии из войны, помимо морального удара и потери до 30 союзных румынских дивизий, тяжело отразился на германской армии, ибо она потеряла единственный источник нефти и стала испытывать острый недостаток горючего, что повело к ослаблению работы авиации, танков, транспорта и способствовало конечному крушению фронта.

7. Вторжение в Венгрию. Схема № 15.

Падение Румынии открыло Советам широкие перспективы. Они совместно с Болгарией смогли подать руку главарю восстания в Югославии, коммунисту Тито и общими усилиями очистить Балканы от немцев, в частности Грецию, откуда германская группа ф. Вайкса отходила через Салоники и Далмацию на север, а из Югославии немцы отходили частью в Венгрию, а частью через Загреб к границам Австрии.

Волею судеб в боях за Балканы пришлось принять участие в борьбе с югославскими большевиками, а затем сражаться (при отходе из Югославии на север) совместно с немцами против Советов, Русскому Корпусу ген. Штейфона, состоявшему из русских эмигрантов (живших в Югославии и Болгарии), а отчасти и советских военнопленных, находившихся в Германии и поступивших в корпус добровольцами. Русский Корпус не был союзником немцев, но зависел от них и вынужден был временно итти с ними, прокладывая себе путь на север и сдерживая советские войска аррьергардными боями, дабы не попасть в руки большевиков (и избежать безжалостной расправы) и отдать себя в руки и под защиту англо-американцев. Такую же роль сыграл и казачий корпус ген. Краснова.

Между тем, советские войска, развивая успех после поражения Румынии и продолжая наступление во второй половине сентября и в октябре, вторглись с востока и юга, со стороны Карпат и Венгерской равнины (из Румынии и Югославии) в Венгрию, Подкарпатскую Русь, Восточную Словакию и Югославию.

Самую южную советскую группу представляли войска Толбухина. Он наступал из Румынии через Болгарию (Софию

прошел 16 сентября) и далее вдоль Дуная. Достигнув Белграда 19 октября, он повернул в Венгрию в направлении на оз. Балатон, что к юго-западу от Будапешта, против собранной там для контрудара германской танковой группы.

Севернее Толбухина наступал Малиновский через Бухарест и Плоешти и далее широким фронтом в Венгрии через Сегедин, Дебрецин к Будапешту. Еще севернее Малиновского, прямо через Карпаты и Мукачево (Мункач) и Словакию, к тому же Дебрецину стремилась советская группа ген. Петрова, возглавлявшего 4-й Украинский фронт.

Сюда, к Дебрецину, через который лежал путь отступающим через Трансильванию германским войскам и который хотели перехватить Малиновский с Петровым, германское командование спешно перебрасывало войска.

Еще в сентября, после краха Румынии, в Венгрию ОКВ (Высшее Германское Командование) перебросило 20 дивизий из Польши, Греции, Хорватии, Италии и из других мест, дабы совместно с венгерскими войсками задержать наступление советских армий. В октябре в Венгрию прибыло еще 17 германских дивизий, которые и пытались задержать Красную армию у Дебрецина и на пути к Будапешту и оз. Балатон, причем Советам помогала болгарская армия и партизаны Тито.

Благодаря подвезенным резервам, Трансильванской группе немцев, отходившей с русского фронта, после жестоких боев в конце октября с войсками Малиновского и Петрова, пытавшимися сжать клещи у Дебрецина и Унгвара, удалось выскочить из мешка и проскочить на север к Будапешту.

На всем фронте наступления Советов венгры и немцы дрались отчаянно, и хотя за 1 месяц (с 6 октября по 6 ноября) они потеряли только на юге 42 тысячи пленными, 100.000 убитыми, 1.000 танков и 8.000 самолетов, они все же затормозили операции, так что борьба за подступы к Будапешту, начавшаяся в ноябре, затянулась на весь декабрь.

Здесь, в районе Будапешта и оз. Балатон, немцы собрали группу ген. Фриснера в составе 30 дивизий (10 германских 6-й и 8-й армий, 14 мадьярских и 6 танковых), отбивших все советские атаки. Только под Рождество, после жестоких

боев, советским войскам удалось окружить Будапешт и запереть в нем крупные неприятельские силы.

Вот тут-то и сказались то раздвоение советских сил по двум операционным направлениям (Берлинское и Венгерское), о котором я упоминал выше. Как видим, Советы в Венгрии застряли на несколько месяцев и тем затянули войну на полгода, вместо того, чтобы сильным таранным ударом прорваться через Венгрию и Чехословакию в самое сердце Германии и покончить с нею сразу.

После падения Румынии, из двух операционных направлений стратегически важнейшим и решающим стало Венгерское, а не Берлинское, и если бы войска Конева, особенно его быстроходные и танковые дивизии, бесплодно застрявшие на 4 месяца на Висле, были направлены сюда, на Будапешт, а не на Берлин, война могла бы быть закончена на полгода раньше и без тех жертв, какие потребовала кампания 1945 года.

Вопрос о раздвоении сил вновь встанет в 1945 году при обсуждении планов совместных действий с англо-американцами и, как мы сейчас увидим, будет разрешен столь же двойственно по политическим, а не военным соображениям. Что касается кампании 1944 года, то мы не подводим итогов, так как они сами собой очевидны.

Скажем лишь вкратце, что вся территория СССР была освобождена. Финляндия и Румыния вышли из войны, Болгария откололась от Германии и перешла в стан Советов, Греция освобождена (очищена германскими войсками), Югославия в большей части также, равно как и Венгрия, армия коей была осождена в районе Будапешта.

Все эти удары, совпавшие с разгромом союзниками германских сил на западе во Франции и с изгнанием их из этой страны, так расшатали мораль германской армии, что не оставалось никаких сомнений в скором и окончательном падении Германии. Оставалось лишь нанести ей последний смертельный удар, которые нам и предстоит рассмотреть.

Добавим, что при решении вопроса о выборе операционных направлений, можно было бы, после падения Румынии, остановиться и на Берлинском направлении, но при условии, что все силы, направленные после в Венгрию, бро-

силь на Берлин. Надо полагать, что, после выхода Румынии из войны, Венгрия тоже вышла бы из строя, ибо она воевала только потому, что в ее страну вторглись Советы, по существу же Венгрия, в лице регента Хорти, давно уже стремилась к миру. Имея же весь левый фланг Южного фронта обеспеченный нейтралитетом Румынии и заслоном, можно было главную массу войск всех 4-х Украинских фронтов бросить на Берлин и покончить с ним осенью 1944 года.

IX. КАМПАНИЯ 1945 ГОДА

Схемы № 15 и 16.

До сих пор, как мы знаем, Советы вели войну самостоятельно, не очень заботясь о согласовании своих действий с союзниками. Но к концу 1944 года союзники выбили немцев из Франции и Бельгии и при преследовании их подошли к Рейну, имея свыше 70 дивизий, и отвлекая на себя большие силы немцев. Поэтому в дальнейшем надо было сговориться союзникам с Советами, дабы одновременно и во всяком случае согласованно нанести последний удар немцам.

Это было тем более необходимо, что немцы, воспользовавшись наступившим с октября 1944 года временным затишьем на западном фронте союзников, а также приостановкой советского наступления на границах Восточной Пруссии, на Висле и задержки у Будапешта, собрали в районе Арден ударный кулак (5-я и 6-я танковые армии) и в середине декабря 1944 г. произвели контр-удар, едва не прорвав англо-американский фронт.

Хотя прорыв был к концу декабря остановлен, но все же 6-го января 1945 г. Черчилль, встревоженный ударом, обратился к Сталину с просьбой нажать на немцев, дабы тем самым оказать союзникам содействие для скорейшего упрочения фронта. Черчилль писал:

„...Я буду благодарен, если вы сможете сообщить мне. можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и любое другое время, о которых вы, возможно, пожелаете упомянуть.. Я считаю дело срочным”.

Сталин ответил Черчиллю на другой же день 7 января,

что „...учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкое наступление против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января”...

Это соглашение явилось случайным. Кроме того, оно предусматривало односторонний, а не двойной совместный удар. В дальнейшем, более планомерное соглашение было заключено на Ялтинской конференции в феврале 1945 года. Оно имело в виду двойным ударом с запада и востока раздавить Германию прямым наступлением навстречу друг другу. Но в январе англо-американцы после Арден еще не чувствовали себя в силах наступать, и поэтому удар должны были нанести только Советы.

Для того, чтобы этот удар достиг своей цели, надо было, как сказано, сосредоточить все усилия на одном каком-нибудь направлении, создав сильнейший ударный молот в данном случае на Берлинском направлении (имея в виду обещание Сталина развить наступление по всему Центральному фронту) и отказавшись временно от наступательных операций в Венгрии, тем более, что удар на Берлин являлся решающим и сам собой предопределял исход борьбы в Венгрии и на Балканах.

Но мы уже говорили, что советские власти по политическим соображениям не хотели отказаться от военных операций в Венгрии, что и привело к тому, что Советы не смогли с одного удара достигнуть своих целей ни в Венгрии, где они застряли под Будапештом, ни на Берлинском направлении, застряв в феврале на Одере, несмотря на удачный прорыв фронта под Варшавой. Все это повело к излишней затяжке войны, но зато передало в руки Советов всю Юго-Восточную Европу.

По заявлению Сталина, СССР к 1945 году имел на фронте 400 дивизий, из них около одной четверти танковых и мотодивизий. Немцы к 1 января 1945 года, по сравнению с началом 1944 года, потеряли 50 союзных дивизий (румынских, финских, венгерских), а что касается их собственных

потерь, то по подсчетам Советов, немцы потеряли частью разбитыми, а частью вовсе уничтоженными 136 дивизий. Однако, путем объявления 16 октября 1944 года тотальной мобилизации и создания Volkssturm-а (ополчения), освободившего часть сил внутри по охране страны, немцам удалось частью пополнить, а частью сформировать новые дивизии, так что к началу 1945 года они имели против Советов 220 дивизий, из них на южном фронте (в Венгрии и на Балканах) 60, а на востоке 160. Кроме того, на западе, против союзников 60-70 дивизий, 20 в Италии, 13 в Норвегии и несколько дивизий в Голландии и Дании.

Из сравнения цифр видим, что немцы были вдвое слабее Советов, не говоря уже о танках, артиллерии и авиации, продукция коих, подорванная налетами, значительно упала и во много раз уступала советской.

По словам Гудериана, на всем восточном (советском) фронте немцы в январе 1945 г. имели в резерве всего 12 с половиной дивизий, главным образом танковых. Но что значили эти 12 дивизий в сравнении с ударным советским молотом в 100 дивизий? Составляя планы на 1945 год, Гудериан признает, что, если Советы прорвут одним мощным ударом восточный фронт, то он неминуемо рухнет, ибо отразить этот удар было в сущности нечем. При таких условиях крах Германии стал неизбежным.

Фронт шел от Тильзита по восточной границе Восточной Пруссии, на Сувалки, далее по Нареву, через Варшаву по Висле на Сандомир, Кросно и затем через Карпаты к Будапешту. Для наступления были предназначены 7 советских фронтов, а именно:

1. Для удара на запад, на Берлин, против трех германских армий в Польше (Армейская группа „А“):

а) 1-й Белорусский, возглавляемый специально для сего назначенным Жуковым, должен был наступать на Варшаву, Познань, Кюстрин, Берлин.

б) 1-й Украинский (Конеv) — обеспечивать и поддерживать Жукова с юга, наступая от Сандомира на Одер (центром на Бреслау), а частью сил на Краков, Катовице.

2. Для удара на Восточную Пруссию, против Армейской группы Центра:

а) 3-й Белорусский (Черняховский) — наступать с Немана в западном направлении на Кенигсберг, Данциг.

б) 2-й Белорусский (Рокоссовский) — наступать с юга на север, от Нарева на Млаву и устье Вислы, на Мариенбург.

3. Для удара на Словакию (связь Берлинского направления с Венским):

4-й Украинский (Петров) наступать на Бялу, Закопане, через Западные Карпаты.

4. Удар на Будапешт — Вену, против Армейской группы Фриснера.

а) 2-й Украинский (Малиновский) — наступать в западном направлении на Будапешт и Словакию (совместно с 4-м Украинским).

б) 3-й Украинский (Толбухина) — наступать с юга на север из Венгрии на Вену.

Наступление на главном, Берлинском направлении должно было начаться 12 января, а в Восточной Пруссии двумя днями позже. Что касается трех Балтийских фронтов, то войска их были скованы Балтийской (Курляндской) группой немцев, где шли непрерывные, но безрезультатные бои.

1. „Вот она — проклятая Германия”.

Прежде чем перейти к обзору операций, приведем выдержку из книги Б. Ольшанского („Мы приходим с востока”, Возрождение кн. 26-я, стр. 89-90), где он в главе „Вот она — проклятая Германия” рисует психологическую подготовку январской операции и разжигание страстей. Вот что он пишет:

„В январе (1945 г.) перед войсками, задержавшимися у Вислы и Нарева, была поставлена задача: сделать предстоящее наступление последним, закончив его у стен Берлина, т. е. сделать на пространстве от Остовца до Сандомира прыжок на глубину от 500 до 700 километров. Задача огромная, но выполнимая. Гитлеровская Германия задыхалась в тисках западного, восточного и южного фронтов. Ее союзники отпадали один за другим. На улицах Бухареста и Софии советские солдаты впервые вкушали сладость вина и легкой жиз-

ни. Словакия, большая часть Венгрии были потеряны и, главное, — еще в ноябре повергнут был черный имперский орел на границах коренной немецкой земли — Восточной Пруссии. Оттуда день и ночь доносился запах гари и дыма.

„Тихие месяцы — август-декабрь были умело использованы маршалами Жуковым, Коневым и Рокоссовским на укрепление, вооружение войск, концентрацию на исходных позициях колоссальных людских и технических резервов, снаряжения в новый бой советского „бога войны” — артиллерии. Учили все до последних мелочей, разработали точные, непреложные сроки занятия коммуникационных пунктов, ведущих к центру Германии. Учили и десяток раз взвесили, решающий фактор победы-ненависть русских людей к врагу и желание покончить с войной.

„В Политуправлении решили действовать по поговорке: „кашу маслом не испортишь”, и в день наступления выпустили единственное в своем роде воззвание к войскам. В нем говорилось: „Советский солдат... Ты стоишь на границах проклятой Германии, страны, которая принесла тебе, твоей семье, Родине столько крови, горя и слез. Отомсти, советский солдат. Сделай так, чтобы вторжение наших армий запомнилось не только сегодняшним немцам, но и их отдаленным потомкам. Чтобы в Германии на памяти поколений остался страх перед нами. Помни, что все, что имеют немецкие ублюдки — это твое, награбленное у тебя или у других народов, вскормленное и нажитое на крови и поте даровых, отовсюду согнанных фашистским фюрером рабов. Иди с поднятым мечом, не имей сожаления в сердце, освободи томящихся в немецком рабстве жен, детей, матерей. Стоны миллионов доносятся до тебя. Народы Европы ждут своих единственных избавителей от произвола и смерти”.

„Во всех воинских частях пропагандисты читают новые статьи Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, Кригера, в которых вся Германия, весь немецкий народ именуется „скопищем бандитов и извращенных преступников.

„...Мечется в животном страхе взад и вперед по разбомбленной Германии жадная немецкая свора. Ищет убежища в горах Шварцвальда, ловит аргентинские визы, пробует спа-

стись у Франко. Час искупления близок.. „упорно, всякими способами играют на чувстве личных потерь, усталости от долгой разлуки с семьей, национальной обиды, на добром порыве помочь униженному — разжигает слепая злоба, презрение ко всему, что звучит по-немецки. „Немецкий народ сегодня перестал быть народом Гете и Шиллера, Моцарта, Бетховена. Немецкий народ сегодня дал человечеству людоедов Гитлера и Гиммлера. Немецкий народ превратился в коричневую чуму, несущую миру смерть и разрушение“... — „Пройдут годы, — пишет Алексей Толстой, — и человечество поставит памятник Герою Советского Союза Мамедову, убитому в одном бою 70 немцев. На цоколе этого памятника будет выбито: „Великому гуманисту“.

„Циничность возводилась в доблесть: „Труп врага пахнет приятно“. Упорно, усердно повторяется: „Увидишь немца — убей его...“ Начинается наступление — и снова сознание солдата, уже опьяненное военным разгулом, отравляется науськиванием: „жирная фрау Минна — это она избивала по щекам твою сестру“, „розовенький сытый Фриц — это он допрашивал твоего пленного брата“, „если немец заискивает, дрожит, просит пощадить его, падает на колени, — не верь, не щади его — бей без промаха“. Вместо патриотизма — страшный оскал человеконенавистничества...”

„Выполнение задачи — „добить врага“ — делится между Первым, Вторым Белорусскими и Первым Украинским фронтами и маршалами Жуковым, Рокоссовским и Коневым. Их поддерживает справа — генерал армии, любимец солдат, Черняховский, с направлением на Кенигсберг, слева — войска маршалов Толбухина и Малиновского. 14 января по войскам читается приказ Жукова...”

Такова подготовка, а теперь проследим ход операций.

2. Берлинское направление. (Жуков имел 39 стрелковых дивизий и 7 танковых корпусов. Конев — 41 стрелковых дивизий и 7 танковых корпусов). Жуков и Конев начали наступление одновременно после сильнейшей артиллерийской подготовки. Прорвав целый ряд укрепленных линий, Жуков уже на 6-й день операции, 17 января взял Варшаву, а 19-го —

Кутно. Отсюда одна колонна танков свернула на Бломберг (Быдгощ), который и взят 23 января, а главная масса устремилась на г. Познань и, осадив в нем Познанский гарнизон, в конце января направилась к Кюстрину на Одере, где в феврале и завязались бои, задержавшие надолго Жукова, так как он здесь прорваться и сломить отчаянное сопротивление не мог, в то время, как правофланговая колонна взяла 14 февраля Шнейдемюле и двинулась далее к устью Одера, на Штетин.

Так же успешно прорвал германские позиции на Висле у Сандомира и Пулавы Конев и, отбив у Кельцы и Радома яростные контр-атаки немцев, потерявших здесь до 70% своего состава, 21-го января уже подошел к Бреслау на Одере, где встретил отчаянный отпор. Свернув здесь на юг, он захватил Силезский промышленный район и, вытеснив отсюда немцев, отбросил их после упорных боев за р. р. Одер и Нейссе, а затем 13 и 16 февраля осадил крепости Глогау и Бреслау, и 24 февраля взял Оппельн. Здесь, на Одере, советские войска Конева, как и Жуков у Кюстрина и Штетина, задержались до апреля, отбивая ожесточенные контр-атаки немцев.

Советский генерал-майор Замятин в публичной лекции в Москве, прочитанной после войны и напечатанной затем в особой книжке под заглавием „Удар небывалой силы“, освещает события так:

„...Крупные соединения советских танков сыграли исключительно важную роль в январских наступательных операциях советской армии. Мощными клиньями врезались они в расположение неприятельской обороны, осуществляя стремительное преследование отходивших немецких войск, громили с хода неприятельские резервы, пытавшиеся занять для обороны промежуточные оборонительные рубежи.

„Если в 1943-1944 г.г. немцы пытались остановить или замедлить наше наступление применением так называемой „эластичной“ обороны, то в 1945 г., убедившись в несостоятельности этой обороны, они пытались прибегнуть к другим мерам, а именно к созданию глубокой оборонительной зоны, в которой должно было, по мнению немецкого командования, „захлебнуться“ наше наступление.

„Немецкое командование предполагало, что оно сможет задержать наступление советских войск на Висле, опираясь на сильную оборону на западном берегу реки (как мы знаем, Гудериан думал иначе, и на это не надеялся. В. З.). На тот же случай, если этот рубеж не выдержит наших ударов, дальнейшее продвижение советских войск должно было быть остановлено на одном из многочисленных рубежей, которые германское командование заблаговременно подготовило западнее Вислы, превратив всю пятисоткилометровую полосу местности между Вислой и Одером в сплошную оборонительную зону с семью основными и большим количеством промежуточных оборонительных рубежей.

„Гитлеровское командование строило свои расчеты на том, что в случае прорыва нашими войсками вислянского рубежа, для обороны последующих рубежей будут использованы войска, отходявшие от Вислы на запад, и резервы, которые германское командование успеет за время боев на Висле перебросить с других участков советско-германского фронта и из Западной Европы. Однако и здесь расчеты немецкого командования не оправдались..., ибо фронт был прорван, а резервы разгромлены на марше.

„Обильно снабженные автотранспортом, пехота и артиллерия могли установить тесное взаимодействие с танковыми соединениями на всех этапах наступательной операции, несмотря на ее стремительные темпы.. Следует отметить, что нами была полностью разрешена проблема питания стремительно наступавших войск, в том числе и в первую очередь подвижных соединений, горючим, боеприпасами и всем необходимым для боя. К этому следует добавить, что тыловым органам советской армии приходилось работать в весьма сложной обстановке, когда большинство железнодорожных линий, мостов через большие реки были разрушены немцами при отступлении, оставшиеся же неразрушенными железнодорожные пути при продвижении наших войск на запад не допускали сквозного движения и требовали либо перешивки на единую колею, либо организации переволочных пунктов”. „Но мы, — закончил Замятин, — со всеми этими затруднениями справились и преодолели их блестяще”.

В итоге фронтальных ударов германская Армейская групп-

па „А” была раздроблена на куски, которые в ходе сражения уничтожались и брались в плен. Как велики были германские потери и с какой ожесточенностью и упорством велись бои, можно судить по тому, что менее чем через 2 недели после начала операции, а именно 24 января, Советы сообщали, что за эти 12 дней немцы потеряли 295.000 убитых, 86.000 пленных, 3.000 танков и 600 самолетов. А в результате операций 35 германских дивизий было разбито и уничтожено Жуковым и 30 Коневым. Это опровергает версию, что немцы, якобы, сдавались охотно и легко и что наступление Советов не встретило особого сопротивления. Успехом они обязаны огромному превосходству сил и в особенности танковому.

Тем не менее советское наступление захлебнулось, и в середине февраля операция приостановилась, так и не доведенная до конца и не достигшая конечной цели, хотя от Кюстрина до Берлина было рукой подать, всего 60 км. Войска Жукова и Конева, пройдя меньше чем в 3 недели от Вислы до Одера и местами углубившись более чем на 500 км. (у Кюстрина и Штетина), застряли на Одере на 2 месяца, оказавшись не в силах преодолеть те самые затруднения, о коих Замятин говорил, что советская армия блестяще с ними справилась. Тыл заставил фронт остановиться. Но и не только тыл. На фронте не хватило сил, чтобы преодолеть сопротивление на Одере и эта нехватка объясняется излишней разброской сил, вызванной раздвоенностью целей. Огромное превосходство сил хватило лишь для первого удара, а при втором ударе (на Одере) этого превосходства оказалось недостаточно.

Для того, чтобы справиться с возникшими затруднениями, а равно, чтобы преодолеть отпор немцев, Советам понадобилось ровным счетом 2 месяца, и они вынуждены были ждать и стоять, и это как раз в тот самый решительный момент, когда союзники, прорвав фронт на Рейне в начале марта, широкой лавиной неудержимо хлынули в Германию.

3. Что произошло в действительности? „Грабь награбленное!...”

Объяснение происшедшей задержки дает тот же автор

Б. Ольшанский, который по поводу этой операции пишет такие потрясающие подробности, что я не могу не привести целиком это захватывающее описание картины, не нарушив ее цельности. Вот что он пишет (там же, Возрождение, кн. 26-я и 27-я.

„...Ревет артиллерия, и массы танков и пехоты устреляются вперед. Тонкая цепочка вражеского кордона не может составить препятствия, немцы спешат уйти за Одер, оставляя лишь кое-где, на стыках путей, очаги сопротивления, в надежде хоть как-нибудь задержать ход железной лавины. Идет борьба в Познанской крепости, недолго защищается Торн. Напрасно, — основные массы советских солдат не останавливаются у их стен и спешат дальше, проходят в несколько дней Западную Польшу и перешагивают границы Третьего Райха. Лавина движется стремительно: в первых числах февраля форсирован в нескольких местах Одер, и отдельные группы танков находятся в 50-60 километрах от Берлина. Одна из них продвигается к Котбусу...

„Катится лавина мстителей, — но что это? — стройное движение нарушается, наступающие колонны колеблются, пошатываются то вправо, то влево. С противоположного, немецкого берега Одера, в предрассветном тумане неясно виднеются их очертания, слышится нечленораздельное мычание, сдавленные стоны и выкрики... Лавина продолжает двигаться, но как-то неуверенно, в ее, еще вчера непробиваемо плотной, массе появляются разрывы... Происходит что-то непонятное, — воинский строй сорван, и то там, то здесь слышно пение пьяных голосов... До берегов разлившегося Одера добегают поредевшие толпы, останавливаются, начинают поспешно окапываться... Что же произошло?

„После окончания строительства вислянских мостов я должен был пробыть еще некоторое время в Варшаве, и только 18-го февраля смог направиться на Запад догонять свою часть. Не доезжая Познани, в небольшом фольварке находился командир батальона, ожидавший здесь похода с Кутно по железной дороге материальной части батальона. Наши роты уже в Германии, заканчивают строительство моста в Ландсберге на Варте. Узнаю, что предстоит ехать на

Одер, на один из западных плацдармов. Странно, почему комбат не стремится быть вместе с ротами? Впрочем, свою походную подругу Галю он отправил вперед с ординарцем Слонкиным.

„В фольварк прибывают еще 2 офицера — юный Миша Евстафьев и Сергей Бутлицкий. Один из хозяйственной командировки, другой из Познани, в которой идут еще бои. Миша рассказывает: „Я с сержантом Курицыным в фольварк у Гнезена заехал. Хозяин немец. Дочка молоденькая и хорошенькая. Все плачет. Я спрашиваю, в чем дело? — Молчит. Я не отстаю, кое-как по польски, по немецки. Курицын говорит: не удивляйтесь, товарищ лейтенант, ее наши бойцы обидели. Я говорю Курицыну: выйди во двор, нечего тебе тут вертеться. Он вышел, а я стал жалеть ее, заговаривать, ну и... Хорошенькая такая...” — заканчивает свой рассказ Миша, — „Товарищ лейтенант не все знает... Он с сожалениями, а я так просто — встретил Эллу в темном коридоре, и без насилия, без пистолета, но и без особых разговоров.. Чего тут разговаривать, результат-то один”... — дополняет в тот же вечер Мишу сержант Курицын. — „В Познани все бьют в куски, — рассказывает Бутлицкий. В немецких квартирах хозяев нет, разбежались. Заходит наш Иван, видит — кругом блестит: хрусталь, зеркала, паркет. Размахнется: тр-р-рах по роялю, дз-з-зынь — по стеклянной витрине, по хрусталу, по вазам... Я пробовал одного остановить, а он мне: ты что? немцев любишь? — Лучше молчать. А жаль: много добра пропадает. Хорошо бы было организованным порядком погрузить, да в Россию, в фонд пострадавшим от войны. И затем разделить. Честно, толково раздать. А что наши трофейные команды делают, транспортные батальоны?.. — Нет, никогда не будет толка”... сокрушается Сергей.

„Узнаю еще одну подробность: с переходом германской границы „исчез” уполномоченный СЕМРШ-а Котов. Он по заданию Особого Отдела Штаба фронта где-то разъезжает и что-то делает. — „Нацистов выявляет, — предполагает Бутлицкий, — приятное занятие”... Немецкий беженец из Каттовиц рассказал мне впоследствии следующее: „Когда пришли ваши войска, нас — всех немецких мужчин, старики

оставались главным образом, — вызвали в комендатуру. Допрашивал какой-то хауптман. Спрашивал не нацисты ли мы? А когда мы отрицали это, — бил резиновой палкой по пальцам. На меня очень рассердился, потому что я упорно не хотел на себя сказать неправду, а потом дверью руки зажал... Я потерял сознание"... В подобных процедурах наверняка участвовал Котов..."

Таковы нелицеприятные показания Б. Ольшанского. Это живая правда... Но если подобным зверствам и есть объяснение в том, что это была расплата за зверства немцев, совершенные в России и против русских, то они привели к результатам, с военной точки зрения, недопустимым: масса „зашаталась"... Дорвались до спиртного, до беззащитных женщин, до всякого добра. Грабь награбленное!... Бей, пей, ешь, насилуй и грабь!. Какое уж тут наступление? Преступная, разбойная пропаганда сделала свое дело, удар был сорван, операция захлебнулась, затянув на 3 месяца войну...

Ольшанский далее пишет:

„...Чем больше я наблюдал то, что, кем и как творилось, тем яснее и отчетливее для меня становились причины, отправные пункты, постигшей нашу армию беды, да, именно беды, бедствия (хотя на первый поверхностный взгляд расплачивались за эту беду немцы) — и истинные провокаторы, виновники этого бедствия.

„На поля Европы пришел смертельно измученный войной, похоронивший в этой войне последние остатки жизненного благополучия человек, котрому вечно ничего не позволяли, а теперь вдруг, хотя и не приказали, но сказали: — „все это твое, у тебя награбленное, бери, не стесняйся" и „за око вырви два ока, за зуб — два зуба" (Илья Эренбург). А в отношении насилий над женщинами, тем же Эренбургом был сделан прозрачный намек: „немецкие женщины так уж выдрессированы, чтобы услаждать победителей. Победителями, правда, оказались не те... „Что стоил после этого ханжеской совет — „пренебрегать немецкими шлюхами"?

„Не бесполезная фактическая справка: ударные армии, вторгшиеся в первые немецкие земли, в значительной своей

части (до 40%) были укомплектованы личным составом бывших штрафных частей. В свою очередь штрафные батальоны составлялись отнюдь не из одних политических или просто дисциплинарно-неблагонадежных, как Бутлицкий, людей, — в них попало немало криминальных элементов, т. е. лиц, до войны или в процессе войны имевших судимость за чисто уголовные преступления (убийства, вооруженный грабеж, воровство). Советское правительство еще до начала войны выпустило из мест заключения и отправило на фронт тысячи рецидивистов. Указанный состав штрафников, они как правило, отличались храбростью, ловкостью и, естественно, жизненным цинизмом и жестокостью. Эти качества были практически поощрены награждением орденами и переводом в состав „армии вторжения“.

„В истории наступления „до Одера“ имеется одна сторона, повернувшаяся было, невыгодно для советского командования... В результате выполнения лозунга — „Вот она — проклятая Германия“ — сорвался первоначальный план — максимум: взять уже в феврале-марте германскую столицу, опередив союзников на 2 месяца. Что именно в этом разрезе ставился план, можно убедиться из анализа Жукова и различных воззваний штаба фронта. Выпущены были тысячи цветных плакатов, изображавших молодого советского воина на дымящихся руинах „Унтер дер Линден“ с надписью: „Мы пришли в Берлин“.

„Взять Берлин... Взять Берлин... Взять Берлин“... — говорили все передовые армейских газет. Позднее мне удалось получить свидетельство, исходящее из ближайшего окружения маршала Жукова, о том, что действительно существовала директива Сталина — „освоив прорыв немецкой обороны и тактический разгром неприятельских группировок в районе Западной Польши, при благоприятных условиях развить наступление и, не ограничиваясь линией Одер-Нейссе, вторгнуться в провинцию Бранденбург и при поддержке с флангов соседних фронтов (когда имелся, главным образом, расчет на фронт Рокоссовского) — занять Берлин. „Оценка материальных возможностей выполнения задачи, данная Жуковым, была положительной. „Вакханалия бесчинств свела однако на минимум оперативные восторги, и

счастье наше, что противник так или иначе, уже находился при последнем издыхании; шутливая поговорка „там, где начинается авиация — кончается дисциплина”, — могла быть теперь применена ко всем родам войск. Известно, что из воинских соединений первого эшелона 5-й и 8-й ударных армий, в момент выхода к Одеру, отсутствовало до 30% личного состава. Некоторые части пришли полностью в небоеспособное состояние — по донесениям штабов и органов разведки „из-за повального пьянства и мародерства”. Некоторые подразделения по тем же причинам опоздали в путь, и местонахождение их подолгу оставалось неизвестным. По воинским соединениям второго эшелона картина была еще хуже.

„Маршал Жуков в двадцатых числах февраля призвал войска: „Смотрите, чтобы из-за 'подола немецкой девки вы не просмотрели того, зачем послала вас Родина”. Появляются приказы Военного Совета и самого Сталина. В первом вся вина за мародерство и насилия возлагается на тыловиков, лиц, освобожденных из плена, и на вражескую агентуру. Сталин, умалчивая о допущенных преступлениях, выражается утилитарно: „жестокое обращение с немецким населением нам невыгодно, так как увеличивает сопротивление немецкой армии”...

4. Наступление на Восточную Пруссию.

Пока Жуков и Конев наступали в западном направлении, Черняховский и Рокоссовский 14 января вторглись в Восточную Пруссию, где немцы собрали группу Рейнгардта до 40 дивизий, в том числе лучшие танковые дивизии 3-х армий. Черняховский в составе 25 стрелковых дивизий и 5 танковых корпусов наступал с востока на фронт и в обход с севера Мазурских озер, а Рокоссовский с такими же силами (25 стрелковых дивизий и 5 танковых корпусов) наступал с юга на север (с Нарева к Данцигу, в обход озер с запада), повторяя маневр 2-ой армии ген. Самсонова в августе 1914 года, дабы выйти к морю у Данцига, в тыл Кенигсбергской группе и отрезать Восточную Пруссию, что ему и удалось.

Уже 26 января Рокоссовский выполнил свой сложный оперативный маневр, благодаря быстроходным танкам, срав-

нительно легко преодолевшим те препятствия, какие в 1914 году оказались не под силу пехоте и привели к гибели армию Самсонова. Ныне он был отомщен, а памятник Таненбергской победы, воздвигнутый в честь победы над Самсоновым и разгром его армии, в котором покоился прах победителя фельдмаршала Гинденбурга, был спешно немцами снят и с прахом почившего народного героя вывезен вглубь Германии, чтобы не достался русским. Однако Данциг пришлось осадить и провозиться с ним больше месяца. Он пал только 2 марта, сдавшись со всем гарнизоном в 100 тысяч человек.

Черняховский же встретил жестокий отпор, и ему лишь через две недели (27 января) удалось с тяжелыми боями дойти до Кенигсберга, в районе которого он с помощью Рокоссовского запер и осадил германскую группу до 30 дивизий, причем сам в бою был убит и заменен Василевским. Осада затянулась до апреля, но штурмом 6-9 апреля крепость была взята, а гарнизон Кенигсберга в составе 93.000 человек сдался. Впрочем, отдельные опорные пункты продолжали бой и сложили оружие лишь по перемирию 8 мая.

5. Наступление на Словакию.

4-й Украинский фронт Петрова (в составе 37 стрелковых дивизий и 3 танковых корпусов), действуя в связи с правогофланговыми частями 2-го Украинского фронта Малиновского, начал наступление одновременно с Жуковым и Коневым, но в тяжелой обстановке горно-лесистой местности Карпат (Татры), продвигался медленно и в конце января дошел до линии Бяла-Закопане, где и застрял.

Советы считают, что в период зимних операций (январь-февраль) немцы потеряли на всех фронтах до 800.000 убитыми и 350.000 пленными, более 4.500 танков и штурмовых орудий, 12.000 орудий разных калибров и до 300 самолетов. Вот жуткие итоги. О своих потерях Советы, как обычно, не говорят, обошел их молчанием в своем докладе и Замятин.

Голиков добавляет (стр. 213):

„К 23 февраля 1945 года наша доблестная армия с упор-

ными боями продвинулась от границ Восточной Пруссии до Нижнего течения Вислы — на 270 км, с плацдарма на Висле южнее Варшавы до нижнего течения реки Одера — на 570 км, с Сандомирского плацдарма вглубь немецкой Силезии — на 480 км.

6. Наступление на Будапешт.

Пока шли бои на Берлинском направлении и в Восточной Пруссии, Малиновский и Толбухин продолжали борьбу за Будапешт, осажденный под Рождество 1944 г., и за подступы к Вене (Дунаю). Будапешт пал лишь 15 февраля, причем сдалось в плен 110.000 бойцов, после чего Венгрия вышла из войны.

На Дунае же бои затянулись до весны, и только в апреле были взяты Братислава (словацкая) 7-го, а Вена 13-го апреля, после чего войска повернули на Чехословакию, для ликвидации, совместно с войсками Конева, германской группы Шернера, которая и сдалась при капитуляции Германии 8 мая.

Для лучшего понимания обстановки и группировки германских сил в феврале 1945 г., когда советский удар затормозился на Одере, а на западе англо-американцы еще не перешли Рейна и вели бои лишь за подступы к нему, привожу краткую выдержку из книги ген. Гудериана, возглавлявшего в ту пору Ставку и бывшего ближайшим докладчиком Гитлера "Erinnerungen eines Soldaten", стр. 373). Он пишет:

„В первых числах февраля 1945 года обстановка на востоке и западе складывалась грозно. На востоке положение было таково:

1) Курляндская армейская группа, в составе 16-й 18-й германских армий, 20 пехотных дивизий и 2 танковых дивизий, вполне боеспособных и стойких, все еще оставалась в северном углу Курляндии, вопреки моим стремлениям возможно скорее очистить Курляндию и перевезти эту группу в Германию. Гитлер до сих пор разрешил взять оттуда лишь 4 пехотных и 1 танковую дивизию.

2) Армейская группа Севера была оттеснена в район Кенигсберга и прилегающий район. Она, как и Курляндская

группа, снабжалась морем и воздушным путем. Ее 19 пехотных дивизий и 5 танковых сильно поределели; к ним присоединились остатки других дивизий.

3) **Армейская группа Вислы** жидкой линией занимала фронт от Вислы (между Грауденцом и Эльбингом) через Дейч-Кроне и далее к Одере на участке Шведт-Грюнбег. В ней состояло 25 пехотных и 8 танковых дивизий.

4) **Армейская группа Центра** тянулась через Силезию до Карпатского хребта. Севернее и южнее Бреслау русские овладели переправами на Одере. Силезский промышленный район был потерян. Эта группа имела до 20 пехотных дивизий и 8½ танковых.

5) **Армейская группа Юга** между Карпатами и р. Дравой имела 19 пехотных и 9 танковых дивизий.

На Западе фронт, после краха Арденского контрудара, тянулся по линии Зигфрида, западнее Рейна, а частью по Рейну.

В общем на Восточном фронте имелось 103 слабых пехотных дивизий и таких же слабых 32½ танковых дивизий, а на Западе — 65 пех. и 12 танковых дивизий, из коих 4 подлежали переброске на Восточный Фронт”.

Итого, по данным Гудериана: 135 дивизий на востоке против 400 советских (т. е. втрое меньше) и 77 на западе против 80 (а в конце войны 90) дивизий союзных. Если цифры Гудериана не совсем точны, все же при таком перевесе сил что можно было ожидать?

Сравнивая германские силы в феврале 1945 г. с теми, какими немцы располагали в начале 1945 г., до начала январского советского наступления, видим, какие страшные потери понесли немцы как от советского удара, так и от того, что с падением Будапешта Венгрия вышла из войны и сложила оружие. Вот в каком соотношении находились силы сторон ко времени предстоявшей последней схватки, которая должна была завершить эту войну.

7. Удар на Берлин. Схема № 15.

Последняя операция Жукова с Коневым началась 16 апреля. К этому времени союзники на западе, прорвав в начале марта Рейн (случайным захватом неповрежденного мо-

ста у Римагена), устремились к сердцу Германии, на восток, к Берлину, на юго-восток, в Баварию и Австрию, и на северо-восток, через Голландию на Ганновер, Данию и далее. Хотя англо-американцев от Берлина отделяло (считая от Рейна) 500 км. а Красную армию всего 60 (от Кюстрина), все же быстроходные части англо-саксов двигались столь быстро, что Советское командование, из опасения, что союзники предупредят их во взятии Берлина, поспешило само нанести удар.

На самый Берлин были нацелены дивизии 1-го Белорусского фронта маршала Жукова. Севернее Жукова должны были наступать войска 2-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского, которые, закончив ликвидацию восточно-прусской группировки противника, выходили на Одер и имели задачей прикрыть своим левым флангом правый фланг армий, берущих Берлин. А южнее 1-го Белорусского фронта наступал 1-й Украинский фронт (войска маршала Конева), с тем, чтобы позже ударить частью своих сил на Берлин с юга, в то время как Рокоссовский ударит с севера, и таким образом Берлин окажется под ударами с трех сторон.

По данным С. Голикова (стр. 226):

„Советские войска, участвовавшие в штурме Берлина, имели 41.000 артиллерийско-минометных стволов, 8.400 самолетов, более 6.300 танков и огромное количество других видов вооружения”.

Сосредоточив на Берлинском участке фронта такую массу орудий, Жуков страшным ударом прорвал фронт на Оudere, окружил Берлин обходными танковыми колоннами с севера и с юга и пошел на штурм укрепившегося города, который Гитлер приказал защищать до последнего человека.

Этот штурм превратился в кровопролитнейшее и совершенно безрассудное и бесцельное сражение, вернее, побоище (потому что ничто уже не могло спасти города), длившееся до 2 мая, когда, наконец, отчаянное сопротивление берлинцев было сломлено и последние части гарнизона сдались.

Как известно, Гитлер во время этой осады сидел в своем

подземном убежище в Берлине, все еще на что-то надеясь и полагая, что его присутствие в столице придает силу ее защитникам, хотя он из своего подполья никуда не выходил, войскам и населению не показывался, на фронте и в передовой линии ни разу не побывал, а берлинцы и без него сражались как львы за каждый квартал и каждый дом. И только когда город пылал в огне бомб и пожаров, а уличные бои близились к его норе, Гитлер понял, что все пропало, и 30 апреля принял яд, не желая попасть живым в руки ненавистного врага.

После его смерти бои на фронтах продолжались еще неделю. Но это была уже агония: наступавшие с Рейна англо-американские войска встретились 27 апреля у Торгау (западнее Берлина) с советскими, Германия оказалась разделенной надвое, и окруженным остаткам германских армий не оставалось ничего иного, как сдаться на милость победителей, что они и сделали, заключив перемирие 8 мая. Война кончилась.

Х. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Сталин в своей речи 1 мая 1945 года заявил, что только за последние 3 месяца войны на русском фронте немцы потеряли 1 миллион убитыми, 800.000 пленными, 12.000 танков и автобоевых машин, 23.000 орудий и 6.000 самолетов.

Но это не все. При капитуляции в плен попало: к Советам до 3 миллионов, а союзникам сдалось свыше 8 миллионов. Конечно, не все военнопленные были бойцами, но все же огромное количество сдавшихся поражает своей цифрой. Германия мобилизовала колоссальные силы. Гитлер, выказавший себя в первые 2 года Мировой войны гениальным стратегом-полководцем, в величии своем потерял меру и после своих блестящих побед в Польше, Норвегии, во Франции и на Балканах, вел войну в России, с военной точки зрения, безрассудно, а с политической и расовой — позорно и преступно, для германского же народа погибельно. Он мог бы выйти из беды более или менее благополучно и во всяком случае более достойно, если бы не чудовищный „орднунг“, повелевавший умереть, но не отступать, вследствие чего бесплодно погибли лучшие войска. Казалось бы, опыт Сталинград должен был чему-то научить. Нет, ибо горбатого могила исправит.

Если 1943-й год поражает большим количеством тактических „котлов“ и бессмысленно погибшими жертвами, то 1944-й год дает ужасающие цифры. Немцы потеряли почти 2 миллионов убитыми, и при том без всякой пользы для дела; лучшие бойцы погибли в окружении, устлав Россию своими костями, а по десятками тысяч их кладбищ Сталин, как го-

ворят, приказал прокатить танки, чтобы стереть с лица земли всякие следы гевтонского нашествия. Вот краткий итог Гитлеровской политики и его способа ведения войны в России.

Во имя чего погибли эти люди, доблестно исполнившие свой долг? Во имя бессмысленного, вернее, преступного „орднунга“, не допускавшего ни шагу назад, когда закон войны требовал отхода. Мы уже видели, что число убитых в 2-3 раза превышало число сдавшихся в плен. Что может быть красноречивее этих цифр? Если бы эти 2 миллиона бойцов отошли на свои границы, вместо того, чтобы бесплодно погибнуть в России, Германия не потеряла бы веры в себя, и даже в тяжких условиях борьбы в 1945 г. и в последующие годы могла бы еще успешно сражаться и затянуть войну, чтобы добиться не позорного, а приемлемого мира, после которого вряд ли политическая обстановка сложилась бы во всем мире так безнадежно и грозно, как в итоге полного поражения немцев и торжества большевизма она сложилась вслед за окончанием войны. Атомные бомбы ничего бы не изменили, да их в ту пору всего было две штуки у американцев, и оне бы Германию не устрасили.

Стратегия удушения Германии посредством разрушения ее промышленности воздушными атаками не достигла цели, как не удалось поставить на колени германский народ разрушением его важнейших городов. Первая идея принадлежит американцам, вторая англичанам, которые и настояли на том, чтобы главные усилия были направлены на разрушение городов. Но что из этого вышло?

Военная продукция Германии к концу войны выросла, несмотря на разрушения, почти вдвое против 1940 года, а Советы захватили в Германии после войны столько запасов и сырья, что по мнению советских специалистов (спешно после заключения перемирия присланных в Германию для учета военной добычи, всяческих материалов и заводского оборудования), они хватили бы на несколько лет войны. Факт неудачи попыток подорвать промышленность Германии подтверждает и Фуллер.

Только разгромом живых сил страны, т. е. ее армии, удалось сломить волю немцев к борьбе и заставить их сдать-

ся без всяких условий, и эту задачу выполнила главным образом Россия, вынесшая на себе и главную тяжесть борьбы, особенно в первые годы. Надо, конечно, воздать должное и союзникам, и в первую очередь США, без помощи коих было бы трудно выиграть войну (особенно после страшных поражений 1941 и 1942 г.г.), и которые отвлекли на себя в последний год войны целую треть германских сил, но все же главная заслуга союзников не в уничтожении живых сил армии, а в поставке Сов. Союзу технических средств, без коих войны вести нельзя.

Своей технической, финансовой и материальной помощью союзники помогли советскому генеральному штабу и руководимой им армии исправить огромное зло, причиненное советской властью российскому народу, брошенному в бой без должной подготовки. Но зло от этого не умаляется. СССР победил. Да, но какой ценой? Завет Петра Великого гласит, что победа достигается „потом и малой кровью”, т. е. трудом и искусством, а это значит надлежащей подготовкой, организацией и наименьшими жертвами. А во что обошлась война России?

Я уже приводил некоторые цифры. Повторим их: по словам Сталина Красная армия потеряла 7 миллионов убитыми; сюда надо причесть еще 4 миллиона погибших и вымерших от голода и лишений в германском плену. Кроме того, потери населения от войны, голода, болезней, стужи, эвакуации, разрушения жилищ и прочих бедствий исчисляются в 17 миллионов, а всего погибло до 28 миллионов человек, не считая 20 миллионов раненых, обмороженных и сирот. Материальные потери см. приложение № 1.

Вот жуткие итоги советской системы. Германия побеждена, и в этом неотъемлемая заслуга великого русского народа и всех народностей, населяющих Россию, но какой ужасной ценой, в особенности, если сравнить с немцами, чьи потери убитыми и погибшими на фронте и в тылу не превышают 4 миллионов. Россия стало-быть за каждого убитого немца заплатила жизнью семи человек. Это расплата за коммунизм и Советы.

В этой войне Россия выказала необычайную мощь, силу

и величие народного духа, не склонившегося перед победителем в тягчайшие минуты кризисов, испытаний и переживаемых бедствий. Не власть, а именно народ, вопреки растерявшейся советской власти, нашел в себе внутренние силы для организации победы над внешним врагом, и ради этой важнейшей цели подавил в себе ненависть к Советам, дабы не растрчивать своих сил для борьбы с внутренним врагом и коммунизмом, а обратить их всецело на разгром и изгнание внешнего врага из родных пределов.

Несмотря на первоначальные ошибки, советский генеральный штаб справился со всеми затруднениями. Не будь он связан советской властью, возможно, что его стратегические решения и замыслы носили бы более решительный и радикальный характер. В советских же условиях, при составлении стратегических планов, советский генеральный штаб вынужден был считаться не столько с военными, сколько с политическими соображениями, вследствие чего нельзя было добиться решительного разгрома врага и война затягивалась.

Это особенно резко бросается в глаза при сравнении с работой генерального штаба у союзников. Там в области стратегии Главнокомандующий ген. Айзенгауер был полный властелин, и например, попытки Черчилля изменить стратегические планы по политическим соображениям и повлиять в этом смысле на „Айку“, терпели неизменный крах. Айк отказывал, имея в виду главнейшую цель — скорее закончить войну, и потому руководствуясь лишь военными соображениями. Не помогало красноречие Черчилля и в тех случаях, когда он обращался за содействием к президенту Рузвельту. Президент в таких случаях отвечал, что он не вправе мешаться в дела Главнокомандующего.

Нам остается еще отметить один печальный штрих, и вот какой:

Немцы обвиняют советские войска в жестокостях и насилиях над жителями и женщинами при вторжении в Германию. Да, к сожалению, насилия были, их нельзя оправдать, но в первые моменты, в разгар стихийных страстей, они, увы, в такой „расовой“ войне неизбежны и являются лишь

ответом на страшные насилия и зверства немцев, совершенные в России. К тому же, к этим насилиям, к мести и расплате звал Сталин, и за них поэтому ответственна та же советская власть, вытравливающая заветы христианской морали и проповедующая „за выбитое око — два, а за зуб — всю челюсть”. Сравнить Москву 1812 г. и Париж 1815 г...

На этом я заканчиваю свой краткий обзор. Я почти не коснулся причин и следствий, а равно не затронул все те многообразные вопросы — политические, моральные, экономические, социальные, идеологические, культурные и иные, так или иначе связанные с войной при исследованиях такого рода, но это — обширная тема, выходящая за рамки моего труда и моей специальности.

В заключение скажу, что Россию ни победить, ни завоевать нельзя, но с коммунизмом бороться можно и должно.

**
*

Приложение № 1.

ПОТЕРИ СССР В ВОЙНЕ 1941-1945 Г.Г.

Молотов в своей речи 6 ноября 1945 года на заседании Московского Совета по случаю 28-летнего юбилея Октябрьской революции, перечисляя потери, понесенные СССР в войне с Германией, между прочим показал:

„В СССР было разрушено 1710 городов и 70.000 сел и деревень. Уничтожено 6 миллионов зданий и осталось без крова около 25 миллионов человек. Крупнейшие промышленные центры страны и города, как Сталинград, Киев, Минск, Харьков, Запорожье, Ростов и др., были полностью разрушены.

Было уничтожено 31.850 промышленных предприятий, на которых работало 4 миллиона служащих и рабочих. Разрушено хозяйство 98.000 колхозов. Погибло 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов овец и коз... Общие потери исчисляются в 485 миллиардов долларов”.

Более подробный перечень потерь гласит:

Людей	17.500.000
Городов	1.710

Сел	70.000
Промышленных предприятий	32.000
Из них:	
1.135 угольных шахт,	
3.000 нефтяных установок,	
61 электрическая станция, с 12.000 сооружений,	
79 предприятий черной металлургии,	
66 химических заводов,	
797 машиностроительных предприятий,	
64 станко-строительных завода,	
169 заводов сельскохозяйственных орудий, лесопромыш-	
ленного инвентаря и оборудования бумажных фабрик,	
41 электрический завод,	
120 хлопчатобумажных фабрик,	
75 трикотажных фабрик,	
125 канатных фабрик,	
36 суконных фабрик,	
8 заводов пластических масс,	
160 кожевенных предприятий,	
100 стекольных заводов,	
204 сахарных заводов,	
649 спиртовых и водочных заводов,	
47 консервных фабрик,	
29 маслодельных предприятий,	
43 табачных фабрики,	
154 хлебопекарни,	
4.490 боен и сыроварен,	
409 строительных предприятий,	
34 основных железнодорожных линий с 65.000 км. рель-	
совых путей, 500.000 км. соединительных жел. дор.	
путей,	
13.000 жел.-дорожных мостов,	
4.100 вокзалов и станций,	
317 паровозоремонтных депо,	
129 вагоноремонтных депо,	
15.800 паровозов,	
42.800 вагонов,	
1.400 пассажирских и транспортных морских пароходов,	
4.280 речных пароходов,	
4.029 мелких судов,	

479 пристаней,
89 судостроительных заводов.

Колхозов	98.000
Совхозов	1.876
Машинотракторных станций	2.890
Домашнего скота	109.000.000
Школ, научных и лечебных учреждений	84.000
Музеев	427
Театров и библиотек	44.000
Церквей православных	1.670
Церквей католических	237
Часовен	69
Синагог	532
Прочих церковных сооружений	258
Промышленных зданий	87.000
Жилых заводских домов	10.000
Санаторий и домов отдыха	212
Осталось без крова людей	25.000.000

Приложение № 2

Перечень наград.

С. Голиков сообщает (стр. 187), что: „На 1 января 1945 года среди награжденных советских воинов было:

русских	2.373.068,
украинцев	482.210,
белоруссов	116.043,
казахов	37.743,
узбеков	26.682,
армян	26.445,
грузин	20.174,
азербейджанцев	13.497,
таджиков	4.027,
киргизов	4.857,
туркменов	4.608,
карелов	3.197,
латышей	3.392,
эстонцев	3.243,
литовцев	2.028,
молдаван	1.981,

мордвин	21.688,
чувашей	20.078,
башкир	11.450,
марийцев	8.076,
других национальностей	169.000.

В числе воинов, получивших звание Героя Советского Союза, было:

русских	4.123,
украинцев	1.033,
белорусов	119,
казахов	58,
азербейджанцев	20,
армян	37,
грузин	41,
узбеков	41,
других национальностей	662.

Приложение № 3.

ПЛАН „БАРБАРОССА”.

Советское издание Академии Наук СССР под заглавием „Очерки истории Великой Отечественной войны 1941-1945” на стр. 41 приводит выдержки из Директивы № 21 („План Барбаросса”), предпослав следующую оценку:

„План Барбаросса” с очевидностью вскрывает весь авантюризм гитлеровской стратегии”. А затем следует выдержка, гласящая:

„Находящиеся в Западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей.

„Следует воспрепятствовать отступлению боеспособных частей в просторы русской территории. Затем путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русская авиация уже не будет в состоянии совершать на германские области нападения.

„Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск-Волга.

„Таким образом, в случае необходимости остающаяся у России последняя промышленная область на Урале сможет быть парализована с помощью авиации”.

Курская операция 1943 года по советским источникам

О сражении в Курской дуге в июле 1943 года можно найти в советской литературе любопытные указания. Советское Главное Командование знало, что главный удар немцы собираются нанести войсками генерала Манштейна, нацеленными на Обоянь и Корочу для прорыва здесь в северо-восточном направлении, дабы отрезать с востока войска, обороняющие Курскую дугу.

На этом направлении занимали оборонительные позиции армии Воронежского и Центрального фронтов, под начальством генералов Ватутина и Рокоссовского. Еще 2 июля Сталин специальной телеграммой предупредил оба фронта об ожидаемом ударе, который должен состояться между 3 и 6 июля.

Командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин, по опыту Сталинградской операции, знал, как надо встретить танковый удар, и в свою очередь расположил на месте ожидаемого удара и прорыва сильные танковые части, которые должны были ответить на удар ударом же, после того, как танки противника разобьются о сильную советскую оборону.

Против Воронежского фронта Манштейн двинул танковые корпуса СС, 48-й и 3-й, а также 2 армейских корпуса, 52-й и 11-й. В общем же против Ватутина было двинуто 18 германских дивизий, из них 10 танковых и 1 мотодивизия, причем в составе танковых германских дивизий приняли участие известные Ватутину по прежним боям танковые дивизии СС — „Адольф Гитлер”, „Райх”, „Викинг” и „Тотенкопф” (Мертвая голова), т. е. лучшие во всей германской армии, составленные, по советскому выражению: из головорезов.

Благодаря разведке авиацией и опросу пленных Ватутина удалось точно установить день ожидаемого удара, как об этом пишет в своем дневнике командир 19-й германской танковой дивизии, генерал Шмидт, который сообщает:

„Для наведения моста для танков был использован предмостный плацдарм у Белгорода. За несколько недель здесь уже было все готово, и прежде всего 60-тонные мосты для „тигров”. Тяжелые металлические части были подтащены вплотную к берегу и замаскированы в камышах. Под прикрытием темноты, в ночь перед атакой, сотни рук сапер должны были, соблюдая тишину, собрать фермы консольного моста для „тигров”. На южной переправе все было готово для наводки 24-тонного моста. Местность благоприятствовала подводу дивизий и оборудованию наблюдательных и огневых позиций. 19-й танковой дивизии на направлении главного удара корпуса обеспечивалась мощная огневая поддержка (в частности, полком 6-ствольных минометов). Многообещающим должно было быть огневое воздействие артиллерии по передовой системе укреплений противника. В то время как накануне назначенного для удара дня (4 июля) действия нашей артиллерии, ввиду пристрелки, стали оживленнее, в расположении противника царил такая тишина, что было ясно: противник все-таки ничего не замечает...

„Как выяснилось однако позже, противнику задолго до начала был известен не только день удара, но и час его начала (из опроса пленных), вплоть до последнего изменения на 10 минут.

„С напряженным вниманием ожидали мотострелки, танковые экипажи, приданные роты „тигров” и артиллеристы более 20 батарей указанное для атаки время, тогда как саперы на обоих мостах с наступлением темноты принялись за работу, а за ними притаились ударные отряды, готовые к прыжку под командой своих батальонных командиров, вооруженные огнеметами и другими средствами ближнего боя. Мосты для „тигров” были готовы. В это время русские начали проявлять нежданное внимание и открыли хорошо пристрелянный огонь артиллерии и фланкирующих пулеметов по переправам. Несмотря на темноту, огонь был очень точный, так что одна надувная лодка, нагруженная до отказа, была потоплена прямым попаданием снаряда. Саперы тотчас же понесли тяжелые потери, так как под каждой распоркой стояло по 40-60 человек.

„Ровно в указанный час для атаки русские открыли из

большого количества орудий всех калибров заградительный огонь, свидетельствовавший о большом сосредоточении вражеских батарей. Из 40 реактивных орудий введенных в бой перед участком дивизии, русские засеяли огнем все овраги, которые могли быть использованы как пути сближения. О продолжении наводки моста для „тигров” не могло быть и речи. Русские громили огнем наши исходные позиции”....

Таким образом, надежда немцев захватить советские войска врасплох, не оправдалась. Русские узнали и подготовились к атаке. Но Манштейн не мог отказаться от намеченного удара и отдал приказ наступать. Отборные германские дивизии ринулись из района Томаровка на север и северо-восток, к шоссе Белгород-Обоянь, на Курск”...

О том, как развернулось Курское сражение, рассказывает биограф Ватутина, М. Брагин, в своей книге „Ватутин”. Он пишет:

„С первых же минут сражение приобрело крайне ожесточенный характер. Бои шли на стокилометровом фронте... В первом эшелоне, построившись ввиду буквы П, медленно идут танки с непомерно длинными стволами орудий... Это „тигры” и „пантеры”.. Следом за ними ползут „фердинанды”, стреляющие чаще всего с места и главным образом по нашей артиллерии. Во втором эшелоне, прикрытые „тиграми”, мчатся средние танки, а среди них и позади идут бронетранспорты с пехотой...

„Натиск противника казался страшным, но наша оборона сдерживала его и противник нес тяжелые потери” (от наших контр-атак и огня). Тем не менее, „враг не прорвал оборону, а вдавил ее всего лишь на 3-4 километра, заплатив за этот „успех” страшной ценой. Уже сгорело свыше 200 немецких танков, и черный дым долго пятнал голубое небо; свыше 200 „Юнкерсов” и „Мессершмиттов” догорало на курской земле, более 10 тысяч фашистов лежало на ней мертвыми. Но на карте к исходу дня одна за другой появлялись все новые и новые цифры и обозначения: прямо перед центром обороны 200 танков противника, еще в одном пункте 80 танков и там же, чуть поодаль, 50, на подходе к фронту с юга на север две огромные колонны — 172 танка и еще южнее 200 танков, на фланге обороны 100 танков. И еще...

И еще... В сражение вступили более тысячи танков, массы пехоты и артиллерии”...

В ночь с 5 на 6 июля танковые соединения (Катукова и Кравченко), предназначенные для контратаки противника, вышли на преуказанный им заранее рубеж. „Сведения, полученные ночью, подтвердили, что Ватутин не ошибся в своих предположениях. Манштейн рассчитывал быть в Курске 9 июля — на четвертые сутки наступления... С утра 6 июля главные силы танкового корпуса СС, оттеснив пехоту Чистякова (занимавшего линию пехотной обороны), стали приближаться к рубежу обороны, занятому танкистами Катукова.

„Танкисты ждали эту атаку еще на рассвете 6 июля, но до 8 часов утра танков противника не было, и это очень беспокоило генералов, опасавшихся, не предпримут ли танковые дивизии обходного маневра. Но когда километра за 3-4 от переднего края на горизонте появились облака пыли и над расположением танкового соединения Катукова загудели вражеские самолеты, стало ясно, что противник нацеливает свой удар на танковое соединение генерала Гетмана.

„Артиллерийскую подготовку гитлеровцы не производили, но начали сильнейшие атаки авиацией. Под ее прикрытием приближались танки. Они шли густыми строями... По всем телефонам последовал приказ Гетмана не стрелять до приближения танков противника. А вражеские танки подползали все ближе и ближе. Командиры частей убеждали генерала, что пора открыть огонь, но командир соединения опасался преждевременно открыть свои силы, и только когда вражеские танки подошли на 400-500 метров, ударили пушки истребительно-противотанковых полков, танковые орудия.

„Атака корпуса СС захлебнулась. Танки повернули назад, оставив на поле боя более 30 костров. Через 2 часа атака повторилась”, но также была отбита. „Это вам не сорок первый год!” — кричали бойцы вслед отступающему противнику.

„Вскоре противник переменял направление удара. Две волны танков, густые, накатывавшиеся издалека так, что когда они приближались к переднему краю, конца их еще не было видно, грозили танковому соединению генерала

Кривошеина. Этот удар более 500 танков на узком фронте был очень опасен. Часть танковых дивизий противника пробились в боевые порядки танкового соединения, а несколько танков противника оказалось у командного пункта генерала Гетмана. „Но генерал Катукон не только остановил противника, а... „стремительными контратаками выбил его из боевых порядков и нанес танковым дивизиям СС тяжелые потери.

„Потерпев на участке соединения Катукон неудачу, противник к исходу дня перенес тяжесть своих атак на соединение генерала Кравченко. Но и тут не прорвал оборону. Наступила ночь на 7 июля.

„Противник продолжал атаки. Ему удалось просочиться в стык между танковыми соединениями генералов Катукон и Кравченко, фланги танковых соединений стали обнажаться. Ватуин бросил на участок прорыва резервное соединение генерала Черниенко и закрыл врагу путь на Обоянь.

„7 июля сражение продолжалось с нарастающей силой: к противнику подошли новые резервы. Гитлеровцы сосредоточили на очень узком фронте 300 танков, поставив в голове атакующих десятки „тигров” и сопровождая атаки танков массированными ударами авиации. Населенные пункты и высоты переходили из рук в руки. Одновременно противник усилил натиск на соседнем участке и, вгрызаясь в оборону, к исходу 3-го дня битвы проник в глубину 35 километров”.

„Ватуин получил приказ Ставки держаться и не допускать прорыв, пока не начнутся боевые действия на других фронтах.

„Наступило 8 июля, четвертый день великой битвы под Курском. Манштейн хотя и добился некоторых успехов, но всей глубины фронта все же не прорвал. Тем не менее 8 числа атаки немец продолжались с неослабевающей силой, поддержанные авиацией, которая в течение 6 часов подряд непрерывно бомбила оборону, причем германские танки пытались атаковать в разных направлениях, нащупывая слабые места для прорыва, но всюду были отбиты с тяжелыми потерями.

„9 июля отличалось высшим напряжением битвы. К этому времени на севере Курской дуги наступление противника против Центрального фронта стало явно выдыхаться. „Но

Гитлер и Манштейн гнали свои войска безжалостно вперед". В этот день танковые дивизии СС атакывали оборону 15 раз. Опасность была еще очень велика, сил у противника было много, но прорвать фронт обороны фашистам не удалось. Они только оттесняли ее, неся огромные потери.

„В этот день фотообъективы самолетов-разведчиков зафиксировали в расположении наступающего противника 280 подбитых танков; по черным дымам, резко проявившимся на пленке, можно было подсчитать 200 горевших танков. „Большая часть танков была уничтожена советской артиллерией. Но, „отражая артиллерией и танками массированные атаки противника, командование фронтом наносило ему сильнейшие удары своей авиацией, перед которой была поставлена задача завоевать господство в воздухе... при помощи мощных соединений бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков. Чтобы возместить потери, понесенные при первом налете советской авиации, Гитлер пригнал новые эскадрильи ассов из Германии, стянул к Курской дуге самолеты с аэродромов Крыма и Белоруссии. Налеты вражеских бомбардировщиков производились также из-под Смоленска, Брянска и других отдаленных аэродромов”.

Завязался отчаянный воздушный бой, причем „на аэродромы Воронежского фронта слетались свежие соединения истребителей из резерва Ставки, и на самом решающем этапе битвы на земле советские летчики полностью завоевали господство в воздухе, лишив неприятельские воздушные эскадры возможности прокладывать дорогу своим танковым дивизиям.

„Нарастал, близился кризис великой битвы. Манштейн вынужден был признать, что пробиться по кратчайшему направлению вдоль шоссе на Обоянь-Курск невозможно. Это направление было прочно закрыто Ватутиным”.

Немцы однако не отказались от борьбы, а решили организовать новый сильный удар и, несмотря на тягчайшие потери, подтянули с других фронтов свежие дивизии, усилили ударную группировку и изменили направление удара. Сняв с прежнего направления наземные силы, немцы перенесли центр тяжести удара в район станции Прохоровка, куда направлена авиация, и куда двигалась, по донесению советских воздушных разведчиков, тысяча танков противника.

„Основная группировка противника, наступавшая с юга строго на север, вдоль шоссе, теперь поворачивала на северо-восток, чтобы, продвигаясь вдоль железной дороги Белгород-Обоянь-Курск, выйти в район станции Прохровка, захватить переправы на реке Псел и затем, базируясь на прохоровском плацдарме, ударить на Обоянь с востока и снова выйти на шоссе Обоянь-Курск. Противник намеревался проорваться к Курску в обход главной группировки фронта, в ее глубокий тыл.

„Ватутин приказал генералу Ротмистрову выйти в район Прохровка-Прелестное; туда же он направил танковые соединения генералов Бурдейного и Попова. Таким образом в месте ожидаемого удара Красное Командование сосредоточило крупную танковую группу, стрелковые дивизии, артиллерийские полки и истребительные противотанковые бригады.

И „в 7 часов утра 12 июля... из района Прелестное на запад двинулись колонны советских танков. В это же время, не зная о появлении на фронте свежих советских танковых сил и пехоты, гитлеровское командование двинуло на восток, на захват прохоровского плацдарма, свои танковые дивизии... Увидев немецкие танки, советские танки на предельных скоростях ринулись в атаку и врезались в расположение „тигровых” масс”. Разыгралось „встречное танковое сражение, в котором участвовали две тысячи танков”. Оно длилось пол дня, продолжалось и потом, то замирая, то вспыхивая с новой силой.”... К вечеру немцы не выдерживают. „Откатывается, назад их пехота, бежавшая за танками, отползают „тигры”... Всю ночь обе стороны провели в маневрировании, рокировках, перегруппировках”.

„13 июля сражение продолжалось, но оно уже распалось на ряд частных боев. В ночь на 14-е противник снова пытался найти слабые места в нашей обороне, но всюду был отбит. „14 июля, во второй половине дня снимки самолетов установили: противник на всем фронте переходил к обороне”.

Таким образом, день 12 июля был решающим для Курского сражения, и вот что показал впоследствии взятый в плен командир танковой дивизии СС „Мертвая голова”, бригадефюрер Гельмут Беккер об бое этого дня:

„Я находился на наблюдательном пункте на крыше од-

ного из домов и наблюдал в бинокль за движением своих войск. Все танковые дивизии развернулись точно по плану и двинулись, уверенные в успехе наступления. В этот момент я заметил на горизонте тучи пыли. Нельзя было разглядеть, кто их поднял, но они все увеличивались в размерах, а вскоре из этих туч стали появляться русские танки. „Это русские двинули свои резервы”, — сказал я своему начальнику штаба и понял, что наступление теперь будет сорвано и что битву за Курск мы проиграли”.

И Брагин добавляет:

„В тот же день, 12 июля, Ставка ввела в битву не только танковые резервы на решающем направлении на Обоянь, но и на всем советско-германском фронте, и по приказу Ставки в наступление перешли ждавшие сигнала Западный и Брянский фронты, так как этот момент был определен моментом кризиса не только под Курском, но и на всем фронте, „ибо крах танкового наступления противника на Курской дуге явился началом катастрофы наступления германской армии в летней кампании 1943 года”.

Через 20 суток после начала германского наступления войска Воронежского фронта вновь достигли тех позиций, на которых они встретили удар 5 июля. А с 12 июля началось контрнаступление советских войск на других фронтах, а именно: Западный фронт под командой генерала Соколовского, Брянский фронт под командой ген. Попова и Центральный фронт под командой ген. Рокоссовского”.

Для отражения этих ударов, „немцы мобилизовали все наличные резервы, но так как фронты начинали наступление не сразу, а последовательно, то противник, бросив все резервы против Западного и Брянского фронтов, вынужден был снимать войска с других фронтов”, бросая их по частям с одного направления на другое, теряя время, в поездках и всюду опаздывая”...

Так была проиграна Курская битва, а за ней и другие в кампании 1943 г.

Приложение №5

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ И ОТДЕЛЬНЫХ ЛИЦ

о труде автора, изданного сначала ротаторным способом.

1. Военный журнал „Переключка”, Ноябрь 1954 г.

„Германо-Советская война 1941-1945 г.г.“.

Имя Ген. Штаба Генерала-Майора В. А. Замбжицкого хорошо известно всему русскому Зарубежью, а потому понятен тот интерес, с которым ожидалось появление в свет его нового труда: „Германо-Советская война 1941-1945 г.г.“.

Ожидания не оказались напрасными. Наша военная литература обогатилась ценным произведением, едва ли не единственным на русском языке, доступным для нашего Зарубежья источником для изучения минувшей II-й Мировой войны.

Выражаясь фигурально, труд ген. Замбжицкого представляет леса, воздвигнутые для построения монументального здания — истории войны 1941-1945 гг. Вспомогательная роль этих лесов настолько велика, что можно утверждать, что предварительное, серьезное изучение его труда в значительной степени облегчит переход к последующему детальному изучению хода войны, поможет легче разобраться в замыслах сторон, развитии военных действий и, наконец, послужит как бы компасом при следовании по еще не совсем ясному и мало проторенному пути изучения грандиозной вооруженной борьбы, еще недавно потрясавшей весь мир.

Ген. Замбжицкому, как опытному военно-научному исследователю, удалось весь огромный материал по истории войны собрать и уложить в статьи, чрезвычайно удобные для изучения и, несмотря на всю свою сжатость, включающие в себе все важнейшие элементы борьбы на восточном фронте.

Базируя свой труд на многочисленных источниках, он сумел избежать односторонности, дав в своем труде объективную оценку операций, планов и замыслов советского и германского командований.

Приложенные схемы облегчают изучение труда и уясняют мысли, высказанные в тексте.

Полезная и нужная книга для каждого, желающего понять сущность недавней войны, ее характер и ее стратегический облик”.

Евгений Обозенко.

2. Газета „Русская Жизнь”, Сан-Франциско, 20 августа 1954 г.

Германо-Советская война. (Об очерке генерала В. А. Замбржицкого).

В Первую Мировую войну Россия была в лагере держав, которые одержали победу, и в эту победу она вложила больше усилий и крови, чем какая-либо из ее союзниц.

Не будь „великой-бескровной”, Россия вышла бы из этой войны на дорогу своего дальнейшего развития и процветания. События всего мира, без русской революции и большевистской заразы, потекли бы иначе и, возможно, не было бы Второй Мировой войны...

События этой титанической борьбы еще долго будут интересовать мир. В том числе особенно остро русских людей, лишившихся своей родины и в первую голову, конечно, тех, кто служил в рядах армии.

Появилось уже много книг, ярко описывающих отдельные события (про осаду Ленинграда и др.), но не было на русском языке описания войны в целом, описания, составленного беспристрастно, правдиво, без замалчивания неприятных сведений для той или другой стороны.

Теперь этот пробел восполнен появлением очерка генерала Замбржицкого, в издании Общества Галлиполийцев в США.

В этом очерке, отпечатанном на ротаторе, кратко, но систематически разобрана вся Германо-Советская война, ее причины, планы сторон, их силы и средства и в хронологическом порядке идут кампании каждого года с рассмотрением всех главнейших операций.

Некоторые операции кратко освещаются с указанием их замысла, исполнения и результатов. Другие, наиболее значительные, рассматриваются подробнее, с указанием многих подробных и характерных деталей.

Борьба за Сталинград, явившаяся переломным моментом в войне и поход на Берлин и его штурм, закончившие войну, особенно ярко изображены автором.

Операции снабжены цифровыми данными, указывается число действовавших дивизий, потери в боях убитыми и пленными, потери или захваты танков и орудий и многие другие сведения.

Отдельно сброшюрованные в тетрадку схемы дают возможность разобраться в направлениях продвижения противников и их маневрах.

Несмотря на краткость изложения, очерк дает возможность понять главнейшие причины как первых неудач красных армий, так и последующих успехов.

Нельзя не отметить ту услугу, которую оказал своему врагу Хитлер. Он привык к легким победам и головокружительным успехам в Польше, во Франции и в первые месяцы войны против Советов, и не хотел признавать, что начавшиеся неудачи требуют изменения в его колоссальных планах. Он отказался во-время послушать своих генералов и отойти к Днепру после неудачи у Москвы и перешел, как говорит автор определением генерала Леера, к „стратегии авантюристической“.

Он отказывает генералу Паулюсу отступить от Сталинграда, приказывает там держаться, принимая это решение единолично, и красные уничтожают 364.000-ю армию германцев.

Далее автор говорит: „советское командование очень скоро учло это слепое упорство немцев и строило на нем свои оперативные и тактические планы и расчеты. Так немцы учили советских командиров, как их, немцев, надо побеждать. А советские командиры оказались способными учениками“.

В таком духе Гитлер продолжает помогать красным до конца войны. Он не слушает советов своих опытных генералов — „донесениям и предупреждениям о грозных признаках не верил... дискуссии между фюрером и командованием достигли небывалого напряжения... Гитлер упорно твердил, что Россия уже пала. Он едко и резко укорял Генеральный Штаб в трусости, которую генералы прячут под маской хладнокровного благоразумия. А сведения о замеченном ежедневном прибытии на фронт новых советских дивизий он считал смехотворным вздором, заявляя, что только мозги наивных теоретиков могут принять за правду эти топорные сталинские хитрости“.

Автор ставит вопрос: „куда девалась былая независимость германских командиров?“... и отвечает: „Гитлер ее вытравил“.

Прочтя очерк генерала Замбжицкого, приходишь к заключению, что из двух „гениальнейших полководцев” у Сталина мозги работали лучше, он в делах военных имел чувство меры, слушался советов своих генералов и победил Гитлера.

Мрачная судьба русского народа от этого не изменилась.

Очерк генерала Замбжицкого вне сомнения найдет большой круг читателей, желающих познакомиться с ходом этой войны”.

А. Ефимов.

***

3. Газета „Россия”, 13. 11. 1954 года.

Рецензия Генерал-Майора Генерального Штаба **Науменко**, Кубанского Атамана.

Германо-Советская война 1941-1945 гг. В. А. Замбжицкий.

Обществом Галлиполийцев в США издан труд Генерального Штаба Генерал-Майора Виктора Александровича Замбжицкого — „Германо-советская война 1941-1945 г.г.” (Краткий военно-исторический очерк).

Издан этот труд в виде тетради большого формата, путем размножения на ротаторе и включает 76 страниц текста плюс атлас карт-схем в количестве 16-ти. очерк этот составлен на основании документальных данных, охватывает все время войны и разбит на 9 глав.

В главе 1-й автор излагает трудности составления очерка, благодаря отсутствию советских официальных данных, особенно о первом периоде войны, который он метко именует „позорным периодом страшных и унижительных поражений” советских армий. Но, тем не менее, он талантливо справился со взятой на себя нелегкой работой, и в остальных 7-ми главах систематически изложил ход событий.

2-я глава посвящена исследованию причин войны, замысла и плана ее. В 3-й автор говорит о силах и средствах воюющих сторон, в 4-й — о вторжении немцев в пределы России и в остальных 5-ти главах разбирает военные действия, разбив их на кампании по годам, начиная с 1941 г. и кончая 1945-м годом.

Включая в себе много фактических данных, труд Генерала Замбжицкого дает полное представление о ходе военных действий на Германо-советском фронте.

Все мы, как непосредственные участники войны, так и

свидетели ее, имеем о ней лишь отрывочные сведения, почему труд Генерала Замбрицкого, который в кратком очерке так ясно изложил всю картину войны, и является весьма ценным вкладом в русскую военно-историческую литературу”...

**

4. Газета „Наша Страна” 2. 2. 1956 года указывает, что печатаются „...очень интересные и отлично документированные „Очерки по истории 2-й Мировой Войны” В. Замбрицкого.

Отзывы отдельных лиц.

5. Б. профессор Николаевской Военно-Инженерной Академии, генерал-майор С. Ф. Балдин пишет:

„Получил Вашу работу о Герmano-Советской войне. Превосходно. Большое спасибо. Читая во время войны об отдельных потерях, не мог себе представить, насколько они колоссальны в общей сумме. Какие жертвы! И какой безумец Гитлер! Как неискусно пользовались успехом советские начальники! Слабо!

„Очень ценная работа, интересная не только для военных. Не преувеличены ли умышленно потери Советов по данным Молотова?”

**

6. Генерал-Майор генерального Штаба А. А. Лампе (помощник Начальника Обще-Воинского Союза). пишет:

„Я прочитал ночью запоем (разрядка генерала Лампе) Твою „Герmano-Советскую войну 1941-1945 гг.” и хочу немедленно написать Тебе несколько слов, чтобы сказать Тебе, с каким исключительным интересом я это сделал и как доволен был тем, что я прочитал... А читаю я ночью потому, что днем времени нет. Это мой тяжелый крест. Но в ночь, когда я читал Твой труд, я как-то времени не заметил, хотя читать ночью со схемами — не так-то просто!”

**

7. Академик, генерал-майор Е. Г. Булюбаш. пишет:

„Получил я Ваш труд „Герmano-Советская война 1941-45 гг.”. Очень и очень благодарен. Я им увлекся. Как Вы сумели

в краткой и сжатой форме представить столь сложное событие?! Честь Вам и слава! Я с трудом отрывался от чтения, когда это было нужно”...

**

8. Инженер Г. Орлов, пишет:

„Ваш труд я прочел с большим интересом и думаю, что он представит еще больший интерес для тех, кто меньше знаком с историей последней войны, ибо несмотря на его сжатость, он дает вполне ясное представление о последовательно развивавшихся событиях, что необходимо знать любому военному из среды наших военных организаций.

„Повторяю, я владею некоторыми языками и кое-что читал на эту тему, но тем не менее прочел вашу работу с интересом, а для тех, кто находится в иных условиях, такой очерк необходим”.

(Г. Орлов скромно отмечает — „кое-что читал на эту тему”, тогда как он обладает огромной эрудицией и читал массу трудов на иностранных языках о войне, ссылаясь иногда на них в своих журнальных статьях).

**

9. Полковник Микулинский пишет:

„Получил Твой труд „Краткий военно-исторический очерк Германо-Советской войны 1941-1945 г.г. в двух тетрадях. Я Тебе очень и очень за них благодарен. Прочел залпом, а потом снова перечитал, разбираясь по схемам, очень наглядным. Прекрасный труд, и как жаль, что нет возможности его издать в полном объеме”.

**

Получены также благодарственные отзывы от совершенно незнакомых автору лиц, благодаривших за „прекрасный” труд.